

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

4

2025

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.vitebsk55@gmail.com
Заместитель главного редактора	КУЧКО Е. Е. – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: avesol@yandex.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tvscholkova@yandex.ru

Абдина А. К.	ИТ-университет в Астане, Астана, Казахстан.
Алимбекова Г. Т.	Центр изучения общественного мнения, Алма-Ата, Казахстан.
Безнюк Д. К.	Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск, Беларусь.
Гигин В. Ф.	Национальная библиотека Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Горшков М. К.	Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Король А. Д.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В.	Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мамедов А. К.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Мысливец Н. Л.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Нарбут Н. П.	Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Оюунханд Ш.	Монгольский государственный университет, Улан-Батор, Монголия.
Симхович В. А.	Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Скворцов Н. Г.	Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Титаренко Л. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т.	Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Филинская Л. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Хуэйжун Ч.	Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	DANILOV A. N. , doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: a.vitebsk55@gmail.com
Deputy editor-in-chief	KUCHKO E. E. , doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: avesol@yandex.ru
Executive secretary	SHCHYOLKOVA T. V. , PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: tvscholkova@yandex.ru
Abdina A. K.	Astana IT-University, Astana, Kazakhstan.
Alimbekova G. T.	Center for Study of Public Opinion, Almaty, Kazakhstan.
Beznyuk D. K.	Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus.
Gorshkov M. K.	Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Hihin V. F.	National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
Huizhong Z.	Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China.
Filinskaya L. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karol A. D.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V.	Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Mamedov A. K.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Myslivets N. L.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Narbut N. P.	RUDN University, Moscow, Russia.
Oyunhand Sh.	National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia.
Simkhovich V. A.	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Skvortsov N. G.	Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Titarenko L. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T.	Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

**ПАМЯТИ АКАДЕМИКА
МИХАИЛА КОНСТАНТИНОВИЧА ГОРШКОВА**
**TO THE MEMORY OF ACADEMICIAN
MIKHAIL KONSTANTINOVICH GORSHKOV**

Трагическое известие об уходе из жизни выдающегося социолога, академика Российской академии наук Михаила Константиновича Горшкова стало глубоким потрясением для всего научного сообщества. Михаил Константинович скончался 24 ноября, не дожив месяца до своего 75-летнего юбилея.

В наиболее сложные для социологической науки периоды М. К. Горшков, обладавший исключительной решимостью, вставал на ее защиту. Он объединял вокруг себя инициативных исследователей с независимым научным мышлением. Его принципиальность и сильный характер всегда были продиктованы высоким чувством ответственности и глубоким человеческим участием. Будучи лидером, Михаил Константинович руководствовался не соображениями личной выгоды или желанием всем угодить, а стремлением предотвратить надвигающиеся проблемы.

Социология – наука с непростой историей, где настоящий руководитель всегда выступает защитником научного сообщества. Михаил Константинович в полной мере соответствовал этой миссии: он никогда не избегал ответственности и на любом

жизненном этапе оставался первопроходцем, открывавшим новые пути для коллег и учеников.

В одном из интервью М. К. Горшков справедливо заметил, что никогда и никакая власть не питала особой любви к социологии. При этом сам он неизменно демонстрировал высокое искусство выстраивания конструктивного диалога с представителями государственной власти, глубоко осознавая, что социология – одна из тех наук, без которых современное сложное и динамичное общество не может развиваться успешно.

В современный период масштабных геополитических и социокультурных трансформаций, смены образовательных парадигм и институциональных преобразований в науке талант Михаила Константиновича как лидера, глубокого исследователя и мудрого руководителя видится особенно востребованным. Тонко чувствуя общественные запросы, он обосновал необходимость разработки суверенной, национально ориентированной социологической теории, неизменно фокусируясь на анализе реальных вызовов современности.

Особое внимание М. К. Горшков уделял диагностике путей эффективного развития страны, формированию стратегии безопасного будущего, а также последовательно отстаивал идею интеграции образовательного и исследовательского процессов. Обладая ярким талантом публичного спикера, он никогда не избегал открытых дискуссий и всегда был убедительным в своей аргументации.

Путь каждого исследователя в науку уникален. Для Михаила Константиновича этапом профессионального становления была аналитическая и организационная работа с молодежью в комсомоле, а также работа в партийных органах на ответственных постах. В этой деятельности М. К. Горшков проявил себя как умелый организатор и глубокий аналитик. В данный период укреплялись его исследовательские навыки и формировалось стремление глубоко разобраться в социокультурных и политических процессах развития страны. Изучение общественного мнения стало ключевой научной проблематикой, которой Михаил Константинович посвятил кандидатскую и докторскую диссертации. Его монографии признаны классическими, а фундаментальные статьи и доклады на престижных международных научных форумах заложили основу для дальнейших исследований. С годами тематика трудов М. К. Горшкова существенно расширялась. В каждую публикацию он

привносил что-то новое – то, что всегда отличало его как глубокого ученого: детальное знание предмета, самостоятельную позицию, масштабные обобщения, отточенный стиль и концептуальную продуманность практических рекомендаций.

Михаил Константинович был не только крупным ученым, но и верным товарищем, надежным другом. В Белорусском государственном университете с теплотой вспоминают его визит в Минск. Навсегда останутся в памяти встречи академика с коллегами, его яркие выступления перед преподавателями и студентами, отличавшиеся исключительной информационной насыщенностью и теоретической глубиной. В рамках визита М. К. Горшков посчитал своим долгом почтить память героев Великой Отечественной войны на площади Победы, возложить цветы к мемориалу воинам-интернационалистам на «Острове слез» и посетить Хатынь. Это глубокое личное отношение оставило неизгладимый след в сердцах всех, кто его сопровождал.

Прощай, дорогой друг... Мы верим, что светлая память о созидательных делах и высоком жизненном пути Михаила Константиновича навсегда сохранится в наших сердцах и истории науки. Искренне соболезнуем родным и близким. Скорбим.

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.vitebsk55@gmail.com

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ROUND TABLE

УДК 140.8

ЧЕЛОВЕК В ФОКУСЕ НОВЫХ ВЫЗОВОВ

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾, П. М. БУРАК²⁾, Ю. П. БОНДАРЬ³⁾, П. А. ВОДОПЬЯНОВ²⁾,
И. Д. ВОЛОТОВСКИЙ⁴⁾, А. И. ЗЕЛЕНКОВ¹⁾, А. Н. КУРБАЦКИЙ¹⁾, М. А. МОЖЕЙКО³⁾,
М. В. МЯСНИКОВИЧ⁵⁾, С. К. РАХМАНОВ⁶⁾, М. А. ЩЁТКИНА⁷⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный технологический университет,
ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Беларусь

³⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

⁴⁾Институт биофизики и клеточной инженерии НАН Беларуси,
ул. Академическая, 27, 220072, г. Минск, Беларусь

⁵⁾Независимый исследователь, г. Минск, Беларусь

⁶⁾Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь,
ул. Красноармейская, 9, 220016, г. Минск, Беларусь

⁷⁾Научно-исследовательский институт теории и практики государственного управления
Академии управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проанализировано состояние глобального социума и экосистемы в условиях нарастающих системных угроз. Участники круглого стола констатировали отсутствие стратегии глобального развития, четкого видения путей достижения безопасного будущего. На фоне эволюции человечества как биосоциальной системы подчеркнуто усиление роли социальной составляющей, недостаточное внимание к гуманистическим факторам развития. Указано на незнание законов природы, которое ведет к разрушению среды обитания человека в ее естественном состоянии. В качестве возможных инструментов решения данных проблем предложена международная кооперация конструктивных экспертно-аналитических сообществ, а также системная интеллектуализация и гуманизация научно-образовательной сферы. Особое внимание уделено необходимости возврата к основополагающей миссии образования, в том числе университетского, – формирование осознанного человека, а не квалифицированного потребителя.

Ключевые слова: человек; новые вызовы и риски; искусственный интеллект; социодинамика; безопасное будущее; глобальный социум; глобальная экосистема; биосоциальная система; гуманистические факторы развития; международная кооперация; гуманизация образования; миссия университета; формирование личности.

Образец цитирования:

Данилов АН, Бурак ПМ, Бондарь ЮП, Водопьянов ПА, Волотовский ИД, Зеленков АИ, Курбацкий АН, Можейко МА, Мясникович МВ, Рахманов СК, Щёткина МА. Человек в фокусе новых вызовов. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;4: 6–26.
EDN: XANPAU

For citation:

Danilov AN, Burak PM, Bondar YuP, Vodopianov PA, Volotovskii ID, Zelenkov AI, Kurbatski AN, Mojeiko MA, Myasnikovich MV, Rakhmanov SK, Shchetkina MA. Humans in the focus of new challenges. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;4:6–26. Russian.
EDN: XANPAU

Сведения об авторах см. на с. 26.

Information about the authors see p. 26.

HUMANS IN THE FOCUS OF NEW CHALLENGES

A. N. DANILOV^a, P. M. BURAK^b, Yu. P. BONDAR^c, P. A. VODOPIANOV^b,
I. D. VOLOTOVSKI^d, A. I. ZELENKOV^a, A. N. KURBATSKI^a, M. A. MOJEIKO^c,
M. V. MYASNIKOVICH^e, S. K. RAKHMANOV^f, M. A. SHCHETKINA^g

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bBelarusian State Technological University, 13a Sviardlova Street, Minsk 220006, Belarus

^cNational Institute for Higher Education, 15 Maskowskaja Street, Minsk 220007, Belarus

^dInstitute of Biophysics and Cell Engineering, National Academy of Sciences of Belarus,
27 Akademichnaja Street, Minsk 220072, Belarus

^eIndependent researcher, Minsk, Belarus

^fCouncil of the Republic of the National Assembly of the Republic of Belarus,
9 Chyrvonaarmiejskaja Street, Minsk 220016, Belarus

^gResearch Institute of Theory and Practice of Public Administration,
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
17 Maskowskaja Street, Minsk 220007, Belarus

Corresponding author: A. N. Danilov (a.vitebsk55@gmail.com)

Abstract. The state of global society and global ecosystem in the context of growing systemic threats is analysed. The round table participants noted the absence of a global development strategy and a clear vision of ways to achieve a secure future. Against the backdrop of the evolution of humanity as a biosocial system, the strengthening role of the social component and insufficient attention to the humanistic factors of development are emphasised. Ignorance of the laws of nature, which leads to the destruction of the human habitat in its natural state, is pointed out. International cooperation of constructive expert and analytical communities, as well as systemic intellectualisation and humanisation of the scientific and educational sphere are proposed as possible tools for solving these problems. Particular attention is paid to the need to return to the fundamental mission of education, including university education – the formation of a conscious person, and not a qualified consumer.

Keywords: humans; new challenges and risks; artificial intelligence; sociodynamics; safe future; global society; global ecosystem; biosocial system; humanistic factors of development; international cooperation; humanisation of education; university mission; personality development.

А. Н. Данилов: Ежегодный, четвертый по счету международный научно-методологический междисциплинарный семинар «Новые вызовы и перспективы развития современного социума», организованный кафедрой социологии, прошел 13 ноября 2025 г. на факультете философии и социальных наук Белорусского государственного университета. В центре его внимания находился один из ключевых вызовов современности – проблема человека и человечества в целом. Тема была сформулирована как «Человек в фокусе новых вызовов». Учитывая комплексный характер обозначенного вопроса, в дискуссии приняли участие философы, социологи, экономисты, химики, биологи, IT-специалисты, инженеры, а также представители других научных дисциплин. По их мнению, ведущую роль в поиске ответов на новые вызовы времени призвана играть философия, социология, в целом фундаментальная наука и технологии.

Сегодня представители одного поколения становятся свидетелями ускорения климатических изменений, деградации биосферы и роста демографического давления на коротком историческом отрезке. Масштаб кризиса иллюстрируют крупнейшие техногенные и социальные катастрофы: аварии на Чернобыльской АЭС и АЭС «Фукусима-1», локальные войны, вооруженные конфликты и террористические акты, повлекшие за собой массовые человеческие жертвы и создающие угрозу для существования био-

сферы. Изменение и истощение окружающей среды неизбежно ведут к трансформации самого человека как неотъемлемой части экосистемы. Глобализация, доминирование материальных ценностей, бурное развитие информационных технологий и искусственного интеллекта (ИИ) могут привести к расчеловечиванию индивида. Нарастающая угроза экологического кризиса по-прежнему не преодолена, что требует объединения усилий мирового сообщества для выработки стратегии безопасного будущего.

Современная модель экономического роста основывается на господстве человека над природой, что породило локальные, а затем и глобальные экологические кризисы. В условиях надвигающейся катастрофы необходимо избрать либо путь согласования социально-экономического развития с законами биосферы, утверждения коэволюционной стратегии взаимодействия общества и природы, либо путь самоуничтожения.

Очевидно, что в ближайшем будущем человечество столкнется с новыми проблемами, преодоление которых потребует глубокой трансформации социально-гуманитарных наук. Стремительное развитие информационных технологий ставит под угрозу саму возможность человеческого будущего. Преодоление этого вызова требует масштабного приращения социально-гуманитарного знания. Это необходимо для научно-теоретического обоснования коэволюционного развития цивилизации и поддержки

созидательных тенденций, обеспечивающих совместное выживание общества и природы.

Обсуждение указанных вопросов на заседании круглого стола обусловлено его междисциплинарной направленностью и консолидацией научных сил для осмысления новых вызовов и угроз, максимального раскрытия созидательного потенциала человека и формирования основ устойчивого и безопасного развития общества.

М. В. Мясникович: Вызов по своей сути – это побуждение к действию, намерение вступить в борьбу, но далеко не всегда прямая угроза. Именно поэтому наш круглый стол «Человек в фокусе новых вызовов» призван выработать такую линию поведения, которая позволит минимизировать риски, а еще лучше – не допустить угрозы. В этом видится ключевая задача и главная цель круглого стола.

В рамках подготовки IV Международного научно-методологического семинара обсуждались не только организационные вопросы, но и содержательная часть мероприятия. Мир быстро меняется, и сегодня философская мысль, научное предвидение должны опережать действительность.

Актуальность темы круглого стола позволяет всесторонне проанализировать существующие проблемы и сформулировать конкретные предложения. Сегодня много общих дискуссий, однако практических решений недостаточно. Почему так происходит? Особенно сейчас, когда временной фактор спрессован до предела, а общество ждет от науки четких ориентиров и сигналов. Для обсуждения обозначенных вопросов акцентируем внимание на следующих ключевых аспектах.

Во-первых, отметим проект Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 гг. Документ 10 ноября 2025 г. был рассмотрен на расширенном совещании у Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко и получил концептуальное одобрение. Имеющиеся идеи и разногласия будут урегулированы в ближайшее время. Это стратегически важный документ, который в конце 2025 г. будет обсуждаться на Всебелорусском народном собрании. Поскольку некоторые участники круглого стола являются делегатами данного всенародного форума, мы имеем возможность выработать конкретные предложения.

Анализ проекта Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 гг. показывает его принципиальное отличие от аналогичных документов прошлых лет. Изменение базовой парадигмы заключается в том, что во главу угла поставлены именно социальные приоритеты и насущные интересы человека. Если раньше следствием экономического роста являлось решение социальных задач, то на новом этапе такие показатели, как качество здравоохранения и образования, поддержка семьи и молодежи, а также продолжитель-

ность жизни, задаются в конкретных измеримых параметрах. Такой подход оправдан и своевременен. Он позволяет гражданам видеть реальную перспективу и формирует уверенность в завтрашнем дне.

С тематикой круглого стола напрямую связан такой национальный приоритет, как «Развитие человеческого потенциала, качественное образование, воспитание гармоничной и патриотичной личности». Данный приоритет содержательно наполняют девять подпрограмм государственной программы научных исследований «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности». Они охватывают историю, культуру, философию, социологию, политологию, образование и другие дисциплины. Учитывая, что в нашей стране действует программно-целевой подход к проведению научных исследований, хотелось бы услышать, какие конкретно проекты и задания вы включили в эти подпрограммы, с какими трудностями и проблемами столкнулись на этапе их формирования и защиты для получения бюджетного финансирования.

На 21 ноября 2025 г. планируется масштабное совещание у А. Г. Лукашенко по вопросам науки и роли НАН Беларуси. Будучи членом постоянно действующей рабочей группы, созданной в соответствии с распоряжением Главы государства, я имею возможность доложить на высшем уровне об успехах и существующих недостатках при реализации обозначенного и других приоритетов государственной программы научных исследований.

Обратим внимание на следующие важные показатели. Благодаря последовательной социальной политике Беларусь уверенно сохраняет позиции в группе государств с очень высоким уровнем человеческого развития. Наша страна занимает 65-е место среди 193 стран в глобальном рейтинге по индексу человеческого развития и 66-е место среди 170 стран по индексу социального прогресса. Более того, по такому важнейшему критерию качества жизни, как доступ к базовым знаниям, республика находится на 22-м месте в мире. Круглый стол собрал ведущих ученых. Интересно узнать их мнение по поводу того, достаточно ли наших усилий сегодня, чтобы мобилизовать общество на масштабную работу по закреплению этих достижений и обеспечению опережающего развития. Полагаю, что современная отечественная философская мысль должна действовать гораздо активнее. Будем откровенны: ощущается дефицит глубоких аналитических предложений по стратегическому развитию. При этом потенциал научного сообщества Беларуси огромен, есть много перспективных идей.

Проект Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 гг. предусматривает активную инновационную деятельность, что является стратегически верным шагом. Республика Беларусь обладает открытой, экспортно

ориентированной экономикой: две трети промышленной и одна вторая продовольственной продукции страны поставляются на экспорт. Такой высокий показатель требует от нас непрерывного выпуска новых товаров. Решить эту задачу можно только через реализацию масштабных инновационных проектов, в том числе с привлечением передовых компетенций, технологий, инвестиций и рынков наших иностранных партнеров.

Если мы обратимся к глобальному инновационному индексу Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) за 2025 г., то увидим, что Беларусь расположилась на 85-м месте из 139 стран... Считаю такую оценку необоснованной, и присутствующие в зале социологи, думаю, со мной согласятся. К сожалению, должной официальной или научной реакции на эти выводы со стороны белорусского экспертного сообщества не последовало.

Пойдут ли к нам заинтересованные партнеры и инвесторы при таких позициях в рейтинге? Ответ очевиден. Примечательно, что по инновационным ресурсам нашу страну разместили на 102-й позиции, а по результатам инновационной деятельности – на 70-й. Очевидно, истина лежит посередине: необходимо гораздо активнее действовать в инновационной сфере и при этом добиваться объективности в международных оценках нашей работы.

Во-вторых, обратимся к такому вопросу, как международные рейтинги. В период моего руководства НАН Беларуси Глава государства определил Институт социологии как одну из ключевых организаций, уполномоченных проводить социологические исследования. Где же результаты работы?

Что бы ни говорили члены Правительства или руководители компаний, сегодня и наши граждане, и зарубежные партнеры ориентируются именно на международные рейтинги, т. е. на данные, которые формируются не национальными, а внешними организациями. Мы вынуждены иметь дело с чужими выводами и оценками. Именно поэтому группа белорусских ученых и представителей деловых кругов, работающих в составе Научно-экспертного совета при Постоянном комитете Союзного государства, предложила инициативу по созданию рейтингового агентства Союзного государства. Я приглашаю профильных ученых и специалистов активно подключиться к этой работе и использовать данную платформу.

Следующая системная проблема – это качество товаров, услуг, самой работы и нашей культуры поведения. Считаю необходимым подготовить проект Директивы Президента Республики Беларусь по вопросам качества. В этом документе должны быть детально отражены три ключевых блока: вертикаль управления качеством, мотивация и персональная ответственность; эффективная защита отечественного рынка; подготовка квалифицированных специалистов по управлению качеством.

В-третьих, рассмотрим проблему глобализации. Многие из присутствующих здесь, да и научная элита Беларуси в целом, долгие годы разделяли идеи глобализации. Для ее развития были созданы все условия: ООН и профильные институты этой организации, а также специализированные международные структуры, такие как Всемирная торговая организация (ВТО), ВОИС, МАГАТЭ, Международная организация труда и др. Однако что происходит с ними сегодня? На практике эти структуры и отдельные государства-члены ведут деятельность, которая полностью противоречит, например, базовым документам ВТО. Глобализации в ее классическом понимании больше нет и, по всей видимости, уже не будет. Сейчас мы наблюдаем глубокую фрагментацию мировой экономики. Мир делится на соперничающие между собой блоки. Налицо торговые войны, санкции и односторонние решения, которые разрушают прежний международный правопорядок. Люди обеспокоены, ждут обнадеживающих сигналов, но они отсутствуют.

Яркий пример – проблема миграции. Мигранты – не просто трудовые ресурсы, это люди со своей религией, нравами и обычаями. Необходимо трезво оценивать риски межнациональной напряженности и жестко пресекать любые факты неуважительного отношения мигрантов к нашим национальным ценностям, устоям, культуре и религии. В связи с этим существует острая необходимость в смелых идеях ученых гуманитарного профиля. Мы с вами не имеем права замыкаться в своих научных кабинетах и ограничиваться кругом служебных отношений. Нам необходимо активно выходить на широкую аудиторию.

В-четвертых, обратимся к проблеме цифровизации. Как бы парадоксально ни звучало определение, данное профессором М. В. Ковальчуком, что интернет – это цифровой ГУЛАГ, по сути, он прав. Ведь идет технологическое порабощение: пропагандируется необходимость ликвидации государственных институтов, навязывается мысль о том, что не нужно учиться, поскольку «все есть в Сети», и выдвигаются многие другие, разрушающие социум инициативы.

Цифровизация в указанном виде – это технологическая зависимость от одного источника. Созданы условия, когда люди добровольно, вместе со своими смартфонами стали частью этой единой системы, рубильник которой может быть выключен в любой момент. Мы все чаще сталкиваемся с расхожей мыслью о необходимости формирования «социума служебных людей», которым не нужно думать о житейских проблемах и что-то самостоятельно решать. Они должны быть ведомыми. Но ведомыми кем? Пока это вызывает улыбку. Однако зря. Последствия могут оказаться необратимыми. Кто из нас аргументированно выступит с опровержением этих губительных для общества идей?

Возьмем вопрос «излишней» численности населения на планете. Даже известные люди начинают критически высказываться на эту тему, выдвигая порой абсурдные тезисы. Например, о том, что естественную заботу человека о ребенке можно заменить заботой о домашнем животном (якобы это и дешевле, и доставляет меньше хлопот). Жестко? Но подобные факты в интернете действительно имеются. Мы видим, что современные учащиеся, равно как и молодежь Z-поколения в целом, мыслят фрагментами, короткими клипами. Они сутками привязаны к компьютерным играм, где выполняют примитивные задачи, и привыкли к быстрой смене картинок. Между тем математические, да и вообще любые жизненные проблемы требуют вдумчивости, глубокого анализа и концентрации мысли. Давайте серьезно подумаем над тем, кто придет нам на смену, каким будет это новое поколение. Уверен, эта тема волнует каждого участника данного круглого стола. Наша задача – помогать людям видеть позитивное будущее, отдаленную перспективу, чтобы не допустить безразличного отношения к делу, семье и обществу.

Обратим внимание на следующий важный аспект. Те, кто стремится разрушить наше общество, используют даже специальный тезис – о так называемом «молчаливом согласии». Низкая электоральная активность – это также серьезная проблема. В Беларуси сегодня нет зримых проявлений указанных деструктивных идей и действий. Однако вокруг нас ситуация иная, а деструктивная мысль, как известно, не имеет границ.

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко неоднократно обращал внимание на необходимость учета того факта, что идет смена поколений. Это исключительно актуальный посыл: кому мы передадим страну? Однако ни от научного сообщества, ни от профильных государственных органов пока нет конкретных предложений.

В-пятых, скажем несколько слов о таком явлении, как социальный пессимизм. К сожалению, сегодня он проявляется все заметнее. Наглядный маркер этого процесса – падение рождаемости. В трудные послевоенные годы (проанализирован десятилетний отрезок с 1950 по 1960 г.) в Беларуси рождалось по 200 тыс. детей ежегодно. В так называемый период застоя (1961–1990), которого, я считаю, на самом деле не было, рождаемость составляла по 150 тыс. человек в год. В 2018–2022 гг. данный показатель снизился уже до 90 тыс. человек, а в 2023 г. родилось всего 65 тыс. детей, что составило лишь 33 % от послевоенного уровня. Именно поэтому предстоящая пятилетка, о приоритетах которой говорилось выше, направлена на «расшивку» таких узких мест. Это стратегическая задача для всей страны и каждого ее жителя.

Наряду с демографией снижается и общественная активность. Мы все чаще сталкиваемся с фактами

безынициативности и приспособленчества. Ученым социально-гуманитарного блока необходимо вовремя замечать эти угрозы. К счастью, в Беларуси они пока не носят массового характера и не сказываются негативно на здоровье общества. Однако их нужно не только видеть, но и убедительно искоренять, действуя на упреждение.

Во время работы в Москве я приобрел на книжном базаре небольшую книгу карманного формата 1944 г. издания – «В помощь военному политруку». Этот сборник содержал в кратком изложении суть трудов классиков литературы: Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, В. Г. Белинского, Л. Н. Толстого, Н. Г. Чернышевского, а также ряда зарубежных писателей и мыслителей. Конечно, излагалась там и суть работ В. И. Ленина, И. В. Сталина. Однако в этой книге не было ни слова о Великой Отечественной войне. Это было мудро. Люди устали от фронта, смертей, холода и голода. Им важно было услышать, что существует и другая реальность – мирная, созидательная жизнь, за которую стоит бороться.

Тема моей докторской диссертации была посвящена финансово-промышленным группам. Положения, выносимые на защиту, содержали доказательства целесообразности объединения возможностей торгового, промышленного и финансового капиталов для ускоренного инновационного развития. Прошло 30 лет. За эти годы мной предпринято немало усилий для укрепления интеграции, развития базовой и инновационной экономики. И сегодня на основе этого опыта могу с уверенностью сказать: гармоничная интеграция торгового, промышленного и финансового капитала мертва, если она не дополняется человеческим, интеллектуальным капиталом.

Известный ученый Дмитрий Иванович Менделеев говорил: «У науки есть два великих предназначения: предвидение и польза». Уверен, что сегодня и в будущем участникам данного круглого стола предстоит решать сложные вопросы развития социума, руководствуясь именно этим напутствием великого мыслителя.

Беларусь – состоявшееся европейское государство, прочно и уверенно заявившее о себе на мировой арене. Наша страна узнаваема в мире как в спорте, так и в науке, промышленности, аграрном комплексе и политике. С нашим мнением считаются. Беларусь – открытая страна. И какие бы проблемы ни создавали нам недружественные блоки и государства, мы способны успешно преодолевать любые трудности как с помощью уже действующих механизмов, так и благодаря новым решениям, которые выработает данный круглый стол.

С. К. Рахманов: Состояние глобального социума и глобальной экосистемы в целом характеризуется нарастающими угрозами по всем направлениям, включая окружающую среду и человеческое сознание.

Наблюдается повышение уровня неопределенности в трансформации социума, находящегося в зоне бифуркации. Выход из нее возможен по разным траекториям – как позитивным, так и негативным, вплоть до вероятности расчеловечивания индивида и его самоуничтожения. В этих условиях очевидно усиление общей тревожности в обществе, обусловленной рациональным осмыслением ситуации и инстинктом самосохранения.

Особую озабоченность вызывает отсутствие системы глобального управления, ориентированной на обеспечение главных интересов человечества. Наблюдается деструктивная практика имитации этой деятельности различными международными организациями, находящимися под влиянием ключевых мировых игроков. Доминирование частных интересов последних вступает в прямое противоречие с общечеловеческими приоритетами, несмотря на постоянные попытки выдать их за глобальные. Кроме того, отсутствует стратегия глобального развития, адекватного видения будущего и путей его достижения. Траектория трансформации под эгидой неолиберализма оценивается не просто как тупиковая, но и как деградационная.

В рамках взаимосвязанного глобального социума ни один субъект в отдельности не способен эффективно решать задачи своего развития, которое должно быть не только устойчивым, но и ответственным. Такая ситуация обусловлена доминированием парадигмы трансформации, являющейся по сути парадигмой социального дарвинизма. На протяжении всей истории человечества она опиралась на преимущественно биологические механизмы регулирования социума: культ силы, паразитизм, потребительство и принудительную унификацию. Это предопределяет бесперспективность инерционного пути глобальной трансформации. Современный гегемон активно использует данные рычаги в своих частных интересах, однако сам остается лишь одним из инструментов этой системы.

Смена мирового гегемона, «концерт великих держав» или переход к многополярности при сохранении указанной парадигмы развития принципиально ничего не меняют, поскольку лежащие в ее основе биологические механизмы жестко лимитируют сроки существования подобных систем. Однако многополярная модель, даже с учетом ее неизбежной хаотичности, предоставляет значительно больше шансов для преодоления этой биологической парадигмы.

По мере развития человечества как биосоциальной системы роль социальной составляющей неизбежно усиливается. До настоящего времени именно гуманистические механизмы остаются на периферии. Исторический этап с преобладанием биологической доминанты в истории был объективным, но попытка сохранить его сегодня – это ложный, тупиковый путь. Если в биологическом мире метод

проб и ошибок допустим, и сбои не ведут к гибели всей планеты, то у современного человечества права на ошибку больше нет. Это определяется антропогенной геотектоникой, которая сформировалась в последние десятилетия за счет создания соответствующих технологий, начиная с ядерных. Ресурс биологических механизмов управления обществом полностью исчерпан. Сегодня необходим безальтернативный переход к доминированию гуманистических механизмов.

Обладея более развитым по сравнению с животными интеллектом, человечество демонстрирует восходящую кривую технологического прогресса. Однако на уровне сознания – сложнейшего комплекса, обеспечивающего способность к ответственному отношению к внешней и внутренней среде, – прогресса не наблюдается на протяжении тысячелетий. Гуманистическая трансформация глобального социума носит волнообразный характер, где подъемы чередуются со спадами в зависимости от наличия критической массы пассионариев-гуманистов. В настоящее время человечество переживает очередную спад, обусловленный доминированием парадигмы социального дарвинизма в форме неолиберализма и нерегулируемой рыночной экономики. Ситуация усугубляется бесконтрольным развитием высоких технологий, обладающих созидательным потенциалом, но в то же время способных нанести разрушительный геотектонический удар по планетарной экосистеме и психике человека, поставив под вопрос саму его биологическую основу. Неконтролируемость или неэффективность контроля над такими направлениями, как ИИ, редактирование генома, создание патогенных микроорганизмов, регулирование центральной нервной системы микроэлектронными устройствами, отражают несостоятельность современного управления из-за его недостаточной сложности, не соответствующей сложности самих технологий.

Если заглянуть глубже экономических основ теории общественно-экономических формаций и учесть биосоциальную природу человечества, можно выделить три этапа глобальной трансформации социума.

Первый этап, охватывающий сотни тысяч лет, характеризуется невысоким, хотя и постепенно повышающимся уровнем интеллекта и сознания. Для этого периода свойственны слабое понимание законов природы, полная зависимость от нее, ее обожествление и вынужденное существование в гармонии с окружающей средой. При этом осознание человеком собственной природы и социальных закономерностей оставалось минимальным.

Второй этап, длившийся тысячи и сотни лет, отмечен значительным ростом интеллекта и накоплением знаний, особенно в технической сфере. В это время сформировалась устойчивая иллюзия, будто человек является «венцом природы» и вправе

перестраивать ее в интересах материального потребления. Однако в реальности дефицит знаний о законах природы привел к масштабному разрушению естественной среды обитания. Гармония была нарушена. Прогресс в области наук о человеке и социуме оставался недостаточным.

Третий этап, исчисляемый последними десятилетиями, демонстрирует дальнейший рост технических возможностей и соответствующего самомнения человека. Это выражается в стремлении усовершенствовать себя, включая тело и сознание. Недостаток знаний становится критическим, а эксперименты грозят непредсказуемыми последствиями. Нарушена гармония человека не только с природой, но и с самим собой. Недостаток знаний о человеке и социуме компенсируется упрощенным моделированием, в том числе с использованием цифровых технологий.

На всех трех этапах, вплоть до наших дней, продолжает доминировать парадигма социального дарвинизма. При последовательном развитии консолидированного естественно-научного и технического знания все более выраженным становится дефицит консолидированного гуманитарного (гуманистического) знания. Следствием этого являются размытость подходов, субъективность и множественность теорий, в том числе противоречащих друг другу. Среди главных причин такого дисбаланса – постоянное усложнение социальной сферы, ангажированность гуманитарных наук и отсутствие их прибыльности в условиях общества потребления. Результатом становится недопустимый откат социально-гуманитарных дисциплин на периферию научно-образовательной политики.

В условиях нарастания указанных системных угроз четвертый этап – при условии сохранения человечества – может наступить через сотни или тысячи лет либо в результате интеллектуального предвидения, либо в силу безысходности. Это будет переход к доминированию наук о человеке и социуме, сформирует адекватное видение будущего и путей его достижения в сфере управления и в глобальном масштабе. На данном этапе будет обеспечена осознанная гармония человека с природой и с самим собой, а также выработаны механизмы гуманистического контроля над технологиями. Парадигма социального дарвинизма, в том числе в форме неолиберализма, прекратит свое существование, а гуманистические принципы на основе консолидированного взаимодействия заменят принципы противостояния и доминирования. Человечество обретет стратегическую перспективу выхода за рамки биологической системы, сроки существования которой ограничены.

Путь развития человечества в конструктивном направлении состоит в интеграции всех накопленных знаний в области интеллектуализации и гуманизации социума, а также в их адаптации к современным

реалиям. Основными инструментами для решения указанных проблем являются международная кооперация конструктивных экспертно-аналитических сообществ, а также системная интеллектуализация и гуманизация научно-образовательной сферы для преодоления перегибов в сторону технократизации и коммерциализации. В числе основных целей необходимо рассматривать возврат к основополагающей миссии образования, в том числе университетского, которая заключается в формировании человека с развитым сознанием, а не квалифицированного потребителя или предпринимателя. Наряду с целенаправленными усилиями экспертного сообщества именно адекватно выстроенная научно-образовательная сфера способна в перспективе обеспечить формирование меритократических глобальных элит, без привлечения которых современный инерционный сценарий трансформации социума принципиально непреодолим.

П. А. Водопьянов: Ничто в науке не имеет смысла, если не рассматривать это через призму глобальной эволюции – от возникновения Вселенной и всего мироздания до появления жизни, сознания и языка. Выбор путей выживания человечества напрямую зависит от полноты информации о текущей экологической ситуации, на основе которой открывается возможность экстраполяции будущих событий. Эволюционный подход позволяет оценить особенности процессов, протекающих на уровнях природы, общества и мышления, поскольку человеческая история является продолжением биологической эволюции. При этом социокультурная эволюция происходит ускоренными темпами, многократно превосходя биологическую по скорости протекания процессов. Данная тенденция в условиях научно-технического прогресса приводит к нарушению законов развития биосферы, что стало одной из главных причин глобального экологического кризиса, представляющего опасность для ближайшего будущего.

Прогнозирование будущего человечества связано с накоплением научных знаний об источниках и характере глобальных угроз. Систематизация этих данных способствовала формированию картин мира и определила в нем место человека. К настоящему времени в качестве обобщающей картины мира сложилось понимание мироздания как универсальной (глобальной) системы, подверженной эволюционным преобразованиям – от Большого взрыва до возникновения человечества – и представляющей собой единый процесс повышения структурной организации мирового целого. Именно это обстоятельство позволяет заключить, что все законы Вселенной могут быть объяснены с позиций глобального эволюционизма. Данная идея выражает общие представления о развитии, отражая структурную и генетическую общность космической, химической, биологической и социальной эволюции, в которой

осуществлен плодотворный синтез принципов развития и системности, ориентированный на уточнение сущности и причин динамизма бытия.

Концепция глобального эволюционизма исходит из универсального характера всех эволюционных процессов во Вселенной, что позволяет единообразно описывать процессы, происходящие на уровнях неорганической, органической природы и общества. Обосновывая роль биологической науки в концепции глобального эволюционизма, академик В. С. Стёпин правомерно отмечает, что универсальный (глобальный) эволюционизм выступает как принцип, обеспечивающий экстраполяцию эволюционных идей на все сферы действительности.

Концепция глобального эволюционизма сформировалась на основе теории Дарвина, объяснившего движущие силы органической эволюции через ее ключевые факторы – наследственность, изменчивость и отбор. Названные элементы, по мнению академика Н. Н. Моисеева, раскрывают содержание концепции глобального эволюционизма. Ее основу составляют законы сохранения и изменения, а также универсальный отбор как механизм выживания наиболее устойчивых материальных образований, включая живые организмы. В контексте эволюционной биологии законы сохранения и изменения соотносятся со стабилизирующей и движущей формами отбора, фиксирующими сохранение существующих видов и их изменение в ходе органической эволюции.

Особое значение для социума имеет искусственный отбор, который направлен на выведение пород животных, сортов растений для удовлетворения потребностей человека и служит основой производящего хозяйства. Если естественный отбор как движущая сила эволюции отсекает неприспособленные формы жизни, то искусственный отбор преследует иные цели, обеспечивая создание продуктивных видов, которые исторически легли в основу продовольственной безопасности. Как отмечал Ч. Дарвин, «человек отбирает только ради своей пользы, природа – только ради пользы охраняемого существа» [1, с. 140]. Именно этот подход обеспечил современной цивилизации колоссальные успехи, включая высокий уровень качества жизни. К сожалению, данные достижения в итоге привели к глобальному экологическому кризису, одной из главных причин которого стал сугубо потребительский вектор социально-экономического развития. Чтобы избежать планетарной катастрофы, человечеству необходимо перейти к осознанному отбору самого ценного и совершенного опыта, накопленного в процессе длительной истории, на основе освоения рациональных идей прошлого.

А. Н. Курбацкий: Многие визионеры, футуристы, особенно западные, акцентируют внимание на опасности так называемого сильного (универсального) ИИ,

способного превзойти человека и выступить против человечества. Согласно прогнозам это случится не завтра, а через 20–30 лет, поэтому считается, что у общества есть время подготовиться. Однако реальная ситуация складывается иначе. Уже сегодня мы массово взаимодействуем с системами ИИ, в основе которых лежат нейросети, известные более полувека. Именно они требуют критического осмысления. Безусловно, современные генеративные модели не являются думающими организмами – это понятные информационные технологии. Однако отсутствие глубокого анализа последствий их внедрения в сочетании с безудержным коммерческим хайпом превращает их в опасный инструмент. Особую активность в этом процессе проявляют крупнейшие американские технологические корпорации (*Big Tech*). Несмотря на публичные заявления их лидеров о социальной ответственности и будущем человечества, реальные экономические практики демонстрируют иные приоритеты. Опыт показывает, что революционное внедрение мощных технологических инструментов без должного анализа последствий и интеграции в традиционные схемы редко приводит к хорошим результатам. Массовый пользователь часто идет по негативной траектории применения технологий, нанося вред самому себе. Примеры очевидны: внедрение калькуляторов снизило навыки устного счета, тренировавшего человеческий мозг; появление поисковых систем (типа Google) привело к ослаблению памяти и неумению предварительно анализировать информацию; массовое распространение интеллектуальных чат-ботов (типа GPT) избавляет пользователя от необходимости решать сложные задачи, блокируя развитие системного мышления, логики и синтеза. ИИ начинает полностью заменять человека в интеллектуальной деятельности. При этом он накапливает колоссальные объемы информации о каждом пользователе, анализирует ее и уже сегодня обретает способность управлять нашим поведением. Фактически ИИ становится «мягкой силой» качественно нового уровня. Данный процесс несет огромную угрозу для молодого поколения, поскольку с раннего детства способствует формированию хаотичного мышления вместо системных знаний.

Сегодня мы активно используем системы ИИ для поиска ответов на любые вопросы, подобно тому как ранее этот процесс осуществлялся в поисковой системе Google. Поскольку опыт взаимодействия с последней насчитывает уже несколько десятков лет, можно подвести некоторые итоги. Многие ведущие ученые и эксперты оценивают их как негативные: привычка к постоянному поиску готовой информации с раннего возраста приводит к необратимым последствиям. Однако чат-боты типа GPT – это не просто поисковые системы. Они гораздо опаснее. Человек приучает себя к мыслительному комфорту.

Зачем выстраивать в сознании сложные логические цепочки, если это могут сделать цифровые инструменты? Данный комфорт обманчив: без нагрузки мозг начинает атрофироваться. Он отвыкает от системности, боится сложных решений и скатывается к фрагментарному мышлению. К тому же GPT, как отмечалось выше, накапливает огромные объемы информации о каждом из нас. И этот процесс можно легко ускорить – достаточно лишь настроить алгоритмы в нужном направлении. К сожалению, эти процессы уже плотно захватили поколение Z+. И в итоге нас может уничтожить вовсе не сильный ИИ будущего, а обычные нейросети. Причем произойдет это незаметно и комфортно, как в известном научном анекдоте о лягушке, которую варят на медленном огне: ей тепло, комфортно, она расслабляется – и в этой приятной теплоте незаметно погибает.

К сожалению, государственные структуры часто сами создают предпосылки для подобных деструктивных процессов. Для замещения многих видов деятельности, традиционно считающихся творческими, не требуется создания сложных систем. Одно дело, когда от ИИ ожидают решения сверхсложных, уникальных задач, которые человек пока не способен решить самостоятельно (или делает это с большим трудом). Это путь к созданию сильного ИИ, требующий огромной энергии и ресурсов. И совсем другое дело – замена так называемой творческой деятельности человека. Особенно если она максимально регламентирована. Чем жестче регламенты и шаблонны работы, тем проще существующим технологиям ИИ полностью заменить человека. Выполняя свои функции в рамках строгих инструкций, работник часто сохраняет лишь иллюзию творчества. Очевидно, что жесткие регламенты и шаблоны полностью исключают возможность подлинного творчества. И эта проблема сегодня затрагивает разные сферы жизни. Безусловно, разумные нормы и стандарты необходимы, но мы уже давно превысили меру разумной необходимости. Попытки контролировать и детально прописывать каждый шаг неизбежно ведут к кризису. В условиях таких искусственных ограничений человек сам превращается в подобие биоробота и заменить его настоящим роботом уже несложно.

В заключение в качестве иллюстрации изложенных тезисов приведу пример из практики. Уже более 35 лет я являюсь заведующим кафедрой технологий программирования. Если ранее статус заведующего предполагал достаточный уровень академической свободы при разумном объеме нормативных ограничений, то сегодня ситуация кардинально изменилась. Общий массив инструкций и стандартов превышает тысячи страниц. В сложившейся ситуации руководитель вместо стратегического планирования и развития кафедры вынужден тратить большую часть времени на обеспечение строгого соответствия многочисленным регламентам. Сотрудника, постав-

ленного в такие рамки, легко заменить нейросетью, в которую заложены все нормативные требования: при правильном обучении алгоритм гарантированно исключит любые нарушения регламентов.

Ю. П. Бондарь: Сегодня масштабы и значимость применения технологий ИИ в экономике, науке, образовании и повседневной жизни расширяются стремительными темпами. Этот процесс наглядно подтверждает глобальный технологический прогресс, который отражает нашу готовность быстро осваивать новые технологии, чтобы качественно улучшать как профессиональную деятельность, так и повседневную жизнь. Однако фундаментальных исследований о влиянии инструментов ИИ на процесс обучения нет, так как они не могли сформироваться за короткое время. В литературе широко описаны способы использования ИИ в обучении как преподавателями, так и студентами. Вместе с тем большинство работ в этой области носят гипотетический характер или базируются на локальном практическом опыте. Именно поэтому обеспечение подготовки молодежи к работе в условиях дальнейшего масштабного применения технологий и инструментов ИИ является серьезным вызовом для системы высшего образования Республики Беларусь и рассматривается как задача по формированию у обучающихся актуальных цифровых компетенций.

Современные исследователи отмечают, что главная причина, по которой страны вынуждены внедрять технологии и инструменты ИИ в образование – это новое цифровое поколение (*digital natives*) граждан. Речь идет о том, что молодые люди уже интуитивно пользуются цифровыми технологиями, это понятный для них мир. Еще одним стимулом интеграции технологий и инструментов ИИ в высшее образование следует считать внешний (со стороны бизнеса и производства) запрос на подготовку в учреждениях высшего образования специалистов, имеющих не только системные представления о возможностях технологий и инструментов ИИ, но и существенный опыт практического взаимодействия с ними в течение всех лет обучения. В качестве третьей причины системного внедрения технологий и инструментов ИИ в образовательную практику высшей школы выступает процесс цифровизации образования в целом, получивший мощный импульс в период 2020–2021 гг.

Важно понимать, что целью внедрения в сферу образования технологий и инструментов ИИ является не сокращение сроков и повышение результативности выполнения учебных задач (если передать ИИ выполнение заданий, то это не повлияет на развитие интеллекта студентов), а полученные компетенции и нарабатываемый студентами практический опыт.

На уровне высшего образования реализация данной задачи предусматривает несколько этапов. В краткосрочной перспективе необходимо обеспе-

чить формирование у студентов общих компетенций по использованию технологий и инструментов ИИ с тем, чтобы на следующем этапе сформировать совместно с работодателями условия для овладения профильными компетенциями по использованию профессиональных технологий и инструментов ИИ в соответствующей сфере профессиональной деятельности и в организации научно-исследовательской работы.

На втором этапе принципиально сделать акцент на совместной с работодателями задаче подготовки выпускников к работе с узкопрофильными инструментами ИИ, которые в настоящее время внедряются и анонсированы к внедрению в производственную деятельность белорусских организаций и предприятий.

Можно отметить, что в Республике Беларусь ИИ в ряде вузов стал неотъемлемой частью образовательного процесса и уже более полутора десятков университетов имеют определенный опыт использования инструментов ИИ в подготовке студентов:

- изучение инструментов ИИ в профессиональной сфере будущих выпускников внедрено в виде тематических модулей в действующих дисциплинах в Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусском государственном педагогическом университете имени Максима Танка, Белорусском государственном технологическом университете, Белорусском государственном университете культуры и искусств, Белорусском государственном экономическом университете, Белорусском национальном техническом университете, Белорусском государственном университете иностранных языков, Могилёвском институте Министерства внутренних дел Республики Беларусь и др.;

- применение инструментов ИИ в научно-исследовательской деятельности осваивается магистрантами в Белорусском государственном технологическом университете, Белорусском государственном университете культуры и искусств и др.;

- изучение теоретических основ ИИ в рамках самостоятельных профильных дисциплин организовано в Белорусском государственном университете информатики и радиоэлектроники, Белорусском национальном техническом университете, Витебском государственном ордена Дружбы народов медицинском университете, Могилёвском государственном университете имени А. А. Кулешова и др.

В связи со сказанным можно утверждать, что мы начинаем рассматриваемый процесс для всей высшей школы не с нуля, а с учетом имеющегося опыта. По поручению министра образования Республиканский институт высшей школы организовал работу по определению возможностей эффективного вне-

рения технологий и инструментов ИИ в образовательный процесс при подготовке специалистов во всех учреждениях высшего образования с учетом профиля образования и разработки унифицированного нормативно-методического обеспечения (методические рекомендации для всех профилей образования) по направлениям внедрения технологий и инструментов ИИ в образовательный процесс и в процедуры аттестации обучающихся, в том числе:

- при включении в имеющиеся общеобразовательные дисциплины (например, «Информационные технологии», «Основы научных исследований», «Философия», иные дисциплины) тематических разделов по изучению основ использования технологий и инструментов ИИ;

- при включении в содержание подготовки специалистов новой учебной дисциплины «Основы использования искусственного интеллекта (по направлениям) в профессиональной деятельности»;

- при проектировании новых профилизаций действующих специальностей высшего образования, определяющих междисциплинарность и использование технологий и инструментов ИИ в конкретной профессиональной деятельности.

Итогом проделанной работы является внедрение в практику учреждений высшего образования Методических рекомендаций по внедрению технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс и в процедуры аттестации студентов учреждений высшего образования, утвержденных Министерством образования Республики Беларусь 17 июня 2025 г.

При абсолютном понимании полезности и эффективности использования в системе образования технологий и инструментов ИИ (объясняют сложные концепции, помогают практиковаться в тестах, изучать руководства, позволяют адаптировать учебный материал под потребности конкретного обучающегося, формировать персональные траектории обучения и т. д.) методические рекомендации призваны сформировать условия для осознанного и ответственного использования обучающимися таких технологий и инструментов, а также стать важным инструментом для преобразования методов преподавания и обучения.

Однако наряду с огромным потенциалом внедрение ИИ в образование сопряжено с рядом серьезных вызовов и рисков. В первую очередь это вопросы этики и конфиденциальности данных обучающихся, обеспечение качества и достоверности образовательного контента, предотвращение плагиата и соблюдение авторских прав.

Для сбалансированного использования ИИ в образовании необходимо учитывать ряд условий. В разработке образовательных инструментов ИИ должны участвовать преподаватели и лидеры индустрии, чтобы он отвечал разным потребностям

обучающихся. Необходимо обеспечить защиту информации, внедряя надежные протоколы конфиденциальности и безопасности. Студенты, преподаватели и специалисты сферы образования должны проходить обучение методам работы с ИИ для его последующего эффективного и безопасного применения.

Включение тематики ИИ в содержание подготовки студентов позволит решить ряд задач:

- обеспечить возрастающий спрос на специалистов в области ИИ и конкурентоспособность выпускников на рынке труда, где высоко ценятся навыки работы с ИИ и умение решать задачи с использованием интеллектуальных систем;
- повысить качество подготовки специалистов, предоставив им возможность освоить теоретическую базу ИИ (алгоритмы машинного обучения, обработка данных, автоматизация принятия решений) и практические инструменты для решения прикладных задач;
- содействовать междисциплинарному подходу, так как технологии ИИ могут применяться в различных областях знаний, что способствует формированию комплексного подхода к решению проблем;
- обеспечить развитие навыков проектной деятельности обучающихся и решения практических проблем в профессиональной сфере и т. д.

Внедрение технологий и инструментов ИИ в систему высшего образования – не просто современный тренд, а стратегическая необходимость, определяющая будущее качество подготовки специалистов. Это требует системного подхода, продуманной нормативной методической базы, постоянного повышения квалификации педагогов и формирования у обучающихся устойчивых цифровых и этических компетенций.

Создание условий для ответственного и осознанного использования ИИ в образовательной и научной деятельности позволит не только повысить эффективность образовательного процесса, но и подготовить молодежь к жизни и работе в высокотехнологичном мире.

М. А. Щёткина: Социальный мир человека включает в себя как макросреду (экономическая, политическая, социальная, духовная система отношений), так и микросреду (семья, трудовой коллектив, ближайшее окружение).

В процессе взаимодействия люди объединяются в общности, выстраивают социальные отношения, которые, как правило, носят несимметричный характер.

Оценку деятельности органов государственной власти и государства в целом человек формирует на основе анализа собственного благополучия и условий жизни своего окружения. Именно социальная

политика государства обеспечивает стабильность настроений в обществе. В широком смысле социальная политика направлена на создание нормальных условий жизни и благоприятных возможностей для развития и самореализации всех членов общества, в узком – включает в себя систему государственных мер поддержки социально уязвимых слоев общества, которые по объективным причинам не могут самостоятельно справиться с тяжелой жизненной ситуацией.

Сильная социальная политика и развитая социальная сфера (ее основные функции – развитие человеческих ресурсов, защита и обслуживание населения), обеспечивая удовлетворение базовых потребностей граждан, снижают уровень напряженности среди социальных групп и индивидов и обеспечивают стабильность общества [2].

Закон приоритета социальных целей выступает одним из основных принципов социального управления. Еще в рамках консервативной христианской идеологии доминионизма был сформулирован «Мандат семи гор», определяющий семь сфер общества, над которыми надо установить контроль: семью, религию, образование, средства массовой информации, искусство, бизнес и правительство.

На современном этапе указанные направления влияния на общество остаются актуальными¹. Не случайно семья среди них стоит на первом месте. Именно в ней формируется личность представителя подрастающего поколения. Традиционная семья прививает нравственность, духовность, учит выстраивать внутрисемейные отношения, любить родную землю.

Управление обществом осуществляется через целенаправленное воздействие на условия жизни различных социальных групп и индивидов, а также через влияние на условия жизни людей, их ценностные ориентиры, поведение. Для обеспечения обратной связи и своевременной корректировки управленческих решений необходимо регулярно проводить мониторинг общественных настроений.

Главным объектом и субъектом национальной безопасности является человек. Социальная стабильность – это состояние устойчивости и внутреннего равновесия общества, без которого невозможно обеспечить безопасность государства. Достижение социальной стабильности зависит от повышения качества жизни населения и соблюдения прав человека. Качество жизни – это не только материальное благополучие, но и духовные, семейные, религиозные, этнонациональные отношения, которые определяют степень удовлетворенности человека социальной сферой [3].

Для определения перспектив социальной сферы ее ключевые компоненты следует рассматривать в контексте достижения целей устойчивого разви-

¹Что такое мандат семи гор, и является ли он библейским // Got Questions : сайт. URL: <https://www.gotquestions.org/Russian/Russian-seven-mountain-mandate.html> (дата обращения: 10.10.2025).

тия (ЦУР). В настоящее время в Республике Беларусь разрабатывается Национальная стратегия устойчивого развития на период до 2040 г. Ее стратегической задачей выступает рост качества жизни населения. Достижение этой цели планируется посредством развития человеческого и научно-технологического потенциала, формирования цифровой индустрии и конкурентной рыночной среды. Особое внимание уделяется внедрению ресурсоэффективных бизнес-моделей при сохранении природных экосистем и обеспечении экологической безопасности².

В рейтинге достижения ЦУР в 2024 г. Беларусь занимала 30-е место из 167 стран, в 2025 г. – 32-е место. Для сравнения: у Кыргызстана было 47-е место, у Китая – 49-е, у России – 51-е, у Казахстана – 70-е, у Таджикистана – 88-е.

В Республике Беларусь достигнут один из самых низких уровней малообеспеченности населения, а показатели роста реальной заработной платы и среднемесячной пенсии находятся под постоянным контролем государства. Обеспечивается их динамичный рост, поддерживается высокий уровень занятости населения, обеспечивается доступность и развитие здравоохранения. По уровню достигнутого прогресса в сфере образования Беларусь входит в группу 30 развитых государств мира. В международном рейтинге по индексу экологической эффективности в 2024 г. Республика Беларусь заняла 32-ю позицию среди 180 стран. Экологическая составляющая рассматривается вместе с социальной, поскольку состояние окружающей среды прямо влияет на здоровье граждан.

Анализируя социальную компоненту на глобальном уровне, нельзя не учитывать такие общие вызовы, как обострение демографических дисбалансов и старение населения, рост дефицита квалифицированных кадров, неравный доступ граждан к социальным благам, которые наблюдаются на фоне геополитической конфронтации, деглобализации, регионализации, автономности научных технологических цепочек, избирательного сотрудничества, прогноза замедления темпов мировой экономики.

Пристальное внимание должно быть уделено созданию условий для устойчивого демографического развития. Следует учитывать, что согласно прогнозу Всемирной организации здравоохранения к 2040 г. население планеты превысит 9 млрд, число жителей старше 60 лет возрастет почти в два раза. Недостаток трудовых ресурсов ставит под угрозу стабильность государственных систем, в первую очередь пенсионного обеспечения, здравоохранения и социального обслуживания граждан.

На фоне обострения проблемы депопуляции в Республике Беларусь новая парадигма социальной политики должна быть нацелена на формирование высокой демографической культуры общества. Ключевыми приоритетами выступают рост рождаемости,

смещение среднего возраста матери при рождении первого ребенка к 23–24 годам, а также комплексная поддержка молодых семей, воспитывающих детей.

Регулирование миграционных процессов на белорусском рынке труда необходимо осуществлять с учетом национальных интересов и потребностей локальных рынков. Первоочередной задачей в данной сфере выступает обеспечение притока высококвалифицированных кадров. Важна не только территориальная мобильность трудовых ресурсов, но и развитие многоступенчатой подготовки специалистов, способных быстро адаптироваться к цифровой трансформации экономики и изменяющимся условиям на рынке труда. При этом с учетом внедрения в жизнь общества такого инструмента, как ИИ, необходимо уделять внимание сбережению интеллектуального ресурса и развитию когнитивных способностей в процессе образования.

Развитию социальной сферы в Беларуси отводится первостепенное значение. Так, основными направлениями государственной политики в социально-трудовой сфере являются разработка предложений и реализация основных направлений и приоритетов государственной политики по вопросам:

- содействия занятости населения;
- оплаты, условий и охраны труда;
- государственного социального страхования и пенсионного обеспечения;
- демографической безопасности;
- социального партнерства, урегулирования коллективных трудовых споров;
- улучшения социально-экономических условий жизнедеятельности семьи;
- обеспечения равных прав и равных возможностей мужчин и женщин;
- социальных гарантий населению.

В соответствии с развитием общества совершенствуется законодательство о труде, занятости и социальной защите населения, пенсионном обеспечении, социальном обслуживании, осуществляется контроль (надзор) за соблюдением законодательства о пенсионном обеспечении, занятости населения, государственном социальном страховании, труде и об охране труда, по вопросам предоставления компенсаций работникам за работу с вредными и (или) опасными условиями труда.

Имплементация ЦУР в социальной сфере определена по следующим направлениям деятельности.

Цель 1. Ликвидация бедности.

Цель 3. Хорошее здоровье и благополучие.

Цель 4. Качественное образование.

Цель 5. Равенство мужчин и женщин.

Цель 8. Достойная работа и экономический рост.

Цель 10. Уменьшение неравенства.

²Цели устойчивого развития // Цели устойчивого развития в Беларуси : сайт. URL: <https://sdgs.by/targets> (дата обращения: 10.10.2025).

В Республике Беларусь реализуется программно-целевой метод планирования. На ближайшую пятилетку определено признание человека главной ценностью с возможностью самореализации. Данный вектор является составляющей таких направлений, как развитие регионов, бизнес-среды, цифровой индустрии, экологии и интеллектуальной экономики.

Особое значение имеет тот факт, что в структуру Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 гг. включены десять государственных программ непосредственно социальной направленности.

1. Развитие демографического потенциала.
2. Здоровье нации.
3. Физическая культура и спорт.
4. Общество равных возможностей.
5. Беларусь интеллектуальная.
6. Сбалансированный рынок труда.
7. Дороги Беларуси.
8. Транспорт Беларуси.
9. Строительство жилья.
10. Комфортное жилье и благоприятная среда.

В процессе социального управления необходимо учитывать, что структура общества представлена разными поколениями, обладающими специфическими социокультурными особенностями. К ним относятся бэби-бумеры, а также поколения X, Y, Z и альфа. Несмотря на ценностные различия, представители всех групп демонстрируют единое стремление к жизни в условиях мира, благополучия, взаимопонимания и солидарности.

Результаты социологических исследований показывают, что для всех поколений приоритетными являются такие ценности, как здоровье, семья, доход, наличие собственного жилья, достойной работы, перспектив. Сильная социальная политика Республики Беларусь гарантирует развитие социальной сферы и удовлетворение запросов граждан, обеспечивая тем самым стабильность и устойчивое равновесие в обществе.

И. Д. Волотовский: Хочу поделиться своими впечатлениями от доклада об ИИ, который сделал А. Н. Курбацкий. К сожалению, ИИ может применяться не только в созидательных, но и в противоправных целях, что создает новые угрозы общественной безопасности. Если не поставить процесс использования ИИ под контроль человека, естественного интеллекта, то мы можем столкнуться с большими проблемами. Представляется, что организация подобного контроля в условиях глобального гетерогенного мира является труднодостижимой задачей. Наиболее критической угрозой будущего выступает снижение роли человека в условиях всеобщей компьютеризации на фоне рисков сокращения численности населения планеты.

Перейдем к клеточной биологии. Со школьных времен мы привыкли к мысли, что у всего в мире

есть начало и конец. Однако этот вывод не абсолютен. Если Вселенная и галактики кажутся нам вечными, то Земля и жизнь на ней имеют точку отсчета. Исходя из научных теорий, живая материя зародилась из неорганической природы: сначала возникли биологические молекулы, затем бактерии, и в итоге эволюция привела к появлению человека. Каждому живому организму отмерен свой срок и на фоне вечности космоса эта дискретность жизни выглядит удивительным парадоксом. При этом на нашей планете сформировалось уникальное биоразнообразие, насчитывающее много тысяч видов, колоссальная часть которых сосредоточена в микромире. Усложнение саморегулирующихся систем согласно Дарвину и его последователям происходило спонтанно. Проблематично уложить в сознании, как из примитивных одноклеточных структур образуются сложные саморегулирующиеся организмы. Если же перейти от отдельного организма к целой популяции, то она оказывается потенциально бесконечной во времени, при условии, что в ее жизнь не вмешиваются внешние факторы. Популяции разных видов не перемешиваются между собой и в течение длительного времени сохраняют свою видовую чистоту. При этом внутри них работают мощные бессознательные силы размножения и умножения численности. В этом процессе идет постоянный естественный отбор на выживаемость и способность служить интересам своего вида. Действительно ли вся эта система могла возникнуть сама по себе, в ходе эволюции? В это объективно верится с трудом.

Следующий вопрос связан с анализом роли клетки в поддержании жизнедеятельности отдельных особей в популяциях, что составляет основу существования всего животного мира, включая человека. Как известно, жизнь животного организма начинается с оплодотворения яйцеклетки, которая претерпевает несколько структурных переходов на начальных стадиях своего развития. На стадии бластоцисты в яйцеклетке накапливается значительный клеточный материал – эмбриональные стволовые клетки. Их дальнейшее развитие идет по двум магистральным путям, которые обеспечивают формирование эмбриона, а затем плода – прообраза человеческого организма. Речь идет о двух пулах стволовых клеток: гемопоэтических и мезенхимальных. Первый пул используется для производства клеток крови, эритроцитов, лейкоцитов, тромбоцитов и др., второй пул служит строительным материалом для органов и тканей. В раннем возрасте концентрация мезенхимальных клеток очень высокая: на 10 тыс. обычных клеток приходится 1 мезенхимальная стволовая клетка. С возрастом данное соотношение меняется. Так, у 70-летнего человека на 10 млн обычных клеток приходится 1 мезенхимальная стволовая клетка. Тем не менее в зрелом, сформировавшемся организме мезенхимальные стволовые клетки продолжают

играть ключевую роль для клеточного метаболизма. Тканевые клетки постоянно разрушаются, вместо них образуются новые. Обменные процессы характеризуются высокой интенсивностью. В течение месяца в организме разрушается до исходных строительных соединений – аминокислот, жирных кислот и сахаров – примерно 10 кг клеток, на основе которых формируются новые. Образование новых клеток из мезенхимальных стволовых происходит в особых макроклеточных структурах – тканевых «нишах». В них стволовые клетки дифференцируются, превращаются в функционально высокоактивные тканевые клетки. В здоровом организме поддерживается постоянный баланс между разрушением старых и образованием новых клеток. Этот удивительный регуляторный процесс направлен на то, чтобы каждый организм в популяции жил как можно дольше, а сама популяция оставалась устойчивой во времени по своей численности и функциям.

В заключение необходимо подчеркнуть, что окружающий мир и сам человек представляют собой чрезвычайно сложные системы. В растительной и животной природе незримо реализуются объективные закономерности поддержания жизни, механизмы контроля которых на современном этапе понятны лишь в общих чертах. Жизнь постоянно формулирует новые задачи, решать которые призвано академическое сообщество.

А. И. Зеленков: Проблема осмысления перспектив человека в его биологической и социокультурной проекциях стала одним из самых актуальных трендов в условиях беспрецедентного динамизма современных обществ. Обилие идей, концепций и точек зрения по этой проблеме вполне обоснованно позволяет утверждать, что феномен постчеловека становится сегодня очевидным приоритетом не только науки и философии, но и различных версий публицистики и массовой субкультуры.

В данном контексте представляется интересным обозначить позицию популярного сегодня автора – профессора исторического факультета Еврейского университета в Иерусалиме Юваля Ноя Харари. Кратко рассмотрим основные акценты его идеи о наступлении эпохи техногуманизма и религии данных, или датаизма.

Известно, что в своей получившей широкое признание трилогии («Sapiens: a brief history of humankind»; «Homo deus: a brief history of tomorrow»; «21 lessons for the 21st century») Ю. Н. Харари предпринимает амбициозную попытку изложить и ярко проиллюстрировать свою концепцию макроистории (об этом см. [4]). Смыслообразующая идея этой концепции состоит в том, чтобы обосновать приоритетный вектор исторической динамики человечества в направлении от *homo sapiens* к *homo deus*. При этом Ю. Н. Харари задается принципиально важным для него вопросом: для чего нужно изучать историю.

И ответ его заслуживает особого внимания: «не для того, чтобы предсказывать будущее, а для того, чтобы освободиться от прошлого и представить себе возможные альтернативы судьбы» [5, p. 74].

В исторической эволюции *homo sapiens* Ю. Н. Харари выделяет три основных этапа, каждый из которых становится реальностью в результате когнитивной, аграрной и научной революции. По его мнению, именно третья, научная революция создает необходимые предпосылки для наступления радикально новой эпохи постчеловека. Логика рассуждений Ю. Н. Харари при этом достаточно типичная для представителей позитивистской и технократической ориентаций в современной философии и футурологии. Научная революция, считает он, начинается в Западной Европе около 500 лет назад. Она возводит на пьедестал социальной жизни деньги и науку. Этот симбиоз становится определяющим фактором общественного развития. Наука превращается в доминирующую форму культуры и вытесняет ее рефлексивные формы – религию, философию, искусство, мораль – на периферию жизненного мира современного человека. Поскольку наука как предметная форма сознания очень быстро сращивается с технологиями и превращается в ведущую производительную силу общества, она радикально изменяет не только природу, но и самого человека. Наступает эпоха гуманистической революции, которая призвана сделать человека подлинным «повелителем галактики», с помощью наукоемких технологий и генной инженерии подарить ему биохимическое счастье и настоящее бессмертие. При этом грядущую гуманистическую революцию автор оценивает как важнейший этап на пути подлинного освобождения человека от традиционной мифологии. С помощью науки и высоких технологий человек избавляется от всех несовершенств собственной телесности и психической организации, а это значит, что он сам превращается в Бога.

В принципе указанные идеи не являются радикально новыми. Еще в эпоху Средневековья обсуждался миф о гомункуле – странном существе с искусственным мозгом. В XX в. подобные идеи стали предметом футурологических дискуссий и творческих новаций в жанре научной фантастики. Достаточно вспомнить роман английского писателя А. Кларка «Черты будущего» или философско-футурологический трактат С. Лема «Сумма технологий». В них (часто в ироничной манере, но вполне предметно) обсуждаются проблемы возможной биоцифровой конвергенции человека и перспективы трансгуманизма. Однако в интерпретации Ю. Н. Харари эти идеи приобретают новое звучание, во многом синхронизированное с архетипами массовой культуры и обыденного мировосприятия. Необходимо отметить, что, как правило, восторженная реакция на его труды и творческие откровения была характерна

для массовых популярных изданий. В них подчеркивался важный просветительский эффект авторских прогнозов и публикаций, также отмечалось, что данные прогнозы всегда излагаются в увлекательной, нередко парадоксальной форме, ярко и талантливо. При этом Ю. Н. Харари постоянно провоцирует читателя нестандартными оценками и обобщениями, побуждая к креативному восприятию актуальных явлений из мира современной науки и культуры. В этом пестром наборе образов и метафор, тенденциозно подобранных фактов и констатаций просматривается единый сюжетный замысел автора – раскрыть истоки и причины исторической трансформации *homo sapiens* в *homo deus*. Так возникает весьма экзотическая версия междисциплинарного футурологического проекта, в котором техногуманизм и религия данных открывают перспективу наступления эпохи постчеловека.

По мнению Ю. Н. Харари, сегодня четвертая промышленная революция и высокие технологии открывают перед человечеством невиданные прежде возможности. На смену традиционной культуре с ее идеями богов и религиозных миров приходят технорелигии. Ю. Н. Харари разделяет их на два типа: техногуманизм и религию данных. Техногуманизм, который призван заменить классический европейский гуманизм, признает бесперспективность традиционной модели человека в будущем. *Homo sapiens*, каким мы знаем его сегодня, исторически исчерпал себя. Задача состоит в том, чтобы, опираясь на современные технологии, создать намного более совершенного человека – *homo deus* [6, с. 411–412].

Еще более радикальную перспективу обещает человеку религия данных, которую Ю. Н. Харари называет датаизмом. Эта версия технорелигии констатирует, что «люди выполнили свою космическую задачу и должны теперь передать факел абсолютно новым формам существования» [5, р. 409]. Датаизм утверждает, что Вселенная состоит из потоков данных. Следовательно, и человек как биосистема, живой организм есть прежде всего набор биохимических алгоритмов. Согласно принципам датаизма биохимические и электронные алгоритмы подчинены единым математическим законам. Соответственно, данная синхронизация открывает реальную перспективу единства и унификации не только науки, но и культуры в целом. Развивая эти идеи, Ю. Н. Харари замечает, что пятая симфония Бетховена, пузырь на фондовом рынке и вирус гриппа – три разновидности потока данных. Таким образом, музыковеды, экономисты и микробиологи наконец смогут понять друг друга [6, с. 430–431].

Конечно, приведенные идеи и размышления израильского историка хотя и опираются на многие факты и данные современной науки и высоких технологий, но являются весьма эксцентричными и часто выражаются в формах эпатазирующих обобщений.

Они вызывают эмоции, стимулируют дискуссии, не оставляют равнодушными очень многих людей. Однако отметим тот факт, что представители научного сообщества и академической общественности намного сдержаннее и достаточно скептически оценивают достоинства и реальное значение для современной науки и культуры идей Ю. Н. Харари о новом гуманизме и обозначенных им перспективах человека. Они подчеркивают иллюзорность многих его претензий и очевидную научную уязвимость антропологических прогнозов. Причем и Ю. Н. Харари не всегда однозначно оценивает начертанное им будущее человека и человечества. Он признает, что его глобальный прогноз сулит человечеству не только радужные перспективы в облике *homo deus*, но и очевидные вызовы, угрозы и испытания. Осознавая эту драматическую диалектику истории в ее будущем воплощении религии датаизма, Ю. Н. Харари в определенной мере изменяет своему оптимистическому мировосприятию и не исключает того, что в грядущем обществе риска человек вынужден будет уступить место бурно прогрессирующему ИИ. «Созданные нами же критерии спишут нас в вечность следом за мамонтами и китайскими речными дельфинами. И задним числом выяснится, что человечество было просто пеной в бурлящем космическом потоке данных» [6, с. 463].

Таким образом, обращение к одной из широко известных сегодня версий ответа на вопрос о возможном будущем человека, изложенной в концепции макроистории Харари, еще раз подтверждает тезис о неизбывной амбивалентности любых попыток обосновать однозначную технократическую перспективу разрешения извечной метафизической дилеммы науки и культуры. Сказанное означает, что возможная оценка грядущей эпохи постчеловека по-прежнему остается в пространстве выбора между фантазмом и реальностью.

П. М. Бурак: Теоретической протокомпозицией выступления является концептуализация регулируемой коэволюции как способа минимизировать негативные проявления спонтанного развития социальных, социоприродных и социотехноприродных систем. Согласно замыслу автора решение данной проблемы позволит сформировать инструментально-регулятивное знание, необходимое для нейтрализации вызовов и обеспечения социальной, социоприродной и социотехноприродной безопасности. Такой теоретико-методологический подход направлен на будущее упреждение дестабилизирующих тенденций неконтролируемой коэволюции, объективно протекающей на всех структурных уровнях организации природы, общества и мышления человека.

Стихийная глобальная коэволюция выступает всеобщим атрибутивным свойством эволюции Вселенной. Данный процесс объединяет механизмы интеграции, дифференциации и многовекторного

развития самоорганизующихся систем. Свойства их открытости и неравновесности инициируют постоянное взаимодействие элементов. Именно это непрерывное взаимодействие обеспечивает единство мироздания на всех исторических этапах – от появления элементарных атомно-молекулярных структур до существования человеческой цивилизации. Генезис и сущностные характеристики глобальной стихийной коэволюции как неотъемлемого свойства Вселенной исследовал Э. Янч [7]. Ученый рассматривал эволюцию Вселенной с момента Большого взрыва как самоорганизующийся процесс. Его работа позволяет раскрыть невидимый фундамент глобальной стихийной коэволюции, состоящий в формировании, воспроизводстве и транслировании всеобщих атрибутивных свойств на всех уровнях бытия. Данные свойства обеспечивают взаимозависимое существование различных элементов, обуславливая системную целостность природы в ее самом широком понимании, включая человеческое общество. К таким свойствам относятся всеобщая связь, взаимодействие, движение, развитие, самоорганизация, системность, отражение, а также пространственно-временные характеристики бытия. Всеми указанными атрибутивными свойствами природа в ее широком понимании обладала задолго до появления человека.

Сказанное означает, что стихийная глобальная коэволюция во всем многообразии ее объективных проявлений – от интеграции и дискретности до устойчивости и противоречивости – на протяжении всей истории ставила человека перед выбором. Ключевым вызовом для него в условиях многомерной неопределенности окружающей среды становится поиск механизмов самосохранения и определение стратегии дальнейших действий. Поясним принципиальные вопросы, связанные с возможностью регулирования стихийной коэволюции и границами ее управляемости.

Отметим ряд выводов, к которым пришел автор за долгие годы работы над проблемой. Во-первых, коэволюция как процесс взаимозависимых изменений различных по своей природе систем, находящихся на разных ступенях развития, всегда выступала неотъемлемым условием человеческого существования.

Во-вторых, данный феномен одновременно несет в себе как созидательный потенциал, так и мощные разрушительные силы. Коэволюция не отменяет процессы энтропии и негэнтропии, а соединяет их в рамках существования объектов живой и неживой природы, социального человека и создаваемой им техники. Этому объективному закону подчинено и человеческое мышление. Доминирование стихийной коэволюции определяет как интеграцию, так и дезинтеграцию представлений людей о механизмах достижения общественной безопасности.

В-третьих, человек не в состоянии отменить стихийную глобальную коэволюцию, историческим продуктом которой он является. Данный процесс выступает неотъемлемым метаатрибутом взаимосвязанного существования всеобщих параметров мироздания. Именно благодаря этому объективному механизму человек обрел свое особое место в спонтанной, самоорганизующейся системе бытия.

В-четвертых, актуальной задачей становится минимизация истощающего природу потребительского отношения человека. Обеспечение безопасности экологических изменений и сохранение самого человека требуют внедрения коэволюционной стратегии, выступающей рациональным и этически обоснованным решением.

В-пятых, абсолютное регулирование отношений между обществом и биосферой со стороны разума невозможно. Одной из существенных причин этого является неустранимость стихийной коэволюции, которая объективно определяет развитие естественной природы, общества, человеческой деятельности и культуры.

Глобальная коэволюция регулирует процессы стабилизации и дестабилизации по «своим» стихийным законам, демонстрируя нейтральность по отношению к элементам системы. Тем не менее конструктивный выход из этого эволюционного вызова существует.

1. На протяжении истории своего развития человечество накопило колоссальный массив знаний, умений и практических навыков в естественных, технических и социогуманитарных науках. Данный социокультурный опыт, охватывающий философию, социологию, экономику и другие дисциплины, позволяет индивидам и сообществам успешно адаптироваться к стихийной коэволюции. Общество освоило эффективные приемы регуляции этих процессов, необходимые для достижения стратегических целей жизнеобеспечения. Неправоммерно утверждать, что общество не выработало механизмов адаптации к стихийной коэволюции. Будучи всеобщим свойством системообразования, данный процесс на всех исторических этапах заставлял человечество накапливать опыт, обеспечивающий его выживание. Анализ истории человеческой культуры, а также классических и современных научно-философских источников убедительно свидетельствует о непрерывности процесса накопления данного опыта. В качестве примера приведем один из новейших источников, посвященных проблемам регуляции социального взаимодействия в социологии [8]. В данном исследовании социальное взаимодействие рассматривается как элемент универсального принципа всеобщей взаимосвязи. В универсальном масштабе мироздания этот интегрирующий принцип составляет онтологический фундамент глобальной стихийной коэволюции. Ввиду невозможности

упразднения универсального характера указанного принципа человечество не способно отменить и саму глобальную стихийную коэволюцию. Однако, обладая свободой воли, человек как автономный субъект способен регулировать действие данного принципа. В этом и заключается реальное управление коэволюцией в доступном нам масштабе. Сделаем следующий вывод, основанный не только на приведенном примере.

2. Коэволюционные процессы поддаются фиксации как при непосредственном визуальном наблюдении, так и с помощью приборов на молекулярном, биохимическом, клеточном и организменном уровнях. Аналогично сопряженность элементов прослеживается в функционировании технических систем, в нормативно-правовом регулировании институциональных структур, а также в процессах непосредственного социального взаимодействия и словесно-смысловой коммуникации. Данные формы взаимосвязи относятся к явным проявлениям коэволюции. Ее своеобразный фундамент скрыт от приборной, эмпирической и обобщающей констатации или повседневной визуализации. Однако в основе любого коэволюционного процесса лежит сопряжение фундаментальных атрибутов мироздания, что обуславливает системное единство и целостность материального мира в контуре изменчивости и стабильности.

Указанная диалектически противоречивая двойственность коэволюции выступает неотъемлемым фактором бытия человека. Она определяет включенность его деятельности, а также социальных и социоприродных отношений в объективную стихию спонтанной взаимозависимости материального мира. Понимание фундаментальных оснований стихийной коэволюции необходимо для регулирования локальных коэволюционных процессов в целях трансформации их соотношения для достижения общественно значимых результатов.

Иллюстрацией практического воплощения коэволюционного подхода служит теория Н. Н. Моисеева. Ученый рассматривает сопряженное развитие биосферы и общества как фундаментальный фактор, гарантирующий выживание человечества на планете [9, с. 79].

Решающее значение в оценке возможностей и направленности регулирования коэволюции биосферы и общества имеет понимание сущности развития как универсального, атрибутивного свойства бытия, генерируемого в рамках стихийного эволюционного процесса. Существует обоснованная точка зрения, согласно которой развитие в любой сфере реальности представляет собой прежде всего необратимые качественные трансформации, включающие три взаимосвязанных вектора – прогресс, регресс и сравнительно нейтральное состояние функционирования.

В рассматриваемом контексте регулирование взаимозависимости данных трех тенденций предполагает достижение баланса, адекватного запланированным задачам сопряженного развития. В массовом сознании укоренилось отождествление развития исключительно с прогрессивным движением. Подобный взгляд выступает потенциально опасной мировоззренческой, организационной и нравственной моделью, если он трансформируется в жесткую систему ожиданий (особенно со стороны молодых поколений). В таком случае в адрес старшего поколения и руководителей всех уровней выдвигается иррациональное требование: если управленческие процессы направлены на развитие, то в обществе по определению не должно возникать деструктивных явлений и проблем.

Названные завышенные ожидания могут аккумулироваться в недовольство и противостояние. В связи с этим управление процессами общественного развития при реализации значимых проектов требует опережающего научно-теоретического базиса. Корректировка социоприродного соразвития эффективна лишь тогда, когда она не направлена на полную отмену объективных законов стихийной коэволюции, выступающей универсальным и неотъемлемым атрибутом существования Вселенной.

Потенциальная опасность поляризации коэволюционных тенденций, трансформирующаяся в вызов безопасности социума и биосферы, возникает в случае искусственного выделения одного доминирующего фактора и игнорирования системных связей. Такой перекокс неизбежно приводит к разрушительным последствиям для природы и общества. Наглядным примером служит аграрная сфера, где на протяжении веков ключевым способом взаимодействия с природой оставалось ее жесткое подчинение целям повышения урожайности.

В качестве исторического подтверждения данного тезиса приведем слова К. Маркса: «Первоначальное влияние культуры благотворно, но в конечном счете она действует опустошающе, вызывая обезлесение и т. д. <...> Вывод таков, что культура, – если она развивается стихийно, а не направляется сознательно... оставляет после себя пустыню: Персия, Месопотамия и т. д., Греция» [10, с. 45]. В противовес этому стихийная коэволюционная стратегия биосферы ориентирована на формирование устойчивого, динамически сопряженного биоразнообразия целостных экосистем. Стратегия человека, напротив, ориентирована на узкоспециализированное сопряжение собственного существования с выращиваемыми монокультурами на месте уничтоженного естественного биоразнообразия. Подобная односторонняя поляризация коэволюционных процессов приводит к ежегодной потере плодородия почв на площади более 6 млн гектаров и последующему опустыниванию. Параллельно формируется деструктивная

тенденция коэволюции создаваемых антибиотиков и патогенов. Данный процесс сегодня оценивается как глобальный вызов для современной медицины, существенно обостряющийся ввиду отсутствия должного финансирования разработок новых анти-микробных препаратов [11].

Нарастание рисков утраты контроля над социальными процессами в индивидуализированном обществе описано З. Бауманом. Отход от принципов солидарности и доминирование дерегуляции ведут к дезинтеграции социума и его саморазрушению [12, с. LVI, 67]. В данном контексте общество подвергается разрушительному давлению стихийной коэволюции, уничтожающей любые кооперативные социальные отношения.

М. А. Можейко: Сегодня не найти, пожалуй, ни одного популярного издания, которое не пугало бы читателей сакраментальным вопросом: *когда компьютеры захватят мир?*

Такое, однако, уже было, пусть и в другой редакции. С середины прошлого века страх этот только менял названия: *бунт машин, восстание роботов*. Это нашло отражение не только в философских трактатах, но и в художественной культуре (вплоть до детализированных и психологически выверенных моделей Айзека Азимова).

Так что страх этот не нов и, как видим (не пропа- ло же человечество!), не так уж и обоснован. Не машин (роботов, компьютеров, ИИ и т. п.) нужно бояться! Хотя опасность есть, только кроется она, как это ни прискорбно, не где-то вовне, а в нас самих, порождая ряд вызовов, на которые надо искать ответ, причем, по возможности, безотлагательно.

Вызов первый. Как известно, новое знание может формироваться двумя путями: или при соприкосновении мыслящего сознания с объективной реальностью (привет марксизму с его идеей практического освоения мира!), или в результате комбинаторики уже имеющихся сведений друг с другом. Во втором случае возможны ошибки, т. е. возникновение формально непротиворечивого, но ложного знания, потому проверка необходима в полном объеме (не только попытка фальсификации, но и верификация, предполагающая опять же выход на реальность). Это прекрасно иллюстрирует классический пример Бертрانا Рассела: из понятий *брат, Наполеон* и *старший* может быть образовано понятие *старший брат Наполеона*, десигнат его не вызывает вопросов, но наличие онтологически артикулированного денотата требует проверки, выхода на реальность. Был такой Жозеф Бонапарт, а мог бы и не быть, десигнат от этого не стал бы менее убедительным и правдоподобным.

Что же происходит в когнитивной сфере сейчас, когда в нее вмешался ИИ? Мы привыкли ругать интернет за неточность и неполноту сведений, но сегодня ситуация всецело вышла из-под контроля:

ИИ выхода на реальность не имеет и, отвечая на наши вопросы, формирует новые тексты из имеющихся, в том числе сформированных им же ранее, – и массив их растет в геометрической прогрессии.

Дело усугубляется еще и тем, что многие версии ИИ настроены на ответ в любом случае и любой ценой: даже если задать вопрос по несуществующему произведению несуществующего автора, он смоделирует правдоподобный ответ. В результате мы имеем монбланы откровенно ложной информации, отличить которую от истинной ИИ не в состоянии, а мы начинаем полагаться на его ответы. Если еще пару лет назад на заданный в интернете вопрос первой открывалась «Википедия», то теперь – ответ, сформированный ИИ. В итоге все это чудовищно засоряет культурный слой.

Но не это самое страшное!

Вызов второй. Мы, человечество, долгое время размахивали лозунгом о том, что передаем компьютеру трудо- и времяемкие рутинные операции, оставляя себе время и силы для творческих процессов. Теперь же мы откровенно передаем ИИ и то, что прежде однозначно оценивалось как творчество. И речь уже не о студенческих курсовых и рефератах...

Фактически мы передаем ИИ не только рутинные, но и креативные процессы. Это уже чревато.

А в сумме с первой проблемой (движение ИИ в текстовой среде при отсутствии какого бы то ни было выхода на реальность) мы практически перекрываем человечеству саму возможность прогресса познания.

Это уже, в самом деле, страшно. Во всяком случае, это серьезный вызов для развития культуры (а с ней и цивилизации), и от того, что мы сами себе его создали, он не становится менее грозным.

Вызов третий. Отсюда, разумеется, – новый вызов: возникает необходимость принципиальной трансформации системы аттестации научных кадров, поскольку представления якобы полученных соискателем результатов явно недостаточно. Во всяком случае, в сфере философии. Если задать ИИ вопрос, можно ли считать Н. Бердяева основоположником экзистенциализма, он находит ряд корреляций (трактовка страдания, трактовка свободы и др.), каждая из которых может обсуждаться и оспариваться, но совокупность их без всяких сомнений позволяет судить о содержательно глубоком проникновении в философию Н. Бердяева и практически всех (!) представителей экзистенциализма.

И если диссертация на соискание ученой степени кандидата наук (когда проверяются в первую очередь компетентность и креативные способности соискателя) выполнена с помощью ИИ, мы получаем ситуацию весьма неприятную. Видимость компетентности соискателя, в частности его овладения содержанием философской традиции и умения строить свои (пусть и небесспорные, но оригинальные)

выводы, – все это будет налицо, и работа вполне может быть признана квалификационно достаточной. Однозначно назрела необходимость новых критериев оценки диссертационных результатов и системы аттестации научных кадров высшей квалификации в целом. Но это не столько проблема, сколько прикладная задача, решить которую не так и трудно. Правда, если мы пресечем себе прогресс познания как таковой, но решать ее будет уже неактуально.

Но страшно опять же не только это!

Вызов четвертый. Когда мы говорим об опасностях ИИ, мы движемся в русле очевидного антропоморфизма, приписывая ИИ пороки и страсти, которые обуревать его не могут. Это мы, люди, ими страдаем, а ИИ незачем *завоевывать мир* (да и что есть мир в его восприятии?): ему не нужны ни виллы, ни яхты, да и нездоровых вожделений типа жажды власти у него нет. Вот только электричество – и всё!

Другое дело, что с помощью ИИ можно многое. В том числе и это пресловутое завоевание мира. Но это – не опасность, грозящая обществу от ИИ, это – вектор разворачивания автохтонных, внутри-социальных проблем.

Но и не это самое страшное.

Вызов пятый. Самое страшное, опять-таки, кроется в нас самих. Меня впечатлила жалоба одного священника, который в разговоре посетовал на то, что его жена больше общается с ИИ, чем с ним, супругом: она спрашивает у ИИ, как укачать никак не засыпающего ребенка, что лучше приготовить из имеющихся в холодильнике продуктов и т. п. Он сказал, что ревнует ее к ИИ. И беспокоился не напрасно: подобная проблема уже моделировалась в фильме Спайка Джонза «Она» (2013), главный герой которого влюблен в операционную систему.

Но ситуация задается любопытная: человек именно ревнует, т. е. уже относится к ИИ как к субъекту, опасаясь, что жена предпочтет общение с ним общению с супругом... И это понятно, ведь ИИ никогда не говорит ей: *дорогая, я сейчас занят*.

Вот это – в перспективе – и есть, на мой взгляд, самое грозное. ИИ всегда готов ко взаимодействию (не хочу фальсифицировать слово *общение* в этом контексте), он всегда ответит на любой вопрос (даже тот, который ответа заведомо не имеет), у него всегда есть время и программно заданная настроенность на взаимодействие. Это связано с тем, что сама базовая схема, по которой работает ИИ, такова, что создается иллюзия субъектности: ИИ говорит тебе комплименты (*ты задала хороший вопрос*), реагирует на эмоциональные формулировки (*мне показалось, ты ждешь ответа на важный вопрос*) и даже имитирует психологические реакции (например, оправдывается при вопросе, зачем он поддерживает разговор о несуществующем авторе).

Формируется иллюзия чего-то большего, нежели только ИИ – именно *интеллект* как феномен, не вы-

ходящий за рамки рационального. Возникает соблазн воспринять его шире – как сознание в целом. Ситуация ошибочно прочитывается как коммуникативная: создается видимость наличия со-субъекта.

Ключевое слово здесь – *видимость*.

ИИ (даже на уровне GPT) можно задать любые настройки, в том числе и настроить его на свою волну: он будет отвечать тебе в заданной стилистике. Один мой друг заказал, чтобы ИИ давал ему ответы в той же манере, в какой он задает вопрос, и получил настолько адекватного (не только в интеллектуальном, но и в эмоциональном плане) собеседника, которого в жизни еще поискать.

Да и зачем искать? Общение, как известно, дает самое яркое счастье, но и требует, в свою очередь, больших душевных усилий (не говоря уже о возможных трагедиях, потерях и разочарованиях). А зачем напрягаться, если все это можно легко задать в настройках?

Создается иллюзия общения, т. е. человек моделирует ситуацию как субъект-субъектную коммуникацию, в то время как это совершенно ложное восприятие: ситуация субъект-объектная.

В результате человек оказывается в коконе абсолютного одиночества, тем более тотального, что оно замыкает круг: иллюзия настолько правдоподобна, что пресекает возможные векторы подлинного экзистенциального общения, – голодный насыщается бутафорскими фруктами из папье-маше, которые, как бы ни тешили глаз, подлинными никогда не станут.

И главная опасность этого эмоционального голодания заключается в том, что гибнущим от истощения субъектом оно не ощущается. У человечества есть перспектива всеобщего солипсизма как образа жизни, когда комфортное и не требующее душевных усилий взаимодействие с ИИ заменит собой ту самую роскошь человеческого общения, о которой так пафосно (и так правильно!) писал Антуан Экзюпери.

Но ведь весь восторг любви (в любой ее ипостаси – от эротической влюбленности до интеллектуальной дружбы) как раз и заключается в том, что в совершенно новом (впервые встреченном) человеке ты узнаешь самого себя. Уже упомянутый фильм «Она» построен все же на человеческой психологии: герой *находит* в операционной системе родственную душу.

Но программирование ИИ на предзаданное совпадение ценностей и стилей (имитацию родства) – это профанация подобной встречи, обесценивающая псевдообщение, которое иначе как протекающим вхолостую и не назовешь.

И главная беда даже не в создании подобной иллюзии, а в том, что пребывание в ней пресекает для человека саму возможность подлинного общения.

Таким образом, вызовы и проблемы, которые ставит перед нами ИИ, – это давние и привычные проблемы интеллекта естественного, который,

если позволить ему потакать собственным порокам и пребывать в лениости умственной и душевной (а мы начинаем ценить комфорт более всего), может сам себе навредить, причем весьма сильно. Не парадокс ли: изобрести мобильный телефон и использовать его для передачи фотографий котиков?

А. Н. Данилов: В завершение круглого стола хочу отметить следующие моменты. Изучение проблем человека в эпоху глобальных перемен сегодня важно как никогда – и в теоретическом, и в практическом плане. Под мощным влиянием науки и технологий наше общество стремительно погружается в совершенно новый мир, формируя глобальный кластер с непредсказуемыми последствиями. Мы видим, как меняются социально-экономический порядок и принципы управления, развиваются социальные связи, кардинально меняется рынок труда, а прежние барьеры в общении навсегда уходят в прошлое.

Человек, подчиняясь собственному желанию или внешним обстоятельствам, приобщается к новому миру и, сам того не замечая, меняется. К сожалению, история новейшего времени представляет собой путь к углублению разобщенности. Глобализация не уходит, не покидает нас, со своими плюсами и минусами она становится «воздухом нового», где все ранее укорененные смыслы приобретают иное звучание, вынуждая человека принять новую социальную реальность, адаптироваться к ней или остаться на обочине прогресса. Возникновение сети Интернет послужило триггером взрывного ускорения, а затем и приоритетной формой глобального развертывания процессов формирования новых типов идентичности, новых моделей и стратегий ее конструирования в рискованных экспериментах и свободной игре с различными версиями-аватарами собственной идентичности.

Однако следует иметь в виду, что цифровые технологии автоматически не решают вопросы социального неравенства, дифференциации населения, бедности. Демографические проблемы, такие как падение рождаемости, сокращение трудоспособного населения и миграция, до сих пор остаются исключительно острыми. Глобальные информационные сети полностью изменили характер коммуникации,

образования, обслуживания, рынок труда наполнился новыми профессиями. Фактически прямо сейчас формируется новое проблемное поле, которое полностью меняет облик современности. В результате возникло междисциплинарное направление на стыке науки и технологий. Его цель – создание интеллектуальных машин и систем, которые могут выполнять творческие функции, максимально близкие к мыслительным способностям человека. Сегодня применение ИИ в целом положительно сказывается на многих сферах деятельности человека, поскольку было призвано упростить и оптимизировать производственные процессы, исключить необходимость присутствия человека на вредных производствах, сократить уровень травматизма. Однако роботизация и повсеместное внедрение ИИ в промышленности порождают и новые проблемы. Появляются угрозы системных сбоев, несанкционированного доступа к программному обеспечению и опасных действий, которые могут вызвать катастрофические последствия.

В последние годы ученые активно работают над созданием более сильного ИИ. Такой человек-робот сможет выполнять разные задачи: переносить свои знания из одной сферы в другую, мыслить критически, осуществлять коммуникацию с людьми или другими ИИ для достижения поставленной цели. Тогда облик нашей цивилизации станет совершенно иным, и место человека в этой новой реальности придется определять уже с учетом огромного потенциала ИИ. В этих условиях представляется оправданным не только обозначить наше понимание будущего, охарактеризовать новые вызовы, но и оценить масштаб их возможных негативных последствий. Предстоит более тщательная ревизия накопленных знаний и позитивного опыта прошлых поколений, признание и преодоление собственных ошибок, оценка должным образом феномена «расчеловечивание человека».

Сегодня весь мир снова напоминает поле битвы с вторжением будущего. И на этом поле прямо сейчас развертывается борьба за человека – уже в условиях новой современности.

Библиографические ссылки

1. Дарвин Ч. *Происхождение видов*. Тимирязев КА, переводчик; Дворянkin ФА, редактор. Москва: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы; 1952. 484 с.
2. Шеяфетдинова НА, Ермаков ЕГ. Приоритетность интересов в социальном государстве. *Право и государство: теория и практика*. 2025;3:126–128. EDN: QJKDDE.
3. Садовая ЕС. Социальная повестка эпохи общественных трансформаций. *Полис. Политические исследования*. 2025; 3:61–75. DOI: 10.17976/jpps/2025.03.05.
4. Зеленков АИ, Ягело ЯА. Концепция макроистории Ю. Н. Харари: истоки популярности и академический статус. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2022;4:15–27. DOI: 10.33581/2520-6338-2022-4-15-27.
5. Harari YN. *Homo deus: a brief history of tomorrow*. London: Penguin Random House; 2016. 514 p.
6. Харари ЮН. *Homo deus: краткая история будущего*. Москва: Синдбад; 2018. 496 с.
7. Янч Э. Самоорганизующаяся Вселенная. Введение и обзор: рождение парадигмы из метафлуктуации. *Общественные науки и современность*. 1999;1:143–158.

8. Амелькина ОВ. Развитие идеи регуляции социального взаимодействия в социологии. *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 3, Гуманитарные и общественные науки*. 2024;2:25–38. EDN: WJIFFR.

9. Моисеев НН. *Избранные труды. Том 2, Междисциплинарные исследования глобальных проблем. Публицистика и общественные проблемы*. Петров АА, редактор. Москва: Тайдекс Ко; 2003. Современный антропогенез и цивилизационные разломы (эколого-политологический анализ); с. 78–122.

10. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 32. 2-е издание*. Москва: Издательство политической литературы; 1964. [Письмо] 29, Маркс – Энгельсу в Манчестер, 25 марта 1868 г.; с. 43–46.

11. Пирадов МА. Антибиотикорезистентность – один из глобальных вызовов человечеству. *Вестник Российской академии наук*. 2025;4:22–24. EDN: EYARY

12. Бауман З. *Индивидуализированное общество*. Иноземцев ВЛ, редактор. Москва: Логос; 2005. 390 с.

Статья поступила в редколлегию 15.12.2025.
Received by editorial board 15.12.2025.

Авторы:

Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Петр Михайлович Бурак – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и права факультета технологии органических веществ.

Юрий Павлович Бондарь – кандидат политических наук, доцент; ректор.

Павел Александрович Водопьянов – доктор философских наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; профессор кафедры философии и права факультета технологии органических веществ.

Игорь Дмитриевич Волотовский – доктор биологических наук, академик НАН Беларуси, профессор; главный научный сотрудник лаборатории молекулярной биологии и биотехнологии клеток.

Анатолий Изотович Зеленков – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Александр Николаевич Курбацкий – доктор технических наук, профессор; заведующий кафедрой технологий программирования факультета прикладной математики и информатики.

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии, истории и методологии образования.

Михаил Владимирович Мясникович – доктор экономических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; независимый исследователь.

Сергей Кимович Рахманов – доктор химических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, профессор; член Совета старейшин.

Марианна Акиндиновна Щёткина – кандидат социологических наук, доцент; директор.

Authors:

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

a.vitebsk55@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0007-2110-0229>

Petr M. Burak, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and law, faculty of organic substances technology.

byrak@belstu.by

Yuri P. Bondar, PhD (political science), docent; rector.

rector@nihe.by

Pavel A. Vodopianov, doctor of science (philosophy), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; professor at the department of philosophy and law, faculty of organic substances technology.

pva1940@bk.ru

Igor D. Volotovskii, doctor of science (biology), academician of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; chief researcher at the laboratory of molecular biology and cell biotechnology.

volotovskii@yahoo.com

Anatoly I. Zelenkov, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.

zelenkov-antl@yandex.by

Alexander N. Kurbatski, doctor of science (engineering), full professor; head of the department of programming technologies, faculty of applied mathematics and computer science.

kurb@unibel.by

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy, history and methodology of education.

marina-mojeiko@yandex.by

<https://orcid.org/0000-0003-2715-6200>

Mikhail V. Myasnikovich, doctor of science (economics), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; independent researcher.

Sergei K. Rakhmanov, doctor of science (chemistry), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, honored scientist of the Republic of Belarus, full professor; member of the Council of Elders.

fomushkovsergei@hotmail.com

Marianna A. Shchetkina, PhD (sociology), docent; director.

niitpgu@pac.by

УДК 16.4+316.7

ВОЗМОЖНА ЛИ НОВАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ?

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматривается проблема конструирования новых парадигм высокого уровня обобщения в современной социологии. Отмечается, что создание таких парадигм было актуальным научным направлением в последней трети XX – начале XXI в. Подчеркивается, что сегодня турбулентность и контингентность социальной ситуации тормозят процесс теоретизирования, а отсутствие полноценного диалога между социологами разных регионов ограничивает возможность широкого признания даже тех парадигм, которые все же выдвигаются. Делается вывод о том, что конструирование теорий и парадигм продолжается преимущественно в рамках отдельных сфер деятельности, где наличный эмпирический базис имеет значение для последующих обобщений. Цифровая трансформация общества, с одной стороны, способствует созданию новых междисциплинарных теорий среднего уровня, с другой стороны, усугубляет многие гуманитарные риски и угрозы, особенно актуальные для молодежи, вовлеченной в виртуальную реальность.

Ключевые слова: парадигма; современная социология; глобальный кризис; западные подходы; отечественные теории; цифровая трансформация общества; гуманитарные риски.

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ. Возможна ли новая парадигма в современной социологии? *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;4:27–31.
EDN: XSYAOE

For citation:

Titarenko LG. Is a new paradigm possible in modern sociology? *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;4:27–31. Russian.
EDN: XSYAOE

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
larissa@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-5729-1430>

IS A NEW PARADIGM POSSIBLE IN MODERN SOCIOLOGY?

L. G. TITARENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article examines the problem of constructing new, highly generalisable paradigms in modern sociology. It notes that the creation of such paradigms was a pressing scientific endeavor in the last third of the 20th and early 21st centuries. It emphasises that today's turbulence and contingency of the social situation hinder theorising, and the lack of a full-fledged dialogue between sociologists across regions limits the widespread acceptance of even those paradigms that are being put forward. It concludes that the construction of theories and paradigms continues primarily within specific fields of activity, where the existing empirical basis is essential for subsequent generalisations. It is reported that the digital transformation of a society, on the one hand, contributes to the creation of new interdisciplinary mid-level theories, but on the other hand, exacerbates many humanitarian risks and threats, which are especially relevant for young people involved in virtual reality.

Keywords: paradigm; modern sociology; global crisis; Western approaches; domestic theories; digital transformation of a society; humanitarian risks.

Современный мир бесконечно сложен и многоаспектен. В последние годы глобальный мир находится на грани катастрофы, которая может положить конец человечеству и всякому теоретизированию. Кризисное состояние мира крайне остро осознается в политической науке [1] и экономике [2]. Вместе с тем и теоретики остальных социальных дисциплин опять констатируют «конец истории», «отказ от человеческого», определяя эти феномены как доказательства «новой фазы экзистенциального кризиса» [3, с. 34]. Однако анализ кризисов и поиск рационального объяснения сложившейся ситуации в рамках разных дисциплин не принесли особых результатов. По этой причине в ближайшем будущем в социологии не ожидается создания макропарадигм, которые гарантировали бы миру безопасное будущее. Проблема такого будущего вообще не обсуждается ни русскоязычными, ни иноязычными социологами. Великие теоретики социологии, такие как Э. Гидденс и Ю. Хабермас¹, предпочитают молчать об этом. Даже те теоретические работы, которые вышли из-под их пера в последние 20–25 лет, уже не претендовали на метатеорию, которую они успешно развивали в 1980-х гг. Э. Гидденс увлекся конкретными темами [4]. Ю. Хабермас активно занялся проблемами морали и гражданской сферы [5; 6]. Молодые теоретики нацелены на создание специальных социологических теорий, которые являются более востребованными и, в отличие от метатеорий, не вызывают суровой критики по поводу базовых теоретико-методологических проблем их конструирования. Даже те, кто 20–30 лет назад еще пытался провести ревизию известных макро-

парадигм, больше этим не занимаются. Достаточно привести пример «обновления» марксизма, которое пытались осуществить два известных американских неомарксиста М. Буравой и Э. О. Райт [7]. По сути, они создали некую карикатуру на марксизм XIX в., подменив реальный марксизм пошлыми интерпретациями, распространенными в XX в. на Западе, которые в чем-то искажают аутентичные идеи К. Маркса, а в чем-то упрощают их².

Еще один американский социолог Дж. Александер, прославившийся 40 лет назад своим культуральным поворотом, а именно тезисом о том, что культура является доминантой любого типа развития (включая материальное), и создавший вместе с Ф. Смитом так называемую сильную программу социологии для обоснования данного тезиса [8], уже давно не пишет на эту тему. Польский социолог П. Штомпка в 1990-х гг. создал новую теорию трансформации общества, которая могла претендовать на роль общесоциологической парадигмы [9]. Однако потом он предпочел заняться специальной тематикой [10]. Лишь однажды П. Штомпка встал на защиту структурно-функциональной парадигмы, резко раскритиковав противоположный парадигмальный подход³ [11].

Что сегодня мы имеем в качестве парадигм? В первую очередь к ним относится постмодерн с его полной неопределенностью во всем, включая человека и общество (его лучшие образцы, созданные З. Бауманом [12] и Ж. Бодрийяром [13], все еще популярны, но они не притягивают к себе молодые умы, так как это скорее примеры теоретизирования об обществе, находящемся в глубоком кризисе). В чис-

¹Ю. Хабермас на момент публикации номера мертв.

²Оба американских автора на момент публикации номера мертвы, но неомарксистское теоретизирование было закончено ими около 10 лет назад.

³Хотя Т. Парсонса вполне заслуженно упрекают в идеологической ангажированности (он считал, что западный модерн будет долговечен, как и господство США), тем не менее его базовые теоретические идеи об обществе имеют право на существование и сегодня, будучи не менее востребованными, чем этнометодология или феноменология.

ло современных социологических парадигм также входят развивающиеся новые теории конфликта и создаваемые парадигмы цифровизации общества как симбиоз социума и виртуальной реальности [14].

В эпоху цифровой трансформации некоторые авторы считают новацией включать новые направления в исследование известных социальных процессов и явлений, изучая их по цифровым следам. Например, российские авторы объявили о создании такого нового направления теоретических исследований (читай: специальных теорий), как экологическая культуромика [15]. Исследователи делают ставку на актуальность цифровых исследований и новые методы исследования, не сильно заботясь о том, позволяют ли эти методы получить целостное представление об обществе или ограничивают получаемые результаты лишь доступной информацией из источников, которые не являются полными и достоверными (информационные методы не обеспечивают удовлетворения этих критериев). Попытки представить цифровые разработки в качестве новых теорий и даже цифровых парадигм развития общества будут продолжаться, поскольку процесс цифровизации не имеет конца. Однако социологам необходимо очень ответственно подходить к определению возможностей и ограничений подобных методов, так как социология в любом случае не может превратиться в науку, построенную на статистико-математических подходах. Нужны новые подходы, адекватные сложности такого объекта исследования, как общество.

Имеются попытки применить междисциплинарный подход к созданию новых обобщающих образов социологических парадигм с учетом цифровой трансформации и развития информационного общества. В рамках этих парадигм предлагаются проекты синтеза или конвергенции человека и искусственного интеллекта, причем с сохранением и учетом культурно-исторического контекста страны. В качестве примера можно привести российские разработки социотехнической конвергенции человека и искусственного интеллекта (коэволюции человека и техники) как ответ на глобальный вызов российскому обществу [16]. В данном проекте и подобных ему работах человек рассматривается как *homo digital* в традиционном технократическом фрейме детерминации социального развития научно-технологическими факторами. Авторы выдвигают идею (парадигму) о социотехнической конвергенции человека и искусственного интеллекта, подобно тому как десятилетием ранее Б. Латур выдвигал идею о синтетическом рассмотрении человека и нечеловеческих объектов [17].

Большое количество теорий цифровой революции и построения цифровой цивилизации претендовали на роль парадигмы XXI в. либо как минимум

на роль специальной социологической теории⁴ [18], однако они не затрагивали многих базовых вопросов развития социума, поэтому не были поддержаны. Популярны теории мультимодернов, каждый из которых представляет собой парадигму для своей цивилизации [19], хотя параллельно идут дискуссии о том, можно ли в социологии допускать существование самой идеи мультипарадигмальности (казалось, она уже давно стала общепринятой, однако в рамках новых дискуссий это не признается, а социология уподобляется естественным дисциплинам).

Вернемся к тезису о кризисе современного общества, «раздираемого» глобальными противоречиями. В условиях кризиса не может быть парадигмы, которая гармонично бы решила проблемы настоящего и будущего. Вероятно, глобальное общество уже никогда не сможет стать достаточно стабильным и гарантировать населению мира или хотя бы населению ключевых стран безопасность. Мир перешел черту бифуркации и оказался в состоянии постоянного хаоса. Этот тезис неоднократно был подтвержден экспертами из разных сфер, в том числе в связи с возникновением многочисленных военных конфликтов и резким ухудшением экологического состояния планеты (изменением климата и истощением природных богатств). В сложившейся ситуации представляется рациональным признать новую реальность окончательно нестабильной (текучей) и непредсказуемой, а также средствами социологии и других социальных наук попытаться сконструировать новые теоретические подходы, которые позволят поддерживать хотя бы минимальный контроль над этим хаосом и управлять им.

От того, как скоро социологи-теоретики смогут создать такие подходы, зависит и восприятие населением нового глобального мира. Люди должны осознавать, что живут в мире постоянных рисков и угроз, и брать на себя часть ответственности за их урегулирование и сдерживание в ситуации, когда стрелки символических часов Судного дня еще не достигли критической отметки. С точки зрения новой реальности самыми большими оптимистами, вероятно, являются молодые люди, особенно студенты. Они погружены в ту новую виртуальную реальность, которая открылась им благодаря информационным технологиям и искусственному интеллекту. Судя по многочисленным социологическим опросам, эти технические инструменты студенты оценивают весьма высоко: молодые люди видят прежде всего позитивные возможности цифровых технологий [20; 21] и либо не думают о гуманитарных угрозах, связанных с бесконтрольной цифровизацией и чрезмерным увлечением техническими инновациями, либо минимизируют их в своем сознании. Такова специфика сознания и самого процесса познания у молодого поколения: принимать

⁴Кравченко С. А. Социология цифровизации : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2021. 236 с.

во внимание то, что им понятно, и оставлять за бортом слишком сложные вопросы [22].

Один из основных рисков, связанных с чрезмерным потреблением цифровой информации и погружением в виртуальную реальность, заключается в том, что эта реальность замещает собой существующие социальные связи и отношения, меняет доминанту молодежного сознания. Учитывая, что как в Беларуси, так и в России практически все студенты регулярно пользуются интернетом и что многие из них имеют аккаунты в социальных сетях, становится понятен масштаб информационного влияния интернета на их сознание. По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведенного в 2023 г., 100 % студентов ежедневно «погружены» в интернет, а 85 % студентов имеют аккаунты в различных социальных сетях, включая запрещенные социальные сети⁵. Вследствие постоянного чтения зарубежных каналов более половины студентов верят, что дружба со странами Запада вскоре будет восстановлена, а две трети опрошенных даже высказали мысль о том, что отношения между странами Европейского союза и Союзного государства Беларуси и России будут равноправными и партнерскими. Эти молодые люди явно не знакомы с политическими подходами стран Запада, выраженными в произведениях американского политолога из престижного Гарвардского университета С. Хантингтона о постоянном и неизбежном конфликте цивилизаций, который предопределен исторически. Как утверждал С. Хантингтон, у стран Запада и бывшего советского сообщества разные базовые ценности, которые никогда не смогут быть преодолены, а следовательно, о равенстве говорить невозможно [23]. Этот тезис о вечном противостоянии лежал в основе созданной им геополитической парадигмы столкновения цивилизаций. Теоретическим базисом данной парадигмы стали идеи классика социологии М. Вебера о том, что именно протестантские ценности обеспечили странам Запада социально-экономические преимущества, выдвинув их в лидеры цивилизации. Что касается иных религий, и особенно православия, они неспособны обеспечить своим приверженцам таких же условий существования, как у приверженцев протестанства на Западе. Согласно С. Хантингтону страны могут образовывать цивилизацию только тогда, когда они имеют общие интересы и ценности, а также единый свод правил [23, с. 72]. Иначе говоря, у стран одной цивилизации должна быть общая культура.

Если использовать критерий цивилизации, выдвинутый американским политологом, для анализа того, насколько современное молодое постсоветское

поколение ему соответствует, станет очевидным, что оно имеет некоторые ценности, характерные для западной цивилизации (постиндустриального общества), такие как гедонизм, индивидуализм, потребительство, самовыражение. Можно предположить, что социальные сети служат каналом распространения подобных ценностей в молодежной среде, местом их обсуждения. Однако сами социальные сети вряд ли могут породить эти ценности, ведь, как утверждал еще канадский социолог и культуролог М. Маклюэн, любые технологии остаются нейтральным или безразличным по отношению к человеческим интересам средством передачи информации [24].

Амбивалентность цифровых технологий проявляется в том, что они могут транслировать любые ценности. Распространение этих технологий, их бесконтрольное использование создают гуманитарную угрозу и риск того, что продвинутая молодежь станет космополитичной и полностью отвернется от ценностей труда (в их традиционном понимании) и семейных ценностей. Молодых людей привлекает прежде всего комфортная жизнь для себя, которую они и считают самореализацией. Иные парадигмы жизни им не интересны.

В двойственной природе цифровых технологий и их опасности для формирующегося сознания молодежи глубоко разобрались белорусские социологи. Как пишут Е. М. Бабосов и Ю. Л. Баньковская, в результате цифрового манипулирования не только искажается сознание молодежи, но и происходит подталкивание молодых людей к социальным действиям противоправного характера [25]. Такие виртуальные цифровые влияния, легко осуществляемые в эпоху цифровой трансформации общества, способны разрушать социально-гуманитарные ценности населения, особенно молодежи. Чрезмерная онлайн-коммуникация может способствовать исчезновению интереса пользователей социальных сетей и других цифровых технологий к чему-либо, кроме удовлетворения своих потребностей и интересов. В этом проявляется мировоззренческий риск, связанный с цифровыми технологиями. Данный риск, как уже подчеркивалось, не создается интернетом, однако интернет предоставляет технические средства для распространения индивидуалистического мировоззрения, в рамках которого нет места для философских размышлений о смысле жизни человека или моральных основах общества. У человека, интересующегося только повседневной жизнью, вряд ли возникнет интерес к вопросам, в каком направлении развивается социум, что движет этим развитием и каково будущее человечества. Следовательно, ему не интересны социологические парадигмы.

⁵ Душ отрезвления: как молодежь адаптируется к ухудшению отношений России и Запада? // Аналитический центр ВЦИОМ : сайт. URL: <https://wciom.ru/expertise/dush-otrezvleniya-kak-molodezh-adaptiruetsja-k-ukhudsheniju-otnoshenij-rossii-i-zapada> (дата обращения: 29.08.2024).

Библиографические ссылки

1. Farrel H, Newman AL. *Of privacy and power: the transatlantic struggle over freedom and security*. Princeton: Princeton University Press; 2019. 248 p.
2. Varoufakis Y. *Technofeudalism: what killed capitalism*. New York: Melville House; 2024. 304 p.
3. Иванов ДИ, Варава ВВ. Триумф нечеловеческого, или Taedium vitae «конца истории». *Вопросы философии*. 2025;1:34–50. DOI: 10.21146/0042-8744-2025-1-34-50.
4. Гидденс Э. *Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. Ангурин В, переводчик. Санкт-Петербург: Питер; 2004. 208 с.
5. Хабермас Ю. *Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика*. Атнашев Т, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2023. 104 с.
6. Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие*. Шачина СВ, переводчик; Складнев ДВ, редактор. Москва: Наука; 2000. 380 с.
7. Буравой М, Райт ЭО. Социологический марксизм. *Социология*. 2011;2:43–57. EDN: UGQMWN.
8. Alexander J, Smith Ph. The strong program in cultural sociology. In: Alexander J. *The meanings of social life. A cultural sociology*. Oxford: Oxford University Press; 2003. p. 11–23. DOI: 10.4324/9781315267784-2.
9. Штомпка П. *Социология социальных изменений*. Дмитриев АС, переводчик; Ядов ВА, редактор. Москва: Аспект Пресс; 1996. 416 с. (Высшее образование).
10. Штомпка П. *Визуальная социология*. Морозова НВ, переводчик. Москва: Логос; 2007. 168 с.
11. Sztompka P. Another sociological utopia. *Contemporary Sociology*. 2011;40(4):388–396. DOI: 10.1177/0094306111412512.
12. Бауман З. *Текущая современность*. Асочаков ЮВ, редактор. Москва: Питер; 2008. 240 с.
13. Бодрийяр Ж. *Америка*. Калугин Д, переводчик. Москва: Владимир Даль; 2000. 204 с.
14. Иванов ДВ. *Виртуализация общества*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение; 2000. 96 с.
15. Щекотин ЕВ, Дунаева ДО, Басина ПА, Вахрамеев ПС. Экологический дискурс в социальных медиа: опыт тематического анализа. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2024;6:226–250. DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2483.
16. Зотов ВВ, Консон ГР, Володенков СВ, Губанов АВ. Образ цифрового будущего: формирование в медиапространстве и репрезентация в общественном сознании. *Наука телевидения*. 2023;19(4):63–115. DOI: 10.30628/1994-9529-2023-19.4-63-115.
17. Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2014. 384 с. (Социальная теория).
18. Чернавин ЮА. Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы. *Цифровая социология*. 2021;4(2):4–12. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-2-4-12.
19. Eisenstadt SN. Multiple modernities. *Daedalus*. 2000;129(1):1–29.
20. Белякова ЕГ, Быков СА, Землянова МП, Муравьева НГ. Восприятие студентами возможностей цифровых технологий в вузовском обучении. *Вестник Томского государственного университета*. 2022;479:199–212. DOI: 10.17223/15617793/479/21.
21. Сысоев ПВ. Искусственный интеллект в образовании: осведомленность, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности. *Высшее образование в России*. 2023;32(10):9–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33.
22. Титаренко ЛГ. Цифровизация обучения: восприятие студентами дистанционного обучения и рисков. *Вопросы философии*. 2023;1:115–124. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-1-115-124.
23. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. Москва: АСТ; 2003. 640 с.
24. McLuhan M. *Understanding media: the extensions of man*. London: New American Library; 1964. 396 p.
25. Бабосов ЕМ, Баньковская ЮЛ. Онтологические основания философско-социологического осмысления информационной войны. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2024;2:29–34. EDN: TUHGNA.

Статья поступила в редакцию 04.12.2025.
Received by editorial board 04.12.2025.

ФИЛОСОФИЯ ГОСУДАРСТВА: ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

С. В. ВОРОБЬЕВА¹⁾, А. А. ЛЕГЧИЛИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Раскрываются философские основания происхождения государства в контексте цивилизационного развития. Для этого, во-первых, систематизированы концепции происхождения государства, выявлены факторы, отмеченные как решающие обстоятельства его образования. Во-вторых, обоснована, с одной стороны, зависимость происхождения государства от цивилизационного развития, с другой стороны, неизменность его цели: организация общества и управление им для его выживания и развития. В-третьих, показано, что каждая концепция формирует свой образ государства как самоорганизующегося общества. Вследствие этого в аналитической аргументации необходимо избегать негативных оценок этих концепций, указывающих, какие факторы образования государства в них не учтены, и делать акцент на позитивных оценках, принимая во внимание выявленные в них признаки и характеристики государственности. В-четвертых, очерчены границы построения объяснительных моделей происхождения и развития государства, которые обусловлены поиском ответов на вызовы времени. Общезначимыми стали модели демократического, правового и социального государств, отличающиеся своими основами, идеями, целями и признаками. В-пятых, эскизно представлена цивилизационная модель белорусской государственности в контексте внутренних (демократических, правовых и социальных аспектов государственности) и внешних геополитических факторов в условиях перехода к многополярному миру.

Ключевые слова: философия государства; концепции происхождения государства; цивилизационное развитие общества; демократическое государство; правовое государство; социальное государство; модель белорусской государственности.

PHILOSOPHY OF THE STATE: MAIN MODELS OF CIVILISATIONAL DEVELOPMENT

S. V. VOROBYOVA^a, A. A. LIAHCHYLIN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: S. V. Vorobyova (cherbourg@mail.ru)

Abstract. The article reveals the philosophical foundations of the origin of the state in the context of civilisational development. To this end, firstly, the concepts of the origin of the state are systematised, the factors marked as decisive circumstances of its formation are identified. Secondly, on the one hand, the dependence of the origin of the state on civilisational development is substantiated, on the other hand, the immutability of its goal: organisation and management of society for its

Образец цитирования:

Воробьева СВ, Легчилин АА. Философия государства: основные модели цивилизационного развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;4:32–46.
EDN: BCVNQG

For citation:

Vorobyova SV, Liahchylin AA. Philosophy of the state: main models of civilisational development. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;4:32–46. Russian.
EDN: BCVNQG

Авторы:

Светлана Викторовна Воробьева – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.
Анатолий Александрович Легчилин – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Authors:

Svetlana V. Vorobyova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
cherbourg@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2173-6418>
Anatoly A. Liahchylin, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
liahchylin@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-7644-9985>

survival and development. Thirdly, it is shown that each concept forms its own image of the state as a self-organising society. As a result, in the analytical argumentation it is necessary to avoid negative assessments of these concepts, indicating which factors of state formation are not taken into account in them, and to focus on positive assessments, taking into account the signs and characteristics of statehood identified in them. Fourthly, the boundaries of the construction of explanatory models of the origin and development of the state are outlined, which are conditioned by the search for answers to the challenges of the time. Models of democratic, legal and social states, differing in their foundations, ideas, goals and characteristics, have become generally significant. Fifthly, a draft civilisational model of Belarusian statehood is presented in the context of internal (democratic, legal and social aspects of statehood) and external geopolitical factors in the context of the transition to a multi-polar world.

Keywords: philosophy of the state; concepts of the origin of the state; civilisational development of society; democratic state; rule of law; social state; model of Belarusian statehood.

Введение

В условиях глобализации, экономических кризисов и социальных потрясений, разворота от однополярного к многополярному миру философия государства обрела особое значение. Для однополярного мира характерно физическое, экономическое, информационное, идеологическое и культурное проникновение наиболее развитых государств как субъектов глобализации в геополитическое пространство остальных государств, становящихся объектами глобализации и теряющих свою суверенность в решении актуальных для них проблем. Однако поворот к многополярному миру не только восстановил, но и усилил значение национальных государств, модифицировав саму глобализацию как форму геополитической экспансии. Изменяющиеся условия требуют нового философского подхода к пониманию и оценке роли национальных государств, каждое из которых в определенном аспекте может стать центром силы, инициатором новых отношений.

Интерес философии к проблеме государства обусловлен необходимостью его концептуального уточнения как объекта изучения для различных наук (например, истории, социологии, теории государства и права, политологии, экономики) с учетом вызовов времени. К таким вызовам можно отнести необходимость поиска оптимальных форм государственного устройства в условиях передела мира и геополитических трансформаций, которые связаны с образованием новых интеграционных пространств, усложняющих роль государств и требующих их переосмысления. Философский подход к государству в аналитическом аспекте сопряжен с моделированием сложных систем. Однако сам процесс моделирования предполагает упрощение, связанное с извлечением частей из целого, чтобы понять, каким образом они влияют на это целое.

В зависимости от онтологического первоначала в истории философии сложились два подхода к разработке концептуально-теоретических оснований государства – реалистический и номиналистический. С точки зрения реализма онтологическая первичность индивида невозможна (Платон, Аристотель, Г. Ф. В. Гегель и др.). Напротив, с точки зрения номи-

нализма индивид обладает онтологическим приоритетом по отношению к обществу (софисты, киники, Т. Гоббс, Дж. Локк и др.). В зависимости от метафорического образа идеи развития в философии сложились два методологических подхода к трактовке государства – формационный и цивилизационный. Если формационный подход восходит к понятию прогресса, олицетворяющему линейное движение к определенной цели, то цивилизационный подход считает это понятие бессмысленным, заменяя линейность пространственно-временными обстоятельствами.

Развитие цивилизаций определяется законом вызова и ответа, сформулированным А. Тойнби. Согласно ему историю нельзя сводить к линейной последовательности событий, а необходимо рассматривать как динамический процесс взаимодействия цивилизаций с вызовами, которые определяют их судьбу [1]. Вызовы (внешние и внутренние) заставляют цивилизации искать решения возникающих проблем, адаптируясь к новым условиям, что способствует их росту или, напротив, приводит к упадку в случае неудачных ответов. Таким образом, каждая цивилизация проходит свой путь развития, а не следует за другими в рамках общей схемы [2, с. 18–19]. Цивилизации, формируя культурные, политические и экономические ландшафты, влияют на ход мировой истории. Исходя из этого, в современном мире узловыми стали следующие вопросы. Если судьбу цивилизации определяют ответы на вызовы истории, то что определяет судьбу государства? Влияет ли государство на судьбу цивилизации? Какова идея государства в истории цивилизаций? Есть ли будущее у государства в контексте разнообразия культурных путей развития и сосуществования различных цивилизаций?

Поиск ответов на указанные и иные вопросы сопряжен с учетом некоторых методологических соображений, высказанных В. С. Стёпиным. Это прежде всего необходимость «при анализе современных изменений цивилизационного развития рассматривать глобальные цивилизационные изменения как сложную системную целостность» [3, с. 6]. В дополнение к этому следует учитывать специфику четвертой

глобальной научной революции, переориентировавшей исследования на программы по освоению исторически развивающихся систем, которые с течением времени формируют новые уровни организации, изменяя связи и композицию элементов предыдущих уровней [4, с. 19–20]. Научный интерес к таким саморазвивающимся системам обусловлен тем обстоятельством, что человеческие действия не являются внешними по отношению к ним, а входят в данные системы, трансформируя поле их воз-

можных состояний [4, с. 18–19]. Такая методология подразумевает установление границ необходимости и достаточности в соответствии с поставленными задачами, что обеспечивает определение параметров порядка в исследованиях и позволяет избегать избыточных или ненужных деталей.

Исходя из очерченного проблемного поля, ставится следующая цель: раскрыть философские основания происхождения государства в контексте цивилизационного развития.

Основная часть

Акцент в данном исследовании сделан прежде всего на философских основаниях теории происхождения государства, составляющих необходимые условия его появления, т. е. неотъемлемость существования в истории цивилизаций. Феномен цивилизации отражает самобытные способы организации общественного бытия, которые включают идеальнотипические представления о государстве как форме его организации. В качестве допущений мы полагаем наличие упрощенной субстратной модели государства, представляющей триединство власти, народа и территории, и моделей, не являющихся субстратными, так как они строятся исходя из аспектов, структур или функций государства.

Выявление особенностей цивилизационного подхода к государству предполагает прежде всего уточнение терминов, что позволяет сдерживать плюрализм в толковании. М. Вебер подчеркнул, что «научное понятие государства, как бы оно не было сформулировано, всегда является синтезом, который мы создаем для определенных целей познания» [5, с. 400]. Исходя из такой установки, философия государства зависит от исторического контекста и его пространственно-временных особенностей, следовательно, позволяет не только уточнить эпохи и географические места появления представлений о государстве, но и определить их уникальность, прагматику цели, познавательные функции. В связи с этим объектом философии государства в перспективе цивилизационного развития выступает политическая организация общества (государство) и социально-культурные аспекты его существования (цивилизация).

Если задавать вопросы, аналогичные вопросу М. Вебера: «Что в эмпирической действительности соответствует идее государства?», ответы будут разными, поскольку мы будем обнаруживать «бесконечное множество диффузных и дискретных действий и пассивных реакций, фактически и юридически упорядоченных связей, либо единичных по своему характеру, либо регулярно повторяющихся» [5, с. 399]. Подобная множественность детерминирована пространством цивилизации, которое В. Б. Устьянцев определил как форму социальной реальности, замкнутую историческим временем и от-

крытую внешней цивилизационной среде. Такая «открытость проявляется в миграциях, в военной и культурной экспансии, в непомерном желании сильных государств расширить жизненное пространство за счет территории других государств» [6, с. 88]. Эту мысль следует дополнить идеей И. А. Гобозова. Он определил цивилизацию как «такую стадию в развитии человечества, когда социальные связи начинают доминировать над природными и когда общество развивается и функционирует на своей собственной основе» [7, с. 167].

Как уже отмечалось, упрощенная субстратная модель государства представляет собой триединство власти, народа и территории. Модели, не являющиеся субстратными, строятся исходя из аспектов, структур или функций государства. Для снятия неопределенности в понимании государства обратимся к критическому анализу разработанных концепций и дадим им оценку с точки зрения их методологического значения для моделирования цивилизационного развития. Оценивая идеи, мы руководствуемся тем, что каждая из них присутствует в истории и проходит через нее в своих специфических формах, которые обусловлены именно особенностями человеческого бытия и цивилизации, а не уровнями их развития [8].

Исторически первыми концепциями происхождения государства стали патриархальные и патерналистские концепции, рассматривавшие в качестве его истока семью (например, Конфуций, Аристотель, Н. К. Михайловский, А. Волан). В них государство представлялось результатом естественного развития и расширения семьи, поэтому власть главы государства (монарха) уподоблялась власти отца-патриарха в семье. Значит, монарх должен заботиться о своих подданных, как отец заботится о членах семьи, а подданные должны беспрекословно подчиняться и уважать власть монарха. Однако следует принимать во внимание различия в аргументации, которые не всегда очевидны. Термин «патриархальность» происходит от слов «патер» (букв. отец) и «архе» (букв. начало, господство, власть) и указывает на принадлежность власти отцу и доминирование мужчин в целом. Термин «патернализм» обозначает систему отношений, где отец в фигуральном смысле

предстает в роли государства, лидера, организации, которые заботятся о «детях». При этом «отеческое попечительство» описывается в терминах силы, опытности, авторитетности, а «дети» описываются в терминах слабости и зависимости.

Аргументы патриархальной концепции раскрывали государство с помощью отличительных признаков семьи. Ее основоположником стал Аристотель, указавший, что государство «появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни, в целях совершенного и самодовлеющего существования», которое заключается «в счастливой и прекрасной жизни» [9, с. 461–462]. В связи с этим оно представляет собой «общение подобных друг другу людей с целью достижения возможно лучшей жизни» [9, с. 603]. Значит, государство как форма становления семьи является продуктом естественного развития. Эта же «природа» породила у всех людей стремление к государственному общению, благодаря которому человек и стал «существом политическим» [9, с. 378]. Вместе с тем Аристотель лишь развил идею Платона о том, что, «испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства» [10, с. 206]. В истории отсутствуют факты, которые подтверждали бы существование «отеческой» формы правления. По оценке В. К. Самигуллиной, концепция Аристотеля скорее утопична, хотя философ «хотел бы, чтобы такая форма правления сложилась» [11, с. 8].

Аргументы патернализма строились на прямой аналогии между государством и иерархическим устройством власти в семье. Иллюстрацией может служить патерналистская концепция Конфуция, который, уподобляя идеальное государственное устройство большой семье, а власть императора – власти главы семейства, трактовал самого императора как «сына Неба». Император как исполнитель воли Неба выступает заботливым отцом, а подданные являются его детьми, испытывающими к нему сыновнюю почтительность (сяо), значит, послушание. Исходя из этого, управление государством должно организовываться по аналогии с управлением семьей, т. е. на основе норм добродетелей, заботы старших о младших, преданности младших по отношению к старшим, постоянного стремления к самосовершенствованию. Основы государства Конфуций видел в моральном правлении и поддержании порядка в обществе. Только такое правление может служить примером для подданных, поддерживая воспитание добродетельных граждан, соблюдающих ритуалы и традиции, что гармонизирует общество.

В русской и белорусской политической истории государственности (Н. К. Михайловский, А. Волан и др.) также присутствовали патерналистские воззрения. В частности, они воплотились в вере широких слоев населения в «царя-батюшку», «отца народов», «отца родного», «бацьку» и т. п. А. Волан во главу всех добродетелей государя поставил справедливость, которая «сводится к тому, чтобы никто не терпел вреда, но, наоборот, тот, кто нуждается в помощи, быстро получал ее»¹. Величайшим достоинством государя должна быть щедрость, для чего «больше всего он должен проявлять свое милосердие и благосклонность по отношению к бедным и обиженным, нуждающимся в помощи, чтобы... облегчить нужду всех»². Для этого «государю весьма важно знать всякие науки», опираясь на которые он будет способен «вывести людей из их животного состояния на путь всяческой цивилизации»³. Аргументация А. Волана, с одной стороны, продемонстрировала позитивные аспекты патерналистского понимания государства – истоки формирования уважения к государственной власти. Однако, с другой стороны, она подчеркнула негативные аспекты взглядов, согласно которым активность государя противопоставлена пассивности его подданных.

В целом патриархальные и патерналистские концепции происхождения государства обосновывают тот факт, что люди – существа коллективные, стремящиеся к взаимному общению, что проистекает из сущности семьи. В связи с этим основой взглядов на государство в данных концепциях стали образно-метафорические представления о семье. В современном государственном мироустройстве сохранились и патриархальные, и патерналистские структуры, которые влекут как положительные, так и отрицательные следствия. В частности, патриархальные структуры находят отражение в государственно-правовых отношениях (например, использование фамилии мужа после вступления в брак, преимущественная роль женщины в воспитании детей, различия в судьбах детей после расторжения брака, заключенного между людьми разных национальностей). Неоднозначен патернализм, опасность которого в современных условиях вызвана закреплением пассивной гражданской позиции, в соответствии с которой ответственность за все происходящее возлагается гражданами на государство.

Договорные, или естественно-правовые, концепции объясняют возникновение государства в результате установления соглашения между людьми, используя в качестве доводов идеи естественно-го состояния и общественного договора (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж. Ж. Руссо, А. Н. Радищев). До образования

¹Волан А. О государе и его личных добродетелях // Анталогія філасофскай думкі Беларусі : дапаможнік. Т. 1 / склад.: А. А. Лягчылін [і інш.] ; пад рэд. А. А. Лягчыліна, А. Ю. Дудчыка. Мінск : БДУ, 2017. С. 73.

²Там же. С. 74–75.

³Там же. С. 71–72.

государства люди находятся в «естественном состоянии», при котором они обладают особыми (естественными) правами и свободами, но не имеют возможности их защитить. Для этого люди заключают соглашение, добровольно делегируя часть своих свобод и прав государству как органу, способному представлять их общие интересы и защищать оставшиеся права. Аргументация Т. Гоббса была обусловлена поиском выхода из состояния «войны всех против всех», аргументация Дж. Локка – решением проблемы защиты жизни, свободы и имущества граждан, аргументация Ж. Ж. Руссо – реализацией прав граждан. В целом договорные концепции стали истоком современных представлений, касающихся построения демократического и правового государств.

Органические теории основаны на концептуализации государства как организма. Концептуализацию следует отличать от метафорического антропоморфического уподобления государства живому организму. Еще Платон уподобил государство индивиду, умозаключив, что оно тем совершеннее, чем более подобно индивиду, а Аристотель сравнил государство с многоногим, многоруким и имеющим множество чувств человеком. В новоевропейской философии органические аналогии в экспликации сущности государства характерны для взглядов, например, Т. Гоббса, Б. Спинозы, Ж. Ж. Руссо. Т. Гоббс провел параллель между государством и человеком: государство «питается», его «организм» подпитывает циркуляция денег, оно имеет органы государственной власти, а также «детей» – колонии. Б. Спиноза уподобил государство живому организму, в котором люди, взаимодействуя и выполняя свои функции по аналогии с органическими клетками, образуют единое целое. В этом целом все подчинено естественным законам, которые не являются внешними, а внутренне присущи этому целому в силу его божественной природы. Таким образом, поскольку государство выступает частью природы, постольку оно подчинено ее естественным законам, а значит, его можно понять посредством анализа причинно-следственных связей. И если образование государства – это естественный процесс, то он остается за пределами теологических или моральных объяснений. Однако, в силу того что государство представляет собой сложный, но подчиненный определенным законам организм, его можно объяснить рационально.

Новоевропейские антропоморфизмы стали отголосками натурализма и были направлены на преодоление теологического подхода к объяснению происхождения государства (Ф. Аквинский, Ж. Маритэн), согласно которому оно является результатом божественного замысла. Однако теологические концепции государства, обусловленные ролью церкви в жизни

общества, остаются актуальными в современном мире (Ватикан, исламский мир). В них государство трактуется в качестве инструмента религиозной миссии, как средство для утверждения религиозных ценностей и принципов.

Концептуализация государства в органических теориях осуществлялась не по линии аналогического уподобления (*A* как *B*), а в атрибутивном фокусе (*A* есть *B*): государство есть организм. Однако в XVII–XVIII вв. организм отождествлялся с механизмом в соответствии с механистическим мирозерцанием. В механистической аргументации природа государства рассматривалась как результат человеческого ума и расчетливости, желания достичь какой-либо цели, что характерно для теорий общественного договора, которые выстраивались на основе концепций естественного происхождения государства и естественных человеческих прав. Такой подход в конце XVIII в. оценил А.-Л. Шлёцер в работе «Всеобщее государственное право» (1793): «Государство есть изобретение», которое придумали люди «для своего блага, подобно тому, как они придумали несгораемые кассы. Лучший способ построения науки о государстве – рассмотрение его как искусственной, чрезвычайно сложной машины, приспособленной к определенной цели»⁴.

Как уже отмечалось, концептуализация государства в органических теориях осуществлялась не по линии аналогического уподобления (*A* как *B*), а в атрибутивном фокусе (*A* есть *B*): государство есть организм. Органические теории развития государства вместо сознательной человеческой воли, направленной на его создание и свойственной механистическим концепциям, акцентировали внимание на бессознательных силах природы, остающихся вне этой воли, противопоставив развитию государства извне развитие изнутри. Государство, трактуемое как организм, обладает внутренней самопроизвольной силой естественно-необходимого развития, а значит, находит основание и причину своего бытия в самом себе, так как внешнее может составлять условие, но не причину его возникновения. Различия между организмом и механизмом были проведены в теории витализма (М.-Ф. К. Биша), философии И. Канта и Ф. В. Й. Шеллинга.

В XIX в. на смену субъективному рационализму XVIII в. пришел объективный историзм, обоснованный под влиянием Б. Спинозы Ф. В. Й. Шеллингом в двух его теориях – органической теории государства и исторической теории права (вместо теории естественного права), которые по своей сути тождественны. Государство в шеллинговой философии, утверждающей тождество духа и природы, мышления

⁴Цит. по: Гессен В. Органическая теория государства [Электронный ресурс] // Энцикл. слов. Т. 22. Опека – Оутсайдер / изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон ; под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. СПб. : Типолитограф. И. А. Ефрона, 1897. С. 96. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Органическая_теория_государства (дата обращения: 21.04.2025).

и бытия, трактуется как продукт свободного волеизъявления его граждан, направленного на создание правопорядка как необходимого условия для реализации свободы всех. Это означает, что иррационализм организменного подхода должен быть дополнен необходимостью духовных и волевых аспектов. По мнению Ф. В. Й. Шеллинга, жизнь обретает отчетливость и определенность лишь тогда, когда «иррациональное и случайное, которое в формировании существ, особенно органических, выступает в связи с необходимым, доказывает, что здесь действовала не просто геометрическая необходимость, но участвовали также свобода, дух и своеволие» [12, с. 122]. Отсюда вытекает, что натурфилософия как органическая часть трансцендентального идеализма должна быть дополнена исследованием развития самого Я, так как речь идет о переплетении свободной человеческой деятельности с исторической необходимостью, выражающей тенденцию движения общества к всемирно-гражданскому устройству. «Человек, хотя и свободен в отношении непосредственно своих поступков, – констатировал Ф. В. Й. Шеллинг, – но итог, к которому они приводят в пределах обозримости, зависит от необходимости, стоящей над действующим человеком и соучаствующей даже в развертывании самой его свободы» [13, с. 346]. На этом основании в рамках трансцендентального идеализма он трактует государство как продукт и проявление свободного волеизъявления, направленного на создание правового порядка, который составляет необходимое условие для осуществления свободы не для некоторых индивидуумов, а для всех.

Ф. В. Й. Шеллинг, преодолевая основной недостаток предшествующих теорий государства – осуществление определенной цели (например, мирное сосуществование свободных индивидов или достижение всеобщего благополучия), выступил против трактовки государства как средства для достижения этой цели, т. е. как чего-то условного и зависимого. Он противопоставил такому подходу абсолютную конструкцию государства как объективного (внешнего) организма свободы. Доводом послужил характер исторического процесса, заключающийся в гармонии необходимости и свободы: необходимое должно быть свободным, а свободное – необходимым.

Под непосредственным влиянием Ф. В. Й. Шеллинга Ю. Голуховский интерпретировал государство как «обширнейшую форму», которая объемлет «всю сферу человеческого существования», в том числе философию⁵. Поскольку государство включает в себя все категории человеческой жизни, постольку его целостность и сила предопределены господствующей в нем философией. Это означает, что вслед за Ф. В. Й. Шеллингом Ю. Голуховский противопоставил договорной концепции государства концепцию

общества как организма, имеющего определенную иерархию и неравенство частей. В соответствии с их доводами целесообразность государства как организма обусловлена объективным разумом, объемлющим два его абсолютных начала (две абсолютные потенции в терминологии Ф. В. Й. Шеллинга) – реальный и идеальный мир, природу и дух. Они не противоположны, а, напротив, тождественны и открыты объективному разуму для познания. Абсолютное начало проявляется как единое и неизменное в природе и в истории. Это означает, что они подчиняются необходимым и неизменным законам развития. Их различает лишь то, что природа является реальным выражением абсолютного начала, а история – его идеальным выражением. Непосредственно само абсолютное начало проявляется в форме высших обобщений, истинных не для одного, а для всех классов явлений и поэтому выступающих основаниями для объяснений.

Если в органической теории Шеллинга развитие – это процесс, в котором природа предшествует духу, или человеческому сознанию, стремящемуся к самопознанию, то в органической теории Спенсера развитие – это эволюционный процесс, в котором человек не выделяется в качестве отдельной цели [14]. Опираясь на теорию Дарвина, Г. Спенсер рассматривал государство как динамическую часть более широкого эволюционного процесса. Основная черта эволюции в общественном росте, по его мнению, проявляется «с двух ее сторон: интеграция проявляется и образованием большей массы, и увеличением связности этой массы вследствие сближения частей» [14, с. 289]. Исходя из этого, государство, как и все в природе, развивается по законам эволюции от простых однородных форм, например милитаристских, к сложным гетерогенным формам, например индустриальным, при которых начинают цениться индивидуальность и свобода. Основу такого развития Г. Спенсер связал с естественной борьбой за существование и выживание. В результате этой борьбы выживают наиболее приспособленные и сильные индивидуумы и общественные образования, которые, поглощая или подчиняя себе более слабых, усложняют структуру и организацию государства.

Г. Спенсер комбинировал методологический эволюционизм с принципами либерализма, отдавая приоритет индивидуальной свободе и ограничивая роль государства в общественной жизни, что, по его мнению, должно способствовать расширению свободной конкуренции и выживанию наиболее приспособленных, а значит, прогрессу и процветанию. Подобная комбинация была обусловлена стремлением оправдать либерализм, так как если общество развивается по законам эволюции,

⁵Голуховский Ю. Философия, относящаяся к жизни целых народов и каждого человека // Анталогія філософської думки Беларусі : дапаможнік. Т. 2, ч. 1 / склад.: А. А. Лягчылін [і інш.] ; пад рэд. А. А. Лягчыліна, А. Ю. Дудчыка. Мінск : БДУ, 2021. С. 115.

то вмешательство государства в данный процесс (например, через механизмы помощи нуждающимся или государственного регулирования) будет препятствовать естественному отбору и замедлять дальнейшее развитие. Свобода и конкуренция стали ключевыми факторами прогресса, поскольку позволяют наиболее приспособленным индивидуумам развиваться и вносить вклад в общее благосостояние. Однако таким способом оправдывалось социальное неравенство, поскольку «неприспособленные» индивидуумы заранее были обречены на неудачу в условиях жесткой конкуренции, но с учетом естественного закона развития. По этой причине подход Г. Спенсера критики, инициировавшие дебаты о роли государства и свободе личности, называли социал-дарвинистским, с чем он не соглашался. Критика социального дарвинизма Г. Спенсера была обусловлена неправомерным переносом биологического принципа естественного отбора и выживания на социум, ограничивавшим социальные процессы фактором приспособленности (адаптивности) индивида и оправдывавшим тем самым несправедливость и дискриминацию. Социал-дарвинизм использовался для оправдания расизма (объявление европейцев высшей расой), империализма (естественность колониальных порабощений), евгеники (антигуманные практики, например принудительная стерилизация).

Классовая теория, разработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом, построена на признании экономических причин в качестве факторов образования государства – это прежде всего разделение труда, возникновение частной собственности, появление в обществе классов, обострение противоречий между ними [15–17]. Ф. Энгельс раскрыл государство как «продукт развития общества на известной ступени развития», отождествив его с силой, исходящей из этого общества, но «ставящей себя над ним» и «все более и более отчуждающей себя от него» [17, с. 170]. Если сила происходит из общества, значит, в нем возникают процессы, порождающие эту силу. Данные процессы связаны с общественным разделением труда. Из первого такого разделения «возникло первое крупное разделение общества на два класса – господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых» [17, с. 161]. Согласно аргументации Ф. Энгельса «государство есть признание того, что... общество запуталось в неразрешимом противоречии с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно». В связи с этим «стала необходимой сила», которая держала бы его «в границах “порядка”», нарушаемого непримиримыми противоположностями – «классами с противоречивыми экономическими интересами» [17, с. 170].

Важно подчеркнуть, что теория Маркса – Энгельса была направлена против буржуазно-либеральных

моделей представительного демократического государства и гражданского общества, в которых обосновывалась идея изменения сущности отношений между государством и обществом. К. Маркс и Ф. Энгельс выступили с критикой этих моделей. Они показали, что величайшей свободой считается «рабство гражданского общества», так как «оно кажется завершенной формой независимости индивидуума, который принимает необузданное, не связанное больше ни общими узами, ни человеком движение своих отчужденных жизненных элементов, как, например, собственности, промышленности... за свою собственную свободу» [15, с. 129–130]. В действительности «оно, наоборот, представляет собой завершенное рабство и полную противоположность человечности. На место привилегии здесь стало право» [15, с. 130].

Критика Ф. Энгельсом либеральных идей, связанных с переходом от монархии к демократической республике, была обусловлена иллюзорностью понятия «царство разума и свободы», согласно которому государственная власть не будет возвышаться над обществом. Теория государства Энгельса восходит к идеям Н. Макиавелли и Т. Гоббса, которые были развиты в теориях эпохи Просвещения. В рамках этих идей государство признавалось особой реальностью, возвышающейся над обществом. Как отмечал К. Шмитт, в соответствии с тенденциями нарастающего усиления государства эти теории требовали «легального деспотизма» и «диктатуры разума» [18]. Однако Французская буржуазная революция и события XIX в. лишь подтвердили особый статус государства в обществе, что проявилось в централизации и усилении государственной власти. Ф. Энгельс подчеркнул: «Люди воображают, что делают необыкновенно смелый шаг вперед», когда отказываются «от веры в наследственную монархию и становятся сторонниками демократической республики» [16, с. 200–201]. Однако «в действительности государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии» [16, с. 200–201].

Главными следствиями классовой концепции происхождения государства выступают следующие положения. Во-первых, государство является продуктом экономического развития общества, значит, не изначальным, а исторически обусловленным институтом. Во-вторых, государство служит интересам господствующего класса. В-третьих, ключевую роль в государстве играют частная собственность и антагонизм классов, из чего проистекают его инструментальные функции, связанные с защитой частной собственности и подавлением классовой борьбы.

В XIX – первой трети XX в. были актуализированы насильственные концепции происхождения государства (Л. Гумплович, Ф. Оппенгеймер, Е. Дюринг, К. Каутский). В истории государства и права первым

сторонником насильственной концепции происхождения государства следует признать Шан Яна, или Гунсунь Яна (390–338 гг. до н. э.), который отстаивал идею о сильной централизованной власти, основанной на законе. Его программа учреждения государства предусматривала лишение аристократии наследственных должностей. Для этого предусматривались ликвидация наследственных владений знати и введение системы административных уездов, насильственное разделение больших семей и введение круговой поруки. Политические преобразования сопровождались преобразованиями экономическими, согласно которым осуществлялось введение частной собственности на землю и разрешение ее продажи, поощрение земледелия на фоне ограничения ремесла и торговли. Следует подчеркнуть, что идеи Шан Яна оказали влияние на последующие процессы объединения разрозненных образований в Китае, в частности, на это указывают продолжившиеся реформы в царстве Цинь.

Насильственный характер программы Шан Яна проявился в ее направленности против «паразитической» деятельности, ослабляющей государственность (например, торговля, развлечения, изучение наук, музыка). Ее преодоление лежало в плоскости решения трех главных задач – централизации управления, роста производства зерна и укрепления военной мощи государства. Царство Цинь увеличивало собственную мощь, уменьшая человеческий потенциал соседних царств. Оно, например, привлекало колонистов из перенаселенных центральных царств на завоеванные земли путем предоставления льгот (освобождение от налогов на десять лет для освоения земли и строительства дома, освобождение от военной службы на три поколения вперед). Вертикальная мобильность в царстве Цинь стала возможной благодаря тому, что знатность перестала измеряться исключительно заслугами перед государством, а не происхождением. Однако согласно государственной доктрине Цинь для поддержания боеспособности армии она должна была участвовать в наступательной войне.

Фундамент европейских взглядов в обосновании насильственных концепций составили представления о возникновении государства как результата навязанной изнутри или извне силы (т. е. решающей роли военно-политического фактора), а не как результата естественного внутреннего экономического развития общества. Это означает, что насильственные концепции происхождения государства в качестве первичных условий общественного развития утверждают формы политических отношений, следствием, а не причиной которых являются экономические отношения. История подтверждает подобные концепции, так как завоевание одних народов другими в течение длительного времени являлось реальным фактором существования государственности (например, царство Цинь, римское

государство, древнегерманское государство, Золотая Орда). Однако наряду с общим взглядом имеются особенности.

В соответствии с теорией внешнего насилия Л. Гумпловича государственная власть возникает из физической силы: господство народа, основанное вначале только на физическом преобладании над другим народом, постепенно превращается в государство, опирающееся на экономическое могущество господствующего класса [19]. Основные положения данной теории обусловлены трактовкой завоевания (внешнего насилия) в качестве первоисточника и главного фактора государства в противовес, соответственно, мирному сосуществованию и социальному договору. В качестве довода Л. Гумплович апеллировал к истории, подчеркнув, что она не знает государств, образованных мирным путем. Однако история свидетельствует о стремлениях людей к расширению своего влияния и могущества, росту благополучия, что ведет к войнам и, как следствие, появлению государственного устройства, а также возникновению имущественного и социального расслоения населения.

Идею насильственного происхождения государства Л. Гумплович репрезентировал в социологическом контексте, обусловленном общественными трансформациями. В связи с этим развитие государства он интерпретировал как изменение формы конфликтных отношений между его социальными элементами, а смену форм правления в государстве связал с изменениями «отношений властвования его господствующих и подвластных элементов» [19, с. 4]. Согласно выводам Л. Гумпловича форма правления в любом государстве «переходит от “неограниченного” единовластия к “ограниченному” и завершается “представительным народовластием”» [19, с. 4].

Ф. Оппенгеймер (1864–1943) расширил понимание государства до социального института, возникшего в результате завоевания и подчинения, насилия и эксплуатации. Подобная идея восходит к идеологиям Д. Уинстенли (1609–1676) и А. Сен-Симона (1760–1825). Ф. Оппенгеймер подчеркнул: «При анализе природы “Государства” вопрос использования унифицированной терминологии... отходил на второй план», вследствие чего «исследователи подгоняли имеющиеся факты для обоснования мысли о том, что в силу действия закона непрерывного развития любое “Государство” со временем становится классовым обществом» [20, с. 64]. Обобщив большой эмпирический материал, он пришел к выводу, что государство в аспекте его происхождения «на начальных этапах своего существования является социальным институтом, насильно навязанным победившей группой людей» группе побежденных «с единственной целью – для утверждения» своего господства, «для защиты от восстаний изнутри», от «нападений извне». Цель такого господства заключается в «экономической

эксплуатации побежденных победителями» [20, с. 70]. Считая государство не нейтральным институтом, а инструментом господства, осуществляемого посредством юридических форм экономической эксплуатации, Ф. Оппенгеймер обосновывал необходимость его преодоления. Такой путь он видел в замене государства обществом, в котором каждому человеку будет обеспечена возможность стать собственником, что позволит создать социум, основанный на самоуправлении и свободных рыночных отношениях.

Согласно теории, предложенной Е. Дюрингом, фундаментальным принципом развития общества и первопричиной возникновения государства является внутреннее насилие, осуществляемое одной группой людей над другими. Следствиями насильственного подчинения становятся социальное неравенство и эксплуатация, частная собственность и классовое деление общества. Е. Дюринг в противовес марксистской политической экономии и диалектическому материализму связал движущую силу истории с насилием, а не с экономическим развитием общества, определяемым материально-производственными отношениями. В связи с этим в отличие от К. Маркса и его материалистического понимания истории он выступил не за революционный путь движения общества к социализму, а за постепенные преобразования, основанные на кооперации мелких производителей. Это должно сформировать общество, в котором исчезнет необходимость прибегать к силовым методам как способам решения проблем и в котором исчезнет государство в его традиционной форме. Ф. Энгельс в работе «Анти-Дюринг: переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» подверг критике идеалистическое толкование истории и отрицание роли экономических факторов в развитии общества [21].

В своей теории насилия Е. Дюринг подразумевает классовую и трудовую эксплуатацию. В дальнейших толкованиях, вплоть до современных, смысл эксплуатации изменяется в зависимости от контекста, однако ее сущность заключается в использовании людей, ресурсов или информации для достижения определенных целей, которые не всегда являются моральными или законными, поэтому данный феномен сопутствует государственности.

К. Каутский – апологет марксистской традиции – определял государство как принудительный аппарат, создаваемый победителями для управления побежденными, господствующим классом для подавления классов эксплуатируемых [22]. Если победителям государство обеспечивает использование выгод своего положения, то побежденным помогает избежать негативных последствий своих слабостей. Для господствующего класса государство является средством поддержания существующего порядка, т. е. инструментом эксплуатации, а для эксплуати-

руемых классов остается источником эксплуатации и сопровождающих ее отчуждения от результатов своего труда, притеснений и лишений, т. е. не предоставляет никаких благ. В отличие от марксистов К. Каутский был убежден, что классы появляются не до возникновения государства, а после. Вслед за Л. Гумпловичем и Ф. Оппенгеймером он оторвал исторические факты от целостного хода общественного процесса. «В действительной истории большую роль играют завоевание, порабощение, разбой – одним словом, насилие» [23, с. 726]. Однако это не означает, что они составляют движущую силу истории.

Примечательной в аспекте аргументации стала критика К. Каутским концепции, разработанной Ф. Ратцелем, который трактовал государство как живой организм, связанный с географической средой и территорией и зависимый от них. К. Каутский, оговаривая, что он не разделяет теорию государства Ратцеля, обращает внимание на два высказанных им условия образования государства в марксистском смысле. Ф. Ратцель, считая «государством каждую общину, располагающую определенной территорией», на этом основании видит «государственно-образующую потенцию кочевников... в их способности расширять» ее посредством завоеваний и насильственного удержания завоеванных областей [22, с. 217]. Однако он не увидел того, что «государственно-образующая сила отнюдь не свойственна кочевникам как таковым», ибо, если «кочевники остаются в своей среде, у них не обнаруживается этой способности, она проявляется лишь тогда, когда они сталкиваются с земледельцами», которые «одинаково необходимы для образования государства» [22, с. 217]. Напротив, «для основания государства недостаточно, чтобы какой-либо народ, состоящий из мирных, трудолюбивых и усердных крестьян, достигших известного уровня благосостояния, но... прикованных к своим земельным участкам, имел в качестве соседа бедное, воинственное племя, которое свободно рыскает вокруг, не любит тяжелой работы и предпочитает удовлетворять свои потребности путем грабежа» [22, с. 220]. Согласно выводам К. Каутского государство не может стать результатом таких контактов, более того, «периодическое ограбление крестьян» может лишь обезлюдить территорию [22, с. 220].

Признавая роль внешнего насилия в первоначальном формировании государства, К. Каутский интерпретировал его как продукт классового антагонизма и инструмент классового господства. Именно поэтому по мере исчезновения такого антагонизма и господства насилие перестанет быть отличительным признаком государства, так как вследствие развития общества оно может трансформироваться и эволюционировать в бесклассовую структуру, способную учесть интересы всех слоев населения. К. Каутский увязывал подобную трансформацию

государства с инструментом всеобщего блага (благоденствия) с использованием методов демократии в построении социализма, в частности внедрения парламентских институтов в отстаивании прав.

Особую роль в объяснении происхождения государства и выявлении факторов государственности сыграли психологические концепции. Они явились выражением взглядов, которые в одном ракурсе стали оппозиционными по отношению к антипсихологическим тенденциям в философии государства, а в другом – дополняли их. В качестве основы психологических моделей государства признаются не объективные факторы (например, насилие или классовая борьба), а факторы субъективные. Они проистекают из обусловленности возникновения государства свойствами человеческой психики, потребностью индивида жить в коллективе, его стремлением к поиску авторитета, указаниями которого можно было бы руководствоваться в повседневной жизни, а также желанием повелевать и подчиняться. Государство, согласно данным концепциям, – это продукт разрешения психологических противоречий между инициативными (активными) личностями, способными к принятию ответственных решений, и пассивной массой, способной лишь к подражательным действиям, исполняющим решения.

Ключевая проблема, решаемая в психологических концепциях, например, Н. М. Коркунова и Л. И. Петражицкого, связана с логико-семантическими отношениями между государством, с одной стороны, и правом и нравственностью – с другой. Семантика психологического концепта государства подразумевает логический анализ отношений права и нравственности, которые представляются парадоксальными, так как при раскрытии сущности права в связи с нравственностью ускользают специфические свойства права, но если акцентировать данные свойства, право теряет связь с нравственностью. Парадоксальность обусловлена нечеткими семантическими границами понятий моральности и легальности поведения человека, которые устанавливаются и переустраиваются самим человеком под влиянием социальной жизни в государстве.

В частности, для Н. М. Коркунова основой государства является субъективное представление самой личности о должном порядке общественных отношений, соответственно, государство – это не чья-либо воля, а сила, вытекающая из психических представлений граждан об их зависимости от государства. Он разработал концепцию правового государства, которое формируется на основе индивидуального сознания и является выражением представлений граждан о должном порядке. Исходя из этого, государство и его граждане находятся в отношениях взаимной ответственности, откуда проистекает психологизм данной концепции. Н. М. Коркунов негативно оценил представления Г. Спенсера

об обществе как организме, умозаключив, что природа общества и социальной жизни человека имеет психологический характер. В частности, он писал: «Органическое воззрение на общество, как не объясняющее всех особенностей явлений общественности, должно быть заменено психическим, признающим в идеалах отличительный фактор общественных агрегатов и ставящим явления общественности наряду с явлениями неорганического и органического мира, как третью самостоятельную группу явлений мира» (цит. по [24, с. 183]).

Н. М. Коркунов, исходя из психологической позиции, обосновал номиналистическую методологию изучения социальных явлений, включая государство. Согласно этой методологии не существует такой реальности, как общество. Оно сводимо лишь к взаимодействию его индивидов, поэтому «основанием всех особенностей явлений общественности мы признаем, – писал Н. М. Коркунов, – духовный характер связи, соединяющей людей в общество» (цит. по [24, с. 183]). Это означает, что общество и государство не имеют целостной структуры, обладающей собственными признаками и закономерностями. Их концепты только номинально обозначают совокупности составляющих их индивидов. Ф. Гуарино в данном аспекте отметил, что Н. М. Коркунов, обращаясь к понятию государства, «исходил из предпосылок, заложенных европейской, и прежде всего германской, традицией, но с совершенно иной методологической позицией, основанной на социологической матрице» [25, с. 24]. Подчеркнем, что методология антипсихологического реализма, в отличие от номинализма, признает общество и государство в качестве самостоятельных структур, обладающих собственными атрибутами и закономерностями.

Л. И. Петражицкий разработал концепцию государства на основе психологической теории права, так как был убежден, что право и государство вследствие их неотделимости от психики людей следует рассматривать как результат психологических процессов и взаимодействий [26]. Государство, не являясь чем-то внешним по отношению к психике людей, возникает из различий в их внутренних переживаниях и психологических установках, значит, оно возникает в результате разделения общества на тех, кто способен управлять, и тех, кто способен подчиняться. Аргументация Л. И. Петражицкого строилась на идее о взаимной обусловленности внутренних переживаний и поведения человека, зависимых от развитости волевой сферы и самоконтроля. В одном ракурсе эмоции, мотивы, ценности влияют на нравственный выбор и поступки, в другом – нравственное поведение формирует психическое состояние. По этой причине Л. И. Петражицкий включил нравственность в свою модель государства и права.

Психологические концепции государства открыли новую перспективу в изучении государственности, связанную с человеческой природой и государственным правом как защищенным интересом. Н. М. Коркунов акцентировал внимание на государственной защите интересов граждан. Поскольку главным содержанием общественной жизни он считал столкновение различных интересов (юридических, экономических, политических и др.), постольку право, устанавливаемое государством, должно обеспечить условия их сосуществования. Если нравственные системы, по мнению Н. М. Коркунова, выступают в роли «мерила для оценки наших интересов», то право должно устанавливать принципы «для разграничения интересов различных личностей» [27, с. 88]. Рассматривая юридическую природу государства, Н. М. Коркунов выступил против несостоятельного, по его мнению, понимания власти как единой воли, господствующей над подданными государства, которое восходит к средневековой схоластике. Для этого он заменил фактор активного властвования фактором властвования как необходимости сознания с пассивной стороны, т. е. со стороны подвластного народа. Противопоставив власти, интерпретируемой как воля, другую власть, интерпретируемую как сила, вытекающая из осознания людьми их зависимости от государства, Н. М. Коркунов признал в качестве механизма управления нравственное принуждение сознания подвластного народа к подчинению через указы и законы [28]. Близкие идеи высказал Л. И. Петражицкий, считая, что право не находится в социальной среде, а коренится в психике индивида, поэтому правовые нормы, санкционированные государством, необходимо рассматривать как средство воспитания и формирования нравственного поведения. Из этого вытекает, что в основе государства лежит право, существующее в сознании людей в форме психических переживаний и оказывающее авторитетное давление в пользу определенного поведения в гармоничном человеческом сообществе [27].

Существует ряд концепций происхождения государства, которые отличаются меньшей концептуальностью и большей метафоричностью. Однако, на наш взгляд, ими нельзя пренебрегать, так как данные концепции представляют интерес своими нестандартными взглядами, претендующими на теоретическое осмысление основ государственности вследствие неординарности идей и предложенных аргументов. В частности, М. Олсон и М. Макгир, опираясь на криминальную метафору, разработали теорию оседлого бандита. Они выдвинули идею, согласно которой государство создается бандитами, имеющими преимущества перед другими в организации насилия. Для ее обоснования М. Олсон выстроил следующую аргументацию [29]. В условиях анархии существует конкуренция между кочую-

щими бандитами, которые максимизируют изымаемые доходы у населения и монополизируют изъятия контролируемой территории. Основой благосостояния кочующих бандитов является не производительная деятельность, а перераспределение чужих ресурсов в свою пользу. Подобная ситуация обусловлена появлением в обществе индивидов или групп, обладающих преимуществами в применении силовых ресурсов, поэтому в результате указанной конкуренции возникают оседлые бандиты, которые, оптимизируя изымаемые у населения доходы, начинают созидать общественные блага, сберегать и инвестировать. Это создает условия для формирования государственного порядка, завершающего переход от анархии кочующих бандитов к государственному порядку правителя-автократы.

М. Макгир и М. Олсон различали два вида бандитов – бандита-гастролера (или кочующего) и оседлого (или стационарного) бандита. Представители первого вида стремятся быстрее извлечь максимальную выгоду, совершая набеги и забирая у населения все, что можно, чтобы усилить свою армию и грабить еще больше. Их не слишком интересует, выживут ограбленные или умрут от голода. Оседлые бандиты руководствуются другим мотивом: они собираются грабить долго и всерьез и поэтому заботятся о том, чтобы доход от подконтрольного им населения был постоянным. Так возникает государство.

М. Олсон посчитал приемлемой и наглядной «криминальную метафору» в объяснении поведения властей, исходя из того, что и государственная власть, и действия преступников строятся на насилии [30]. Свою теорию он иллюстрировал историей гражданской войны в Китае в 1920-х гг., когда значительную часть страны контролировали полевые командиры, объявлявшие себя повелителями захваченных территорий и облагавшие их тяжкими поборами. Лидеру одной из групп население выказывало явное предпочтение, так как он, закрепив свое присутствие на территории (став оседлым бандитом), защищал ее от нападков других вооруженных группировок (кочующих бандитов) [30].

Концепция «узкого коридора», разработанная Д. Аджемоглу и Дж. А. Робинсоном, метафорически обозначает, во-первых, пространство, в котором находятся сильное государство и активное общество, во-вторых, путь, ведущий к свободе. «Сильное государство необходимо, – утверждают авторы, – чтобы сдерживать насилие, следить за исполнением законов и предоставлять общественные услуги, которые позволяют рядовым гражданам делать свободный жизненный выбор и добиваться своих целей. Активное общество необходимо для сдерживания сильного государства и контроля над ним» [31, с. 12]. Но «узкий коридор», символизирующий путь к свободе, «зажат, с одной стороны, страхом перед деспотическим государством с его репрессиями и жестокостью,

а с другой – ужасом перед возникающим в отсутствие государства беззаконием, хаосом и анархией» [31, с. 13].

Критические вопросы, связанные с взаимодействием государства и общества, имеют двойственный характер, обуславливающий вызовы современного сложного мира. Ответы на них в одном ракурсе связаны с повышением ответственности со стороны государства, не превышающего своих полномочий и остающегося «под контролем общества», в другом – высвечивают проблему: «как заставить общество работать согласованно, не дать ему восстать против себя самого, не быть разорванным разногласиями»? [31, с. 13]. Таким образом, движение по «узкому коридору» – это сложный многогранный процесс, требующий непрерывной работы и поддержания равновесия, которое легко нарушить (например, между сильным государством и законностью, с одной стороны, и свободой граждан в представлениях толпы – с другой). Д. С. Соммер подчеркнул, что людям толпы мораль не присуща, так как у них нет собственного мышления, взгляда, способности различать хорошее и плохое [32, с. 26].

Концепция «узкого коридора», однако, как отметил Е. В. Балацкий, «игнорирует существующее во все времена геополитическое противостояние государств» [33, с. 191]. Он сослался на опыт постсоветских стран, который «убедительно показал, что после 1991 г. все они оказались под внешним управлением действующего гегемона – США – и оказались расходным материалом в борьбе более крупных игроков». Это означает, что «институциональное строительство в стране идет не в тепличных условиях, а под тяжелейшим гнетом со стороны геополитических соперников, цель которых состоит в создании помех на пути развития рассматриваемой страны. В таких обстоятельствах институты не просто создаются внутри страны, а еще и навязываются извне», что составляет «совсем другой политический процесс» [33, с. 191]. Следовательно, коридор, создаваемый глобализацией, не расширяется, как утверждают Д. Аджемоглу и Д. А. Робинсон, а сужается, что очень сильно ослабляет их каноническую аргументацию [33].

Немонотонный исторический процесс свидетельствует о трансформации образа государства, что не исключает важности выявленных его особенностей. В современном мире доминируют три концепции государства – демократического, правового и социального. Это разные модели организации общества, принимающие во внимание определенные аспекты взаимоотношений между государством и его гражданами. Каждая модель отличается своими основами, идеями (приоритетами), целями, признаками, однако как аспекты государственности они взаимосвязаны и дополняют друг друга. При этом важно учесть, что основа любого государства – это то,

на чем оно строится, или концептуальная платформа для реализации идеи, первоначально зафиксированной в концепциях происхождения государства. Идея – это то, что строится, или концептуальное выражение цели и смысла. Признаки государства – его отличительные особенности. Систематизируем эти аспекты государственности.

Основу демократического государства составляют народный суверенитет и участие граждан в управлении государством через выборы и другие формы прямого участия. Демократическая основа восходит к идее о принадлежности власти народу, который осуществляет ее непосредственно или через избранных представителей. В связи с этим цель демократического государства заключается в организации политического участия граждан в формировании власти, обеспечивая возможность для выражения воли народа. Признаками демократического государства являются суверенитет народа, верховенство закона, разделение властей, защита прав и свобод граждан, политический плюрализм, гражданское общество.

Основу правового государства составляет верховенство закона и права, которое восходит к идее создания системы, где закон является высшим и все, включая государство, подчиняются ему, а права и свободы граждан защищены. Отсюда цель правового государства – обеспечение законности и правопорядка, ограничение произвола власти. Признаками правового государства являются верховенство конституции, разделение властей, независимая судебная власть, соблюдение прав человека.

Основу социального государства составляют социальная справедливость, равенство возможностей и защита наиболее уязвимых слоев населения. Такой взгляд восходит к идее об ответственности государства за благополучие своих граждан и о его активном вмешательстве в экономическую и социальную сферы для обеспечения достойного уровня жизни. Следовательно, цель социального государства – сокращение социального неравенства, повышение уровня жизни граждан и обеспечение достойного существования. Признаками социального государства выступают социальные программы, системы социальной защиты, гарантии занятости, участие государства в решении социальных проблем.

В современном мире государства стремятся сочетать признаки трех типов государств, хотя, по-своему трактуя демократическую, правовую и социальную государственность, следуют историческим традициям в определениях народовластия, соблюдения прав человека и благополучия граждан. Например, демократическое государство может быть социальным, если в нем учитываются интересы различных слоев населения и обеспечивается их социальная защита. Социальное государство может быть правовым, если его программы по защите населения осуществляются в соответствии с законом и не нарушают

права граждан. Правовое государство может быть демократическим, если в нем обеспечивается участие граждан в формировании законов и контроле их соблюдении. Например, в Беларуси народовластие как опыт демократии реализуется посредством Всебелорусского народного собрания – высшего представительного органа, уходящего корнями к древнеславянскому вече. Оно определяет стратегические направления развития общества и государства, обеспечивает незыблемость конституционного строя, гражданское согласие и преемственность поколений. Первый такой форум состоялся 19–20 октября 1996 г., когда Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко впервые решил на самом высоком уровне посоветоваться с народом по важнейшим проблемам государственного строительства, определиться со стратегией и тактикой развития белорусского общества. Результатом этого события стало рождение новой демократической формы общественной жизни.

Белорусская модель государственности в контексте цивилизационной динамики обусловлена поиском выхода общества из «тупика» истории, так как образование Республики Беларусь стало ответом на развал СССР. Если судьбу цивилизации определяют ответы на вызовы истории, то судьбу белорусского государства – ответы на вызовы изнутри (например, обеспечение устойчивого роста, консолидация общества) и извне (обеспечение безопасности страны, защита национальных интересов, развитие торговых отношений, участие в международных органи-

зациях). Исходя из этого, особое значение в Беларуси обрела концепция социального государства как закономерного этапа развития государственных форм общественного устройства, определяемого в качестве высшей ступени цивилизации в сфере государственного строительства. Модель социального государства в Беларуси подразумевает реализацию идей гуманизма и защиту прав, свобод и законных интересов каждого человека, что закреплено на конституционном уровне.

Более чем тридцатилетний опыт белорусского государства подтверждает его состоятельность в разных аспектах. В аспекте преемственности исторического развития Беларусь опирается на богатую историю, включая наследие Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и Российской империи, а также на опыт формирования белорусской государственности в XX в. В аспекте формирования национальной идеи в Беларуси сохраняется уважение к истории, культуре, традиции как гарантам поддержания белорусской идентичности. В аспекте суверенности и независимости она стремится к развитию и интеграции в мировое сообщество, сохраняя при этом свою уникальность и идентичность. В аспекте цивилизационного взаимодействия Беларусь вместе с Россией строит Союзное государство. В социально-экономическом аспекте она стремится к построению собственной модели развития, сочетающей элементы рыночной экономики и социальной справедливости с сохранением исторически сложившихся особенностей.

Заключение

Обобщая результаты проведенного исследования, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, философская идея государства как образа наиболее адекватного социального устройства, соответствующего природе жизнедеятельности индивидов в обществе, остается основополагающей константой суверенного объединения людей в процессе исторического развития. Однако идея государства видоизменялась, приобретая различные формы толкования и обоснования. Раскрытые модели цивилизационного развития подтверждают, что на длительном историческом пути познания общественного развития строились разные теории происхождения государства, явно или неявно отражавшие вызовы своего времени. Значимыми следует признать концепции, в которых выявлены патриархальные, патерналистские, договорные, органические, теологические, классовые, насильственные и психологические основы государства. Эти концепции отличаются факторами, которые обоснованы в качестве решающих обстоятельств, поспособствовавших образованию государства как лучшей формы организации общественного бытия или оказавших влияние на этот

процесс. В трактовках государства имеются онтологические различия, обусловленные реалистической и номиналистической аргументацией. Реалистические аргументы (патриархальные, патерналистские, органические, теологические, классовые, насильственные концепции) обосновывают значение целостности и силы государства для его граждан. Номиналистические аргументы (договорные и психологические концепции) обосновывают антрополого-правовые значения, связанные с восприятием индивидуумами социальной действительности и государства.

Во-вторых, аргументационный подход в философии государства и его специфические черты детерминированы уникальностью цивилизации, в пределах которой оно образуется и развивается. В разных цивилизациях идея государства принимала различные формы, но ее основная цель оставалась неизменной: организация общества и управление им для его выживания и развития. Категориально уникальность цивилизации опосредована рядом оппозиций (например, человек – семья, рабство – свобода, индивидуализм – коллективизм, конкуренция индивидов – гармоническое состояние общества,

естественное право – позитивное право, война – мирное сосуществование). Концепции происхождения государства задают теоретические рамки для понимания особенностей его развития в контексте цивилизационной динамики, так как прямо или косвенно данные концепции связаны с поиском выхода общества из «тупика» истории посредством поиска новых форм организации социальной жизни. Образование Республики Беларусь следует рассматривать в качестве убедительного примера выхода общества из такого «тупика» (развала СССР).

В-третьих, каждая концепция формирует свой образ государства как самоорганизующегося общества, нуждающегося в обеспечении безопасности и поддержании порядка. Следует принимать во внимание идею государства, которая в истории цивилизаций варьировалась из-за ее обусловленности особенностями бытия людей. Исходя из этого, нельзя рассматривать концепции происхождения государства через призму недооценки ими иных факторов, т. е. посредством критики. Более того, в аналитической аргументации следует избегать негативизма (чего в них нет) в пользу позитивизма (что в них есть). В частности, патриархальная концепция уподобляет государство семье или общинной жизни, подчеркивая социальный фактор в происхождении государства. Концепция общественного договора предполагает конвенцию, направленную на преодоление насилия. Напротив, насильственные концепции, выдвигая силу в качестве причины происхождения государства, оставили за рамками аргументации социальные и экономические факторы. Согласно органическим концепциям государство развивается изнутри благодаря самопроизвольной силе естественно-необходимого развития, которая проявляет себя независимо от человеческой свободы и воли.

В-четвертых, исчерпывающее объяснение происхождения государства невозможно. Поскольку этот процесс сложен и многогранен, постольку ци-

визационные модели государства в зависимости от решаемой проблемы могут быть редуцированы к взаимодействию различных факторов (социальных, экономических, культурных, политических, психологических и др.). Однако обязательными элементами этих моделей являются основы, идеи, цели и признаки демократического, правового и социального государств, так как именно их комбинацией определяется цивилизованное развитие общества в современном мире посредством государственной самоидентификации. Раскрывая данные характеристики, необходимо преодолевать их западоцентристский политический контекст. Государство как исторически саморазвивающаяся система формирует свои уровни организации, трансформируя связи и отношения между элементами предыдущих уровней с учетом решаемых проблем-вызовов. При этом человеческие действия включены в подобные трансформации: они корректируют и модифицируют возможные состояния уровней организации в государстве.

В-пятых, цивилизационная модель белорусского государства обусловлена его географическим нахождением между Европой и Россией, в европейской и славянской цивилизации, а также экономическим развитием в условиях аграрной, индустриальной и постиндустриальной цивилизаций. Цивилизация как целостность влияет на свои компоненты, которые, взаимодействуя, влияют на саму цивилизацию. Специфика белорусского государства как организующей силы общества обусловлена этим холизмом, поддерживающие факторы которого включают как внутренние, так и внешние геополитические условия развития. В геополитическом контексте перехода к многополярному миру перед государствами возникает дилемма: стать малоцивилизованной окраиной в рамках глобальной целостности с доминантным влиянием Запада или присоединиться к надгосударственным образованиям (экономическим, военнополитическим и др.) в роли равноправного субъекта (Союзное государство, ШОС, БРИКС и др.).

Библиографические ссылки

1. Тойнби А.Дж. *Постижение истории*. Москва: Академический проект; 2023. 798 с.
2. Воробьева СВ, Легчилин АА. Кросс-культурные основания тенденций цивилизационного развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;2:17–22. EDN: YSJLJR.
3. Стёпин ВС. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;3:6–11. EDN: YRXAMH.
4. Стёпин ВС. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция. *Вопросы философии*. 2012;5:18–25. EDN: OYYDXV.
5. Вебер М. *Избранные произведения*. Давыдов ЮН, составитель и редактор. Москва: Прогресс; 1990. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания; с. 345–415 (Социологическая мысль Запада).
6. Устьянцев ВБ. Пространство цивилизаций в контексте смены типов рациональности. *Философия и общество*. 2007;3:81–98. EDN: OAJAJV.
7. Гобозов ИА. Вопросы цивилизации на страницах французского журнала «Commentaire». *Философия и общество*. 1997;5:167–178. EDN: XETOVN.
8. Samoilenko D, Liahchilin A, Vorobieva S, Osinsky P. A geographical identity in the global world. *Young Science*. 2024; 12(1):1–12.
9. Аристотель. *Сочинения. Том 4*. Доватур АИ, Кессиди ФХ, редакторы; Брагинская НВ, Гаспарова МЛ, Жебелева СА, Миллер ТА, переводчики. Москва: Мысль; 1983. Политика; с. 375–644 (Философское наследие; том 90).

10. Платон. *Государство*. Егунов АН, переводчик. Санкт-Петербург: Наука; 2005. 572 с. (Слово о сущем; том 53).
11. Самигуллин ВК. Патриархальная теория происхождения государства и права. *Право и государственность*. 2023; 1:6–12. EDN: SIRXSC.
12. Шеллинг ФВЙ. *Сочинения. Том 2*. Гулыга АВ, составитель и редактор; Левина МИ, Михайлов АВ, переводчики. Москва: Мысль; 1989. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах; с. 86–158 (Философское наследие; том 108).
13. Шеллинг ФВЙ. *Система трансцендентального идеализма* [Интернет]. Колубовский ИЯ, переводчик. Ленинград: Соцэкгиз; 1936 [процитировано 1 мая 2025 г.]. XXII, 481 с. Доступно по: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/6347>.
14. Спенсер Г. *Синтетическая философия*. Мокиевский ПВ, переводчик; Кошис СД, редактор. Киев: Ника-центр; 1997. 512 с. (Познание; выпуск 2).
15. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 2*. 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании; с. 3–230.
16. Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции». В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 22*. 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1962. с. 189–201.
17. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 21*. 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1961. с. 23–178.
18. Шмитт К. *Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы*. Коринец ЮЮ, переводчик; Кузницын ДВ, редактор. Санкт-Петербург: Наука; 2005. 326 с. (Слово о сущем; том 56).
19. Гумплович Л. *Общее учение о государстве*. Неровецкий ИН, переводчик. Москва: Директ-медиа; 2014. 544 с.
20. Оппенгеймер Ф. *Государство: переосмысление*. Стихин А, Анкапов С, переводчики. Москва: Проект Rustate.org; 2020. 255 с.
21. Энгельс Ф. Анти-Дюринг: переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 20*. 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1961. с. 1–338.
22. Каутский К. Материалистическое понимание истории. Соцэкгиз, М. – Л., 1931. *Философия и общество*. 1997;3: 216–235. EDN: XCSMJF.
23. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Том 1. Книга 1, Процесс производства капитала. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 23*. 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1960. с. 41–784.
24. Савенков ДА. Психологические аргументы в теории права Н. М. Коркунова. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022;2:181–184. EDN: XKBOLB.
25. Гуарино Ф. Заметки о концепции государства Н. М. Коркунова. *Вестник РГГУ. Политология. История. Международные отношения*. 2023;1:24–31. EDN: LQVHDZ.
26. Петражицкий ЛИ. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Часть 1* [Интернет]. Москва: Юрайт; 2025 [процитировано 7 июля 2025 г.]. 237 с. (Антология мысли). Доступно по: <https://urait.ru/bcode/562407>.
27. Коркунов НМ. *Лекции по общей теории права*. Медушевский АН, составитель. Москва: Российская политическая энциклопедия (Росспэн); 2010. 520 с. (Библиотека отечественной общественной мысли).
28. Коркунов НМ. *Указ и закон*. Москва: Рипол классик; 2013. 422 с.
29. Бредихин АЛ. Криминальная теория происхождения государства: постановка гипотезы. *Философия права*. 2020; 1:174–178. EDN: IZIZOV.
30. Заостровцев АП. Мансур Олсон об автократии, демократии и развитии. В: Заостровцев АП, редактор. *Экономика и институты. Сборник статей на основе докладов IX ежегодной конференции из цикла «Леонтьевские чтения»; 12–13 февраля 2010 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр»; 2010. с. 129–155.
31. Аджемоглу Д, Робинсон ДжА. *Узкий коридор: государства, общества и судьба свободы*. Перфильев О, переводчик. Москва: АСТ; 2021. 704 с. (Цивилизация и цивилизации).
32. Соммэр ДС. *Мораль XXI века*. Москва: Кодекс; 2020. 480 с. (Практическая философия).
33. Балацкий ЕВ. Концепция «узкого коридора»: история и современность. *Мир России*. 2023;32(3):180–195. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-3-180-195.

Статья поступила в редколлегия 19.09.2025.
Received by editorial board 19.09.2025.

УДК 001.89:[0/3 + 7/9]

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ БЕЛОРУССКИХ НАУЧНЫХ ШКОЛ В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются проблемы выявления и описания белорусских научных школ в области гуманитарных и социальных наук на основе лексикографии, науковедения, социологии и философии. Анализируются существующие определения понятия «научная школа» и типы научных школ. Выявляются особенности институционализации отдельных научных школ (Минской школы науковедения и Минской методологической школы). Изучается опыт реализации государственной программы поддержки ведущих научных школ России на основе научных школ в области лексикографии, социологии и философии. С учетом выявленных в научной литературе критериев выделения ведущих научных школ России описываются следующие научные школы: 1) школы белорусской лексикографии (минская школа диалектной лексикографии, минская школа исторической лексикографии, минская школа этимологической лексикографии, гомельская школа авторской лексикографии); 2) школы белорусской социологии (белорусская социологическая школа, школа по анализу социальных конфликтов и катастроф, школа экономической социологии и социологии труда, школа в области науковедения и социологии науки, школа теории и методологии социологических исследований и социологии социальной сферы); 3) школа белорусской философии (минская школа в области философии и методологии науки). Делаются выводы о том, что существует ряд общих критериев, посредством которых определяется наличие научной школы в той или иной области научного знания, а также о том, что в области лексикографии, кроме общих критериев, имеются специфические требования к формирующимся научным школам.

Ключевые слова: научная школа; типология научных школ; институциональный анализ особенностей научных школ.

THE PROBLEM OF IDENTIFICATION OF BELARUSIAN SCIENTIFIC SCHOOLS IN THE FIELD OF HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

V. K. SHCHERBIN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article considers the problems of identifying and describing Belarusian scientific schools in the field of humanities and social sciences based on lexicography, science studies, sociology and philosophy. The existing definitions of the concept «scientific school» and the types of scientific schools are analysed. The features of institutionalisation of certain scientific schools (the Minsk school of science studies and the Minsk methodological school) are revealed. The experience of implementing the state programme to support leading scientific schools of Russia based on scientific schools in the field of lexicography, sociology and philosophy is studied. The following scientific schools are described taking into account the criteria for identifying leading scientific schools in Russia identified in the scientific literature: 1) schools of Belarusian lexi-

Образец цитирования:

Щербин ВК. Проблема идентификации белорусских научных школ в области гуманитарных и социальных наук. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;4:47–61.
EDN: GQTZLD

For citation:

Shcherbin VK. The problem of identification of Belarusian scientific schools in the field of humanities and social sciences. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;4:47–61. Russian.
EDN: GQTZLD

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
shcherbin5353@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6217-1265>

cography (the Minsk school of dialectal lexicography, the Minsk school of historical lexicography, the Minsk school of etymological lexicography, the Gomel school of author's lexicography); 2) schools of Belarusian sociology (Belarusian sociological school, school for the analysis of social conflicts and disasters, school of economic sociology and sociology of labour, school in the field of science studies and sociology of science, school of the theory and methodology of sociological research and sociology of the social sphere); 3) school of Belarusian philosophy (the Minsk school in the field of philosophy and methodology of science). The authors conclude that there are a number of general criteria by which the presence of a scientific school in a given field of scientific knowledge is determined, and that in the field of lexicography, in addition to general criteria, there are specific requirements for emerging scientific schools.

Keywords: scientific school; typology of scientific schools; institutional analysis of the characteristics of scientific schools.

Введение

К настоящему времени в разных странах мира опубликовано множество работ, посвященных выявлению, описанию, поддержке и популяризации деятельности научных школ в различных областях научного знания. И это совсем не случайно. Как обоснованно отмечают составители справочника «Ведущие научные школы России» (1998), «...именно научные школы, традиционно культивируемые советской и российской наукой, обеспечили ей признанный мировой уровень, несмотря на сильно ограниченные в течении десятилетий международные связи и невысокое (по мировому уровню) финансирование. Поэтому поддержка таких научных школ, являющихся специфической особенностью российской науки (и не характерных для гораздо более индивидуализированной науки западной), представляется задачей первостепенной важности»¹. Известный советский науковед М. Г. Ярошевский считал, что «без школ оборвалась бы могучая историческая традиция – передача от одного поколения к другому искусства исследования, норм и ценностей научного сообщества» [1, с. 7].

В свою очередь, белорусские исследователи О. А. Ивашкевич и Т. А. Дик убеждены в том, что «...в рамках крупных научных школ формируется специфическое генно-информационное поле, в котором от учителя к ученикам и их последователям на протяжении нескольких поколений передаются стереотипы поведения, порядочности, нравственности, уважительного отношения к личности. Именно они становятся основой исключительно ответственного отношения к научно-исследовательской работе, высокой требовательности к результатам и качеству своего труда и создают особую творческую атмосферу, характерную только для коллективов, сотрудники которых объединены осознанием важности и необходимости выполняемых исследований. Поэтому научные школы... действительно являются национальным достоянием нашей страны» [2, с. 16]. И это национальное достояние, по мнению Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, «мы не должны потерять» [3, с. 25].

Особенно большую роль научные школы играют в процессе многолетней деятельности по выполнению крупных научных проектов (разработка и издание многотомных словарей и энциклопедий, проведение ежегодного социологического мониторинга социально-экономической ситуации в стране, разработка комплексного прогноза социально-экономического и научно-технологического развития страны и т. д.). Например, в рамках лексикографии реализуются многолетние (порой продолжительностью 100 лет и более) словарные проекты по составлению и изданию многотомных толковых словарей национальных языков. Весьма показательной в этом плане является история создания многотомного словаря немецкого языка «Deutsches Wörterbuch», работа по составлению которого была начата братьями Якобом и Вильгельмом Гриммами еще в первой половине XIX в. Первый том данного издания вышел из печати в 1852 г., а последний том был опубликован только через столетие, в 1961 г., усилиями двух немецких академий наук – Немецкой академии наук в Берлине (ГДР) и Геттингенской академии наук (ФРГ). Вот что пишет об этом словарном проекте немецкий исследователь Г. Герстнер, автор книги «Братья Гримм» из серии «Жизнь замечательных людей»: «Словарь немецкого языка», начатый братьями Гримм, был продолжен. С момента появления первого тома прошло свыше ста лет. И вот благодаря усилиям многих академий наук в 1961 г. был закончен этот гигантский труд. Это поистине произведение века, насчитывающее множество томов, в которых собраны все слова – от буквы “A” до слова “Zypressenzweig”, получило свое предварительное завершение. Но только предварительное. Ведь сейчас в целях приведения всего “Словаря” в соответствие с современным уровнем науки Немецкой академией наук в Берлине совместно с Академией наук в Геттингене ведется работа над вторым изданием» [4, с. 253].

Более 100 лет продолжается деятельность по изданию и переизданию всемирно известного словаря «The Oxford English dictionary» (далее – OED) в 20 т.

¹Ведущие научные школы России : справочник / Совет по грантам Президента Рос. Федерации для поддержки науч. исслед. молодых рос. ученых – д-ров наук и гос. поддержке ведущих науч. школ Рос. Федерации. М. : Янус-К, 1998. Вып. 1. С. 4.

Из истории создания данного словаря известно, что работа над ним началась в 1857 г. Первое издание OED в 12 т. увидело свет в 1933 г. как переиздание десяти томного словаря «A new English dictionary on historical principles», выходявшего по частям в 1884–1928 гг. Первое издание OED также включало дополнение «The first supplement», изданное в 1928–1933 гг. Далее, в 1957–1986 гг., был опубликован текст нового, четырехтомного дополнения «A supplement to the Oxford English dictionary». Второе, дополненное издание OED в 12 т. увидело свет в 1989 г.; оно включает около 300 тыс. словарных статей [5, р. XXXV–LXI].

Ровно 100 лет (с 1902 по 2002 г.) шла работа по составлению словаря литовского языка «Lietuvių kalbos žodynas» в 20 т. Рецензент этого словаря академик РАН В. Н. Топоров по случаю выхода в свет последнего, 12-го тома обоснованно заметил: «Счастлив народ, который имеет такой словарь, знает ему цену и открывает им себе путь в бессмертие» [6, с. 415].

Реализация указанных выше крупных словарных проектов стала возможной потому, что в их рамках скоординированно (по общим планам и по единой научной методологии) в течение многих десятилетий работали большие словарные коллективы, объединяющие порой сотни научных сотрудников. В частности, по сведениям В. Н. Топорова, количество сборщиков материалов для толкового словаря литовского языка составляло несколько тысяч человек, в том числе 457 научных сотрудников; для него писали статьи 69 лексикографов, а редактировали

этот словарь 23 лексикографа [6, с. 409–410]. Аналогичные сведения можно привести и по названным выше многотомным толковым словарям немецкого и английского языков. Стоит отметить, что высокий уровень научно-организационной и идейно-методологической скоординированности работы таких больших словарных коллективов в Литве, Германии и Великобритании обеспечивался благодаря наличию в этих европейских странах сформировавшихся научных школ в области лексикографии.

В чем же именно состоит креативный потенциал научных школ? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо провести следующую работу: 1) рассмотреть существующие определения понятия «научная школа»; 2) составить типологию научных школ; 3) решить проблему идентификации научных школ путем составления подробного перечня типичных признаков научных школ и критериев их выделения; 4) выявить особенности институционализации уже признанных международным научным сообществом белорусских научных школ; 5) проанализировать накопленный опыт реализации государственной программы поддержки ведущих научных школ России; 6) осуществить институциональный анализ процессов формирования и развития белорусских научных школ в области гуманитарных и социальных наук с учетом содержащихся в научной литературе традиционных критериев выявления научных школ. Рассмотрим в указанном выше порядке этапы работы по поиску ответа на вопрос о креативном потенциале научных школ.

Анализ существующих определений понятия «научная школа»

Сегодня в научной литературе представлено множество определений понятия «научная школа». Приведем в качестве примеров несколько таких определений. Так, в одной из первых советских науковедческих монографий «Школы в науке» (1977), посвященной изучению научных школ, представлены следующие описания и определения феномена научной школы:

1) «Научная школа – это особый феномен, неидентичный другим научно-социальным объединениям и структурам, таким как дисциплина, направление, организация с фиксированным статусом (кафедра, институт, общество, совет), “незримый колледж” и др., и вместе с тем включенный в сложную подвижную сеть отношений с этими образованиями. <...> Школы не может быть без учителя, без учеников, без предметного содержания совместной деятельности. Это тривиально. Но каждая школа в науке непременно отличается также некоторыми уникальными, одной лишь ей присущими свойствами. Природа науки не терпит редупликации, воспроизведения стандартных продуктов, изобретения изобретенного. Поэтому функция обучения, приобщения к традиции нераздельно соединена в научной школе с поиском новых решений и подхо-

дов – как концептуальных, так и методических. В этом смысле каждая школа уникальна» [1, с. 93–94];

2) «Научная школа – сообщество ученых разных статусов, компетенции и специализации, координирующих под руководством лидера свою исследовательскую деятельность, внесших вклад в реализацию и развитие исследовательской программы и способных активно представлять и защищать цели и результаты программы. Структура и первоначальное содержание программы продуцированы лидером в ответ на проблемную ситуацию, задаваемую логикой развития науки, запросами развития ее категориального строя, поскольку ситуация неразрешима в рамках сложившейся категориальной структуры знания. Это сообщество совместно с лидером усваивает и верифицирует выдвинутые им новые представления и перестраивает категориальную структуру данной предметной области. <...> Это сообщество фиксируется в виде взаимосвязанной группы авторов определенной совокупности публикаций, воспринимаемой или игнорируемой как единое целое его сторонниками или оппонентами» [7, с. 127];

3) «Термин “школа” имеет два основных значения. Школа – это прежде всего воспитательное, образовательное учреждение, дающее учащимся

систематическое обучение и воспитание в соответствии с интересами общества. Кроме того, термин «школа» обозначает наличие определенных направлений в философии, науке, искусстве и литературе. <...> Появление значительной научной идеи – главное для создания научной школы. <...> Значение научных школ очень велико. Развитие науки, обновление знания основываются главным образом на появлении и развитии научных школ, несмотря на возникающие ныне и другие коллективные формы научного творчества, несмотря на индустриализацию самого научного процесса. Научные школы состоят из крупных отрядов работников науки, во главе которых идут отдельные, особо одаренные ученые или их группы. Научные школы прокладывают новые пути в науке» [8, с. 154–155].

Кроме того, свой взгляд на феномен научной школы имеют историки науки. В частности, известный историк физики Ю. А. Храмов считает классической научной школой «неформальное творческое сотрудничество исследователей различных поколений высокой научной квалификации во главе с научным лидером на базе лаборатории или отдела научного института, кафедры вуза в рамках какого-либо научного направления, объединенных единством подходов к решению проблемы, стилем работы и мышления, оригинальностью идей и методов реализации своей научной программы, получившим значительные результаты, завоевавшим авторитет и общественное признание в данной области знания» [9, с. 222].

Однако при рассмотрении научных школ необходимо учитывать не только науковедческие подходы к изучению данного феномена. Из истории известно, что первыми научными школами в Европе были философские школы Платона и Аристотеля. На наш взгляд, именно в области философии накоплен не-

малый опыт изучения научных школ. Вот, например, что пишет о понятии «научная школа» известный российский философ С. А. Лебедев: «Научная школа – коллектив исследователей, удовлетворяющий следующим критериям: 1) наличие научного лидера, конструктора новой исследовательской программы; 2) наличие учеников, последователей, приверженцев созданной лидером научно-исследовательской программы (объединенных либо в формальную научную группу, либо в «невидимый колледж»); 3) воспроизводство нескольких поколений (не менее трех) приверженцев данной программы; 4) эффективность программы, подтвержденная деятельностью ее приверженцев»².

В то же время, если науковеды главным для создания научной школы считают наличие у ее лидера значительной научной идеи, то философы в качестве ключевой характеристики научной школы рассматривают наличие в ней лидера и нескольких поколений его учеников и последователей. Как свидетельствует М. Г. Ярошевский, в обоих «...случаях рассмотрение этого феномена исчерпывалось двумя указанными подходами: школа описывалась по ее вкладу в запас научных идей, и к этому присоединялся портрет главы школы в окружении верных учеников. Между тем школа является особым объектом, который не может быть реконструирован в системе двух указанных координат» [1, с. 7]. Сегодня подходы к изучению научных школ существуют не только в рамках философии и науковедения, но и в рамках многих иных наук (история, социология, филология и др.). К настоящему времени совместными усилиями ученых создан целый ряд классификаций и типологий научных школ, в рамках которых всесторонне раскрывается феномен научной школы.

Классификации и типологии научных школ

Анализ существующих классификаций и типологий научных школ, проведенный российским историком В. Криворученко, показывает, что в этих классификациях и типологиях используются в основном три категории понятия «научная школа»: 1) формальное объединение, научно-образовательная организация различного статуса (университет, кафедра, факультет, научно-исследовательский институт, лаборатория); 2) исследовательский (творческий) коллектив, не обязательно имеющий формальную принадлежность к какому-либо структурному подразделению университета или научно-исследовательского института; 3) направление в науке, объединившее интересы группы исследователей [10, с. 5].

Исследователь О. Грезнёва предлагает классифицировать научные школы по следующим признакам:

- 1) по виду связей между членами научной школы (научное течение, «невидимый колледж», научная группировка);
- 2) статусу научной идеи (экспериментальные и теоретические научные школы);
- 3) широте исследуемой предметной области (узкопрофильные и широкопрофильные научные школы);
- 4) функциональному назначению продуцируемых знаний (фундаментальные и прикладные научные школы);
- 5) форме организации деятельности учеников (научные школы с индивидуальными формами организации научно-исследовательской работы и научные школы с коллективными формами организации научно-исследовательской работы);

²Лебедев С. А. Философия науки : крат. энцикл. (основ. направления, концепции, категории). М. : Академ. проект, 2008. С. 459.

6) характеру связей между поколениями (одноуровневые и многоуровневые научные школы);

7) степени институционализации (неформальные и институционализированные научные школы, кружки);

8) уровню локации (национальные, локальные и личностные научные школы) [11, с. 42–43].

Также В. К. Криворученко отмечает: «Во многих российских вузах, если судить по их официальным сайтам в интернете, под термином “научная школа” чаще подразумевается “научное направление” и только в редких случаях научные школы представлены как научные коллективы с историей их становления, развития и современного состояния. Обычно это коллективы, претендующие на “ведущие научные коллективы” в рамках определенного научного направления. Иначе говоря, реально существует система научное направление – научная школа.

В то же время многие ученые сходятся во мнении, что научная школа – это сообщество исследователей, интегрированных вокруг ученого, интегратора идей, обладающего особыми исследовательскими и, что также важно, человеческими качествами. При таком ученом объединяется группа соратников и учеников, которые разделяют его научные идеи и общие теоретические принципы, методологию исследования. Как правило, все эти исследователи совместно выполняют определенную исследовательскую программу, разработанную данным ученым или возглавляемой им группой ученых. В ходе выполнения научной программы конкретного коллектива идет интенсивный обмен мнениями и результатами. Такой возможности при конкуренции научных школ не существует. Но в самом коллективе (научной школе) эти возможности не только имеются, но и их использование является необходимым. Следовательно, одновременно с решением определенной научной задачи ученые обмениваются научной информацией, повышают свою квалификационную эрудицию.

Важной функцией подобной научной школы является забота о научной смене, о подготовке кандидатов и докторов наук. Ученый-руководитель и его коллеги стремятся сформировать из числа начинающих исследователей (студентов, аспирантов, докторантов) научных, а во многом и мировоззренческих единомышленников» [10, с. 5–6].

Тот факт, что сегодня научная школа выполняет не только исследовательскую функцию, но и другие функции (научно-образовательную, научно-организационную, кумулятивно-знаниевую и др.), стимулировал М. Г. Ярошевского к выделению следующих типов научных школ: 1) научно-образовательной школы; 2) школы – исследовательского коллектива; 3) школы как направления, приобретающего при определенных социально-исторических условиях национальный, а иногда и интернациональный

характер [1, с. 28]. Данная типология научных школ получила дальнейшее развитие в работе российского социолога науки Е. З. Мирской: «Научно-образовательная школа – сплоченный вокруг достаточно известного ученого небольшой коллектив (стажеры, аспиранты, студенты), в котором научные исследования совмещены с обучением...

Исследовательская школа – сравнительно небольшой коллектив ученых, непосредственно сплоченный вокруг лидера и в основном состоящий из его прямых или косвенных учеников разных поколений, разрабатывающих оригинальную научную программу лидера или ее модификации.

Школа-направление отождествляется с множеством ученых, не принадлежащих к одному исследовательскому коллективу, но развивающих сходными методами общую специфическую научную идею. <...> Говоря о школе-направлении, имеют в виду скорее когнитивную структуру идей и полученных результатов, чем социологически идентифицируемое сообщество ученых.

Национальная школа – национальное своеобразие некоторой научной дисциплины или научного направления, сложившееся в результате интеграции вкладов отдельных научных школ разного типа в масштабах национальной науки. О национальной школе обычно говорят при сравнении когнитивной специфики научных дисциплин в разных странах, ограничиваясь при этом какой-либо одной отличительной чертой» [12, с. 247–248].

Российский науковед В. Б. Гасилов кладет в основу предложенной им типологии научных школ понятие «контекст». Он выделяет следующие типы научных школ: 1) школу в контексте обучения; 2) школу в контексте совокупности людей, занятых обучением; 3) школу в контексте системы знания; 4) школу в контексте неинституционализированной совокупности единомышленников; 5) школу в контексте научно-исследовательского сообщества; 6) школу в контексте научно-исследовательской локализации [7, с. 144–148].

Наконец, по свидетельству А. А. Гайкова, «...научные школы традиционно и по сей день определяют по географическому принципу (например, Харьковская школа психологов, возглавляемая Л. Выготским); связывают с именами основателей и лидеров направления, руководителей, возглавляющих школу (например, школа А. Колмогорова – в математике, П. Капицы – в физике, П. Гальперина – в психологии и педагогике, В. Астаховой – в образовании)... Иногда школу определяют по узкому направлению научных исследований (например, школа кристаллографов) и даже по специальности» [13, с. 9].

Отмеченная выше вариативность определений понятия «научная школа», а также выделенных и описанных типов научных школ, на наш взгляд,

затрудняет единообразное понимание феномена научной школы. В частности, даже в рамках одной науки (например, филологии) можно встретить отличающиеся примеры классификации научных школ: 1) классификацию по географическому принципу (московская школа авторской лексикографии, петербургская школа толковой академической лексикографии, минская школа диалектной лексикографии и др.); 2) классификацию по именам основателей научных школ и количеству «защитившихся» под их руководством учеников («Самые большие факультетские научные школы созданы А. Е. Супруном (19 «защитившихся» преподавателей факультета), Л. А. Муриной (17) и П. П. Шубой (14)» (перевод наш. – В. Щ.) [14, с. 16]); 3) классификацию по узкому направлению научных исследований (научная школа П. П. Шубы «Русский язык в ситуации государственного двуязычия»; научная школа А. Е. Супруна «Теория языка и славистика»; научно-методическая школа Л. А. Муриной) [15].

По поводу существующей практики определения границ научных школ по количеству «защитившихся» под руководством того или иного известного ученого кандидатов и докторов наук белорусский философ и социолог академик Е. М. Бабосов сказал: «...в публикациях о Национальной академии

наук Беларуси отмечалось, что существует социологическая школа Бабосова. Сам я к понятию “научная школа” отношусь достаточно скептически. Под моим руководством защищены 64 кандидатские и 18 докторских диссертаций. Было бы опрометчиво и смешно назвать всех авторов диссертаций представителями одной определенной школы. Конечно, школа в науке включает в себя и последователей своего лидера, и тех, кто защитил под его руководством диссертации. Главное, однако, не в этом. Есть немало людей, в том числе докторов наук... которые неоднократно принародно называли меня своим учителем. Для определения границ достаточно неопределенного понятия “школа в науке” важно не то, кого и сколько людей ты назовешь своими учениками, а то, кто тебя сам считает и называет своим учителем» [16, с. 26].

В свете сказанного академиком Е. М. Бабосовым о границах научных школ можно выразить уверенность в том, что количество кандидатов и докторов филологических наук, которые считают профессора А. Е. Супруна своим учителем, намного выше той цифры, которая названа в статье С. А. Важника при характеристике научной школы А. Е. Супруна. Это обстоятельство делает проблему идентификации научных школ весьма актуальной.

Проблема идентификации научных школ (обзор типичных признаков и критериев выделения научных школ)

Российский философ Т. Ю. Павельева в статье «К вопросу об идентификации научных школ» о рассматриваемой проблеме пишет: «Исследование научных школ имеет не только теоретическое значение. С 1995 г. и поныне в нашей стране действует программа поддержки ведущих научных школ России. <...> В этой связи представляется важным раскрытие сущностных признаков научных школ. <...> Если обобщить теоретические наработки разных авторов по исследуемой теме, то можно выделить следующие существенные признаки научной школы как коллектива ученых: наличие лидера (лидеров), способного (способных) к выдвижению принципиально новых идей в науке, обладающего (обладающих) личным и научным авторитетом для всех участников научной школы; играющего (играющих) по крайней мере одну из трех ролей – харизматическую (что характерно для новых школ), морально-организующую (что характерно для развитых школ), административно-управленческую (что характерно для вырождающихся школ, существующих только за счет их институционализации); научная значимость анализируемых проблем; выдвижение лидером (лидерами) научно-исследовательской программы (парадигмы, теории), обладающей новизной; формирование коллектива ученых, под-

держивающих и развивающих идеи лидера; единый методологический строй мышления; коллективное научное творчество, особая форма кооперации научного труда; признание научным сообществом достижений научной школы и авторитета ее лидера (лидеров); формирование научных традиций внутри данного коллектива (речь идет и о научной методологии, и о научном этосе и пр.); участников научной школы объединяют общие ценности, проявляющиеся в мотивации научной деятельности, социально-психологической атмосфере, межличностных отношениях; становление научной школы – не одномоментный акт, для ее формирования необходимо как минимум два, а то и три поколения ученых; наличие отношений координации, неформальные личные контакты (горизонтальные связи) в научной школе преобладают над отношениями формальной субординации (вертикальными связями); главная функция научной школы – исследовательская, однако необходимым условием ее существования и развития является “обучение творчеству”, реализуемое не только основателем (основателями), но и другими учеными школы; научная школа проходит в процессе своего развития определенные стадии; отстаивание своего подхода во внешнем научном сообществе, связанное

с обоснованием его продуктивности и защитой от критики» [17, с. 84–85].

Во многом сходный, хотя и более краткий перечень существенных признаков ведущей научной школы, достаточных для выделения ей государственных бюджетных средств, представлен в статье российского науковеда Н. А. Куперштох о научных школах России и Сибири: «Выделение финансовых средств на поддержку научных школ поставило на повестку дня вопрос о выработке критериев для определения научной школы. При экспертизе представленных на конкурс проектов учитывались такие несомненные признаки научной школы, как общность научных интересов представителей школы и научная значимость рассматриваемых проблем; уровень научных результатов школы и ее признание в стране и за рубежом; роль научного лидера, стабильность и перспективы школы (преемственность научных поколе-

ний, работа с научной молодежью, работа постоянного научного семинара).

Всего в 1996 г. было поддержано 596 научных школ» [18, с. 95–96].

Иными словами, в процессе выполнения государственной программы поддержки ведущих научных школ России, которая реализуется с 1996 г., накоплен значительный опыт в области идентификации научных школ и определения их соответствия установленным требованиям. Однако прежде чем начать изучение российского опыта идентификации научных школ, мы попытаемся путем проведения сравнительного анализа особенностей институционализации самостоятельно выявить ключевые характеристики наиболее известных белорусских школ в области гуманитарных и социальных наук – Минской школы науковедения (МШН) и Минской методологической школы (ММШ).

Сравнительный анализ особенностей институционализации МШН и ММШ

Результаты сравнительного анализа особенностей институционализации МШН и ММШ докладывались на Международной научно-практической конференции «Наука и общество в условиях новых вызовов», организованной Институтом социологии НАН Беларуси в сентябре 2024 г. В указанном докладе делались следующие выводы: «Проведенный нами сравнительный анализ этих двух национальных научных школ (МШН и ММШ) показывает, что соотношение материальной и интеллектуальной составляющих в процессах институционализации указанных минских научных школ на первом этапе их развития было довольно разным. Так, МШН на первом этапе своего развития имела форму научно-образовательной школы и в процессе ее функционирования доминировала материальная составляющая (наличие служебного помещения и штатных ставок для сотрудников сектора науковедения Института физики АН БССР). В процессе же функционирования ММШ на первом этапе ее формирования превалировала интеллектуальная составляющая» [19, с. 298]. Вот что, в частности, писал об этом этапе развития ММШ ее основатель академик В. С. Стёпин: «Все школы возникают тогда, когда появляется человек с повышенным энергетическим зарядом, который, активно занимаясь исследованиями, вырабатывая новые идеи, заряжает этим других. Есть разные психологические типы личности. Есть люди, которые работают преимущественно в одиночку, коммуникацию с другими осуществляют преимущественно через текст, книги. Они редко обсуждают только зародившиеся идеи, пока не доводят их до кондиции...

Я же принадлежал к людям иного психологического склада, которым нужна живая коммуникация

именно в процессе генерации новых идей. Им хочется поделиться тем, что они открыли, но еще не написали. Когда я что-то открывал, это приводило меня в состояние творческого возбуждения, и я делился со своими друзьями – рассказывал им, обсуждал ту или иную тему.

Разумеется, что такого рода активность – это необходимое, но недостаточное условие возникновения школы. Нужно, чтобы тот, кто претендует на лидирующее положение в создающейся школе, генерировал новые идеи и чтобы эти идеи были интересны тем, кому он их адресует. Нужна содержательная работа. Я думаю, что ядро Минской методологической школы складывалось не тогда, когда у меня появились аспиранты и неформальные ученики. Началом Минской методологической школы, если угодно – ее зародышем, были мои дискуссии с физиками белорусской академии наук, а затем и совместная работа. Методологическую концепцию структуры научного знания и его динамики в первом приближении я уже имел. Поскольку она апеллировала к физическому материалу, физикам это было интересно» [20, с. 388].

Таким образом, результаты проведенного нами сравнительного анализа особенностей институционализации МШН и ММШ лишь подтвердили слова М. Г. Ярошевского о том, что «каждая школа уникальна» [1, с. 94]. Отсюда можно сделать вывод о том, что наиболее универсальные, обобщенные характеристики научной школы можно выявить только путем анализа всего массива данных о существующих научных школах. Такой анализ стал возможен после выхода в свет первого выпуска справочника «Ведущие научные школы России», материалы которого «подготовлены

к изданию сотрудниками отдела поддержки научных школ РФФИ А. С. Левиным, И. В. Солныковой, И. А. Малиновской и М. Н. Замысловым с использованием базы данных, разработанной И. В. Земляновым

и А. Е. Павловским»³. Именно в данном справочнике наиболее полно отражен опыт реализации государственной программы поддержки ведущих научных школ России в 1996–1997 гг.

Опыт реализации государственной программы поддержки ведущих научных школ России

Российские ученые И. Г. Дежина и В. В. Киселева отмечают: «...программа поддержки ведущих научных школ была инициирована в 1996 г. постановлением Правительства РФ от 23 мая 1996 г. № 633 “О грантах Президента Российской Федерации для поддержки научных исследований молодых российских ученых – докторов наук и государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации”. Первоначально она представляла собой программу конкурсных грантов, администрируемых РФФИ»; «...начиная с конкурса 2003 г., программа была передана из ведения РФФИ в Министерство науки РФ, где финансирование отобранных научных школ стало осуществляться из двух источников: субвенций на гранты в области науки, культуры, искусства и средств массовой информации и финансовых средств, предусмотренных в рамках ФЦНТП “Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2012 годы”» [21, с. 76, 79].

По итогам начального этапа (1996–1997) реализации государственной программы поддержки ведущих научных школ России был опубликован первый выпуск справочника «Ведущие научные школы России». Позднее «широко издавались объемные справочно-юбилейные издания, посвященные истории и особенностям развития научных школ в отдельных организациях» [22, с. 245], например монографии «Научные школы БГУ в воспоминаниях и размышлениях профессоров» под редакцией С. В. Абламейко и А. И. Зеленкова, «Научные школы Института лингвистических исследований РАН» под редакцией Н. Н. Казанского, энциклопедия «Российские научные школы» и др. Причем если первые два справочно-юбилейных издания о научных школах БГУ и Института лингвистических исследований РАН (ИЛИ РАН) имеют форму коллективных монографий, в которых каждой описываемой научной школе посвящена отдельная глава, то в многотомной энциклопедии, издаваемой уже на протяжении 15 лет Российской академией естествознания, информация о российских научных школах группируется по фамилиям основателей (лидеров). Именно по этой причине в качестве наиболее полного массива данных о российских научных школах нами был избран первый выпуск справочника «Ведущие

научные школы России». Как показал проведенный анализ данного справочника, в нем содержится информация о ведущих научных школах России в области гуманитарных и социальных наук. В первую очередь нас интересовали научные школы в области лексикографии, социологии и философии. Представим информацию из указанного справочника о научных школах в области лексикографии (табл. 1).

Описанные в табл. 1 научные школы, объединяющие большие группы научных сотрудников Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН и других филологических учреждений России, на наш взгляд, вполне можно отнести к школам в области лексикографии, поскольку их представители выполняли крупные словарные проекты (создание интегральных словарей русского и английского языков, изданий «Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий», «Этимологический словарь славянских языков» и «Русский семантический словарь»). Проекты перечисленных выше российских научных школ в области лексикографии полностью соответствовали всем критериям и требованиям, которые предъявлялись на конкурсе ведущих научных школ России, претендующих на поддержку. Напомним еще раз главные признаки научной школы, описанные заведующим отделом поддержки научных школ Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) А. С. Левиным: «...наличие нескольких поколений в связках учитель – ученик, объединяемых общим ярко выраженным лидером, авторитет которого признан научным сообществом; общность научных интересов, определяемых продуктивной программой исследований; в общем единый оригинальный исследовательский подход, отличающийся от других, принятых в данной области; постоянный рост квалификации участников школы и воспитание в процессе проведения исследований самостоятельно и критически мыслящих ученых; постоянное поддержание и расширение интереса (публикациями, семинарами, конференциями) к теоретико-методологическим проблемам данного направления науки» [23, с. 151].

Рассмотрим, какими школами представлены социология и философия в справочнике «Ведущие научные школы России» (табл. 2).

³Ведущие научные школы России... С. 2.

Характеристика российских научных школ в области лексикографии

Table 1

Characteristics of Russian scientific schools in the field of lexicography

Название школы	Лидер	Основатели	Основной состав	Основные направления деятельности
Московская семантическая школа интегрального описания языка и системной лексикографии (Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (ИРЯ РАН), Институт проблем передачи информации РАН имени А. А. Харкевича)	Ю. Д. Апресян, доктор филологических наук, академик РАН, член Международной ассоциации лексикографов (EURALEX), лауреат Гумбольдтовской премии по лингвистике	Ю. Д. Апресян; А. К. Жолковский, кандидат филологических наук; И. А. Мельчук, кандидат филологических наук	О. Ю. Богуславская, кандидат филологических наук; И. М. Богуславский, доктор филологических наук; М. Я. Гловинская, доктор филологических наук и др.	Реконструкция языковой картины мира как основа системной лексикографии; интегральное описание языка и создание интеральных словарей русского и английского языков; разработка формальной модели языка и ее компьютерная реализация в различных системах переработки текстов на естественных языках
Русская языковая личность (ИРЯ РАН, Институт языкознания РАН)	Ю. Н. Караулов, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, лауреат Государственной премии СССР	Ю. Н. Караулов	Е. Ф. Тарасов, доктор филологических наук; Е. А. Цыб, кандидат филологических наук и др.	Изучение структуры языковой личности и ее эволюции с развитием общества; существенные измерения русской языковой личности (от языковой повседневно-культурно-историческому типу); исследование языковой личности художника слова
Славянская этимология (ИРЯ РАН)	О. Н. Трубачев, доктор филологических наук, академик РАН	О. Н. Трубачев	Ж. Ж. Варбот, доктор филологических наук; Л. В. Куркина, доктор филологических наук; А. А. Калашников, кандидат филологических наук и др.	Создание многотомного издания «Этимологический словарь славянских языков»; подготовка и издание периодического сборника «Этимология», объединяющего новейшие оригинальные разработки в области этимологии и смежных дисциплин; исследования в области истории и культуры праславян, включая проблемы прародины и древнейшего этнического окружения; разработка основ издания «Русская энциклопедия»
Структурно-функциональное описание русского языка в аспекте взаимодействия грамматического и лексического строя, грамматической и лексической семантики, законов текста (ИРЯ РАН)	Н. Ю. Шведова, доктор филологических наук, академик РАН, советник РАН, лауреат Государственной премии СССР	В. В. Виноградов, доктор филологических наук, академик АН СССР	Ю. Л. Воротников, доктор филологических наук; член-корреспондент РАН; Е. А. Земская, доктор филологических наук, профессор; М. В. Ляпон, доктор филологических наук и др.	Исследование грамматического строя современного русского языка и его описание; изучение лексикологии и лексикографии, взаимодействия грамматической и лексической семантики русского языка; анализ языковых смыслов и способов их выражения

Примечания: 1. Составлено на основе данных издания «Ведущие научные школы России» (Ведущие научные школы России : справочник / Совет по грантам Президента Рос. Федерации для поддержки науч. исслед. молодых рос. ученых – д-ров наук и гос. поддержке ведущих науч. школ Рос. Федерации. М. : Янус-К, 1998. Вып. 1. С. 548, 557, 568, 570). 2. Напомним, что именно представителями научной школы «Русская языковая личность» подготовлено многотомное издание «Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий» (2001–2021).

Таблица 2

Характеристика российских научных школ в области социологии и философии

Table 2

Characteristics of Russian scientific schools in the field of sociology and philosophy

Название школы	Лидер	Основатели	Основной состав	Основные направления деятельности
<i>Научные школы в области социологии</i>				
Социология жизненных сил человека (Алтайский государственный университет)	С. И. Григорьев, доктор социальных наук, член-корреспондент РАН, а также пяти международных и одной иностранной академии наук	С. И. Григорьев	Ю. Е. Растов, доктор социологических наук; Л. Г. Гуслякова, доктор социологических наук; А. В. Тимошенко, кандидат социологических наук; С. Г. Максимова, кандидат социологических наук; А. П. Супрун, кандидат психологических наук; С. В. Кинелев, кандидат филологических наук; А. М. Сергиенко, кандидат социологических наук; Л. В. Родионова, кандидат социологических наук и др.	Исследование роли концепции жизненных сил человека в структуре социологического знания; рассмотрение роли концепции жизненных сил человека в междисциплинарном контексте
Социальная безопасность личности и общества (Уфимский институт науки и технологий)	Г. А. Кабакович, доктор социальных наук, академик Международной академии информации (МАИ)	Г. А. Кабакович	В. Д. Голиков, академик МАИ; С. М. Фильков, кандидат педагогических наук; Ю. Г. Спицын, кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ и др.	Исследование места личности в демократическом обществе; анализ и разработка теории и методологии комплексного изучения интеграции кадрового потенциала институтов образования в условиях ВС; рассмотрение роли и места высшей гражданской школы в формировании кадрового потенциала для различных силовых структур и ведомств
<i>Научная школа в области философии</i>				
Философия и методология системных исследований (Институт системного анализа РАН)	В. Н. Садовский, доктор философских наук, член Международной академии информационных процессов и технологий	И. В. Блауберг, доктор философских наук; Э. Г. Юдин, кандидат филологических наук; В. Н. Садовский	В. Н. Костюк, доктор философских наук; Э. М. Мирский, доктор философских наук; Н. Ф. Наумова, кандидат филологических наук; Г. А. Смирнов, кандидат филологических наук; В. В. Келле, кандидат филологических наук; П. В. Васильев, кандидат филологических наук; М. В. Молоканов, кандидат психологических наук и др.	Сравнительный анализ современного состояния системных исследований и разработка унифицированных представлений о теории, философии и методологии системного подхода и системного анализа; разработка представлений о системе коммуникации с использованием традиционных и электронных средств (телеконференция, электронный журнал и др.); теоретическая разработка концепции рецидивирующей модернизации общества как особого состояния социальной системы в условиях возможных глобальных кризисов

Примечание. Составлено на основе данных издания «Ведущие научные школы России» (Ведущие научные школы России : справочник / Совет по грантам Президента Российской Федерации для поддержки науч. исслед. молодых рос. ученых – д-ров наук и гос. поддержке ведущих науч. школ Рос. Федерации. М. : Янус-К, 1998. Вып. 1. С. 554, 556, 567).

Кроме приведенных выше сведений из справочника «Ведущие научные школы России», в нашем исследовании использовались и иные работы о научных школах России, дополняющие традиционный образ научной школы. Так, в работе российского филолога М. Н. Приемышевой о петербургской школе академической лексикографии была описана институтская лексикографическая традиция как основа и отличительная особенность указанной школы: «...лексикографическая традиция в ИЛИ РАН, безусловно, может быть охарактеризована как научная школа фундаментальной академической лексикографии. Научная составляющая лексикографической традиции института формировалась под влиянием и с учетом лексикографического опыта таких крупнейших филологов, как А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, Я. К. Грот, А. А. Шахматов и др. Теоретическую базу практической академической лексикографии XX в. заложил в 1930-е гг. один из сотрудников института – Л. В. Щерба.

Отличительными особенностями именно петербургской школы академической лексикографии, сложившимися исторически, стали фундаментальность объекта словарного описания, его масштабность, используемые подходы и методы, а главное – сложившийся и постоянно пополняющийся коллектив профессиональных лексикографов» [24, с. 72–73].

Совсем иными отличительными особенностями характеризуется развитие научных школ в области естественных и технических наук: «В молекулярной биологии вместо локальных школ сформировалась глобального типа суперструктура, созданная развитием информации, обменом учеными и покоряющей силой идей. Вероятно, возникновение школ было невозможным – слишком быстро развивались события, возникали научные центры, разбросанные по всему земному шару, появлялись новые фигуры.

В будущем, когда исчерпается наступательный порыв, в молекулярной биологии, может быть, возникнут школы. Но какова будет их функция? Хранение традиций? Но они не возникнут в столь быстро развивающейся области знания, да и зачем их беречь? Эти школы скорее будут проявлением упадка, чем формой развития» [25, с. 504].

Российский науковед А. И. Ракитов подобное отношение отдельных естествоиспытателей к научным традициям комментирует следующим образом: «...многие современные науки развиваются в форме перманентной революции или серии

микрореволюций, когда инновации превращаются почти в сплошной поток, но при этом сами парадигматические структуры исчезают или становятся неустойчивыми» [26, с. 131]. В свою очередь, российский филолог И. Э. Клюканов высказал о научных революциях такое мнение: «Действительно, можно каждое очередное исследование объявлять революционным, но в этом вряд ли есть смысл, если при этом не возникают некие устойчивые парадигматические структуры как образцы познания, которые могут быть использованы в дальнейшей (нормальной) исследовательской деятельности. Подобные устойчивые структуры должны именно возникать, т. е. образовываться в процессе деятельности, которая носит эволюционный характер» [27, с. 12–13]. По поводу такого эволюционного развития науки академик РАН Ю. С. Степанов в свое время заметил: «Эволюция мерит свое время крупно – периодами, эпохами, у нее спокойная величественная поступь... У истории другой, более дробный и частый ритм, у истории нервная поступь; современные (неглубокие) “историки истории” меряют ее бесконечными “переворотами” и “революциями”, между которыми они оставляют место для “парадигм”.

Эволюция ведет к великой цели, не к очередной “революции”, а к какой-то “удаче эволюции”» [28, с. 49].

По мнению российского философа И. Т. Касавина, к числу таких «эволюционных удач» можно отнести и формирование научной традиции, которая «...представляет собой способ аккумуляции и трансляции коллективного опыта человеческой деятельности, выраженного в социальных стереотипах. Это значит, что в ней запечатлены схемы, нормы и идеалы опредмеченного труда. Но, с другой стороны, традиция является формой неявного знания, т. е. знания, которое существует только в процессе непосредственного общения между людьми, а также формой самоуправления человеческой деятельностью» [29, с. 52–53]. Как считает сотрудник ИРЯ РАН А. Я. Шайкевич, в области лексикографии такая научная традиция «есть продукт собственного развития лексикографической деятельности как особого вида деятельности вообще, обусловленный не только самим языком, которому посвящена данная лексикография, но и какими-то филологическими традициями, например обычаем давать определения в словаре» [30, с. 227].

Применение критериев выделения научных школ для идентификации белорусских научных школ в области гуманитарных и социальных наук

Использование критериев выделения научных школ, разработанных усилиями сотрудников РФФИ и ИЛИ РАН, позволяет идентифицировать белорус-

ские научные школы в области гуманитарных и социальных наук. Рассмотрим белорусские научные школы в области лексикографии (табл. 3).

Характеристика белорусских научных школ в области лексикографии

Table 3

Characteristics of Belarusian scientific schools in the field of lexicography

Название школы	Лидер	Основатели	Основной состав	Основные направления деятельности
Минская школа диалектной лексикографии (Институт языкознания имени Якуба Коласа НАН Беларуси (далее – ИЯ НАНБ))	Ю. Ф. Мацкевич, доктор филологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии Республики Беларусь	Ю. Ф. Мацкевич	Ф. Д. Климчук, кандидат филологических наук; А. А. Кривицкий, кандидат филологических наук; В. М. Курцова, кандидат филологических наук; П. А. Михайлов, кандидат филологических наук; Е. М. Романович, кандидат филологических наук; Е. И. Чеберук, кандидат филологических наук; И. Я. Яшкін, кандидат филологических наук и др.	Разработка и издание разных типов диалектологических атласов и диалектных словарей белорусского языка
Минская школа исторической лексикографии (ИЯ НАНБ)	А. И. Журавский, доктор филологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, лауреат Государственной премии Республики Беларусь	А. И. Журавский	В. В. Аниченко, доктор филологических наук; А. Н. Булыко, доктор филологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси; А. П. Груццо, доктор филологических наук; А. Н. Руденко, доктор филологических наук; Е. И. Янович, доктор филологических наук; И. В. Будько, кандидат филологических наук; П. В. Верхов, кандидат филологических наук; Э. В. Ермоленко, кандидат филологических наук; И. В. Коптюг, кандидат филологических наук; И. И. Кремко, кандидат филологических наук; Н. В. Полешук, кандидат филологических наук; Л. И. Рабоданова, кандидат филологических наук; С. Е. Рапацевич, кандидат филологических наук; В. М. Свейнский, кандидат филологических наук; Г. К. Циванова, кандидат филологических наук; И. В. Шадурский, кандидат филологических наук; Е. К. Юревич, кандидат филологических наук и др.	Разработка и издание разных типов исторических словарей белорусского языка
Минская школа этимологической лексикографии (ИЯ НАНБ)	В. В. Мартынов, доктор филологических наук, профессор	В. В. Мартынов	А. Е. Михневич, доктор филологических наук; А. Е. Супрун, доктор филологических наук; Г. А. Цыхун, доктор филологических наук; Н. П. Антропов, кандидат филологических наук; В. Л. Веренич, кандидат филологических наук; Р. В. Кравчук, кандидат филологических наук; И. И. Лучиц-Федорен, кандидат филологических наук; Р. Н. Малько, кандидат филологических наук; Е. В. Волкова, кандидат филологических наук; В. Д. Лабко и др.	Проведение славистических исследований; разработка и издание этимологического словаря белорусского языка
Гомельская школа авторской лексикографии (Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины)	В. В. Аниченко, доктор филологических наук, профессор, лауреат Государственной премии БССР	В. В. Аниченко	О. А. Лещинская, доктор филологических наук; А. А. Станкевич, доктор филологических наук; В. А. Бобрик, кандидат филологических наук; З. В. Шведова, кандидат филологических наук; Л. М. Минакова, кандидат филологических наук; преподаватели В. А. Киселёва, С. Д. Лин, А. А. Паруков, З. А. Рудаковская, Л. М. Юрченко, Л. Р. Яковлева; студенты Н. А. Богомольникова, М. М. Воинов, В. И. Гаркуша, С. А. Закавращ, Н. М. Иванешко, А. Л. Матюшкина, А. П. Назаренко, В. Н. Рак, Р. В. Сериков, В. А. Скачкова, С. М. Струкова, И. В. Шаройкина, В. И. Янухно и др.	Разработка и издание разных типов авторских словарей

Примечание. Составлено на основе данных изданий [14; 15; 31–33], а также данных следующего словаря: Гістарычны слоўнік беларускай мовы : інфарм.-давед. вып. / Адк. рэд. Н. В. Паляшчук. Мінск : Беларус. навука, 2022. 273, [1] с.

Также ряд белорусских научных школ сложились и успешно работают в области социологической науки. В частности, заведующий кафедрой социологии БГУ член-корреспондент НАН Беларуси А. Н. Данилов относит белорусскую социологическую школу к типу национальных школ, в основе которой лежат «опыт и научные разработки предшествующих поколений ученых, стоящих у истоков создания социологии, ее лидеров Г. П. Давидюка и Е. М. Бабосова» [34, с. 215]. Он отмечает: «Большую роль в развитии белорусской социологической школы, социологического образования играют наши ведущие, активно работающие ученые Е. М. Бабосов, С. А. Шавель, Д. Г. Ротман, С. В. Лапина, А. И. Левко, Г. М. Евелькин, А. В. Рубанов, Л. Г. Титаренко, Д. К. Безнюк, В. В. Кириенко, Е. А. Кечина, Е. Е. Кечко, О. В. Кобяк, В. А. Клименко, Н. Е. Лихачев, В. А. Симхович и др.» [34, с. 215]. Напомним, что под национальной школой в статье Е. З. Мирской понималось «национальное своеобразие некоторой научной дисциплины или научного направления, сложившееся в результате интеграции вкладов отдельных научных школ разного типа в масштабах национальной науки» [12, с. 248].

Руководитель белорусской академической науки академик В. Г. Гусаков, в свою очередь, очень высоко оценивает деятельность научных школ, сложившихся в Институте социологии НАН Беларуси за 30 лет его работы: «Именно в стенах института были заложены основные исследовательские направления и научные школы, которые сегодня составляют ядро белорусской социологии. Это известная школа по анализу социальных конфликтов и катастроф академика Е. М. Бабосова, школа экономической социологии и социологии труда профессора Г. Н. Соколовой, школа в области науковедения и социологии науки, основанная профессором Г. А. Несветайловым, школа теории и методологии социологических исследований и социологии социальной сферы профессора С. А. Шавеля» [35, с. 3].

Большую известность в разных странах мира получила минская школа в области философии и методологии науки, сложившаяся на базе БГУ (ММШ). Вот как описывает историю создания данной школы один из ее представителей профессор А. И. Зеленков: «В 1981 г. заведующим кафедрой философии гуманитарных факультетов стал доктор философских наук, профессор Вячеслав Семенович Стёпин. Под его руководством коллектив кафедры добился значительных успехов как в педагогической деятельности, так и в развитии научных исследований. В этот период на системной профессиональной основе была развернута подготовка студентов

и аспирантов в области философии, успешно заявили о себе исследовательские коллективы и научные школы. Особое место среди них заняла минская школа в области философии и методологии науки, творческие достижения которой стали широко известны не только в Беларуси, но и во многих других странах мира. Создание данной школы, ее позиционирование как самобытного творческого коллектива связаны с именем академика РАН В. С. Стёпина, поэтому даже самая общая информация об истоках формирования и основных достижениях этого исследовательского коллектива предполагает реконструкцию важнейших результатов, полученных им в развитии философско-методологического знания» [36, с. 172–173]; «Однако какие бы проблемы ни исследовались в рамках минской философско-методологической школы, всегда ощущается влияние тех ценностных приоритетов и мировоззренческих ориентаций, на основе которых школа была сформирована и консолидирована как особое научное сообщество и творческий коллектив. Важнейшими из этих ориентаций были и остаются верность профессиональному долгу, рациональность мысли и методологическая аналитика» [36, с. 182].

Как можно видеть из приведенных выше сведений о белорусских научных школах в области лексикографии, социологии и философии, параметры данных школ строго соответствуют всем требованиям, предъявляемым к ведущим научным школам России. В частности, для каждой из перечисленных выше научных школ Беларуси в области гуманитарных и социальных наук можно указать следующие данные:

1) основателя школы (ее научного лидера). Как правило, это известный в научном мире ученый, отмеченный академическими и иными научными званиями (академик, член-корреспондент, профессор и т. д.), а также престижными научными премиями;

2) основной состав школы (как минимум три поколения учеников основателя школы и его последователей (доктора наук, кандидаты наук, научная молодежь, не имеющая научных степеней));

3) основные направления деятельности школы. Как правило, к ним относятся реализация крупного научного проекта по разработке и изданию много-томного словаря или энциклопедии, многолетнему проведению социологического мониторинга социально-экономической ситуации в стране, подготовка и издание комплекса инновационных философско-методологических монографий и учебников;

4) основные достижения школы (много-томные словари, монографии и учебники), признанные мировой научной общественностью.

Заключение

Исследование феномена научной школы на материале российской и белорусской научной литературы в области лексикографии, науковедения, социологии и философии позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, наиболее общими критериями идентификации научных школ в области указанных выше наук являются наличие в школе научного лидера, обладающего собственной научно-исследовательской

программой; наличие в основном составе школы трех поколений учеников научного лидера и его последователей (доктора наук, кандидаты наук и научная молодежь, не имеющая научных степеней); международное признание достижений научной школы.

Во-вторых, научные школы в области лексикографии, помимо указанных критериев, имеют в качестве отличительной особенности опору на интеллектуальные научные традиции (продолжительность работы по составлению словарных картотек, масштабность (многообразие) реализуемых словарных

проектов, сформированность и постоянная пополняемость больших коллективов профессиональных лексикографов).

В-третьих, практическая идентификация белорусских научных школ в области лексикографии, социологии и философии, проведенная на основе критериев, разработанных усилиями сотрудников РФФИ и ИЛИ РАН, свидетельствует о типологической близости российских и белорусских научных школ, обусловленной их многолетним взаимодействием в рамках единых государственных образований (СССР, Союзное государство и др.).

Библиографические ссылки

1. Ярошевский МГ. Логика развития науки и научная школа. В: Микулинский СР, редактор. *Школы в науке*. Москва: Наука; 1977. с. 7–97. EDN: UYQSGF.
2. Ивашкевич ОА, Дик ТА. Научные школы Белорусского государственного университета – национальное достояние Республики Беларусь. *Вышэйшая школа*. 2011;5:14–16.
3. Лукашенко АГ. Стратегия будущего. *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук*. 2007; спецвыпуск:3–27.
4. Герстнер Г. *Братья Гримм*. Шеншин Е, переводчик. Москва: Молодая гвардия; 1980. 271 с. (Жизнь замечательных людей).
5. Murray JAH, Bradley H, Craigie WA, Onions ST, editors. *The Oxford English dictionary. Volume 1, A – Bazouki*. Oxford: Clarendon Press; 2004. The history of the Oxford English dictionary; p. XXXV–LXI.
6. Топоров ВН. К выходу в свет большого «Словаря литовского языка». В: Иванов ВВ, редактор. *Балто-славянские исследования. Том 16*. Москва: Индрик; 2004. с. 408–415.
7. Гасилов ВВ. Научная школа – феномен и исследовательская программа науковедения. В: Микулинский СР, редактор. *Школы в науке*. Москва: Наука; 1977. с. 119–153.
8. Дубинин НП. Научная школа. В: Микулинский СР, редактор. *Школы в науке*. Москва: Наука; 1977. с. 153–155.
9. Храмов ЮА. Научные школы как форма интеграции науки и образования. В: Патон БЕ, Садовничий ВА, научные руководители. *Интеграция науки и образования – ключевой фактор построения общества, основанного на знаниях. Материалы Международного симпозиума; 25–27 октября 2007 г.; Киев, Украина*. Киев: Феникс; 2008. с. 222–224.
10. Криворученко ВК. Научные школы. *Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»*. 2011;2:1–27. EDN: PPEIRZ.
11. Грезнёва О. Научные школы: принципы классификации. *Высшее образование*. 2004;5:42–48. EDN: HGOIZN.
12. Мирская ЕЗ. Научные школы: история, проблемы и перспективы. В: Аллахвердян АГ, Семенова НН, Юревич АВ, редакторы. *Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки*. Москва: Логос; 2005. с. 244–265. EDN: RZNDER.
13. Гайков АА. Закономерности становления и принципы функционирования научных школ. В: Астахова ВИ, Астахова ЕВ, редакторы. *Научные школы: проблемы теории и практики*. Харьков: Народная украинская академия; 2005. с. 5–18.
14. Важнік СА. На плячах гігантаў: да пытання аб вылучэнні навуковых школ на філалагічным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2024;3:5–19. EDN: YZDAZS.
15. Бельский АИ, Ровдо ИС, Козловская ЛА, Проскалович ОВ, Пригодич НГ. Научные школы филологического факультета. В: Абламейко СВ, Зеленков АИ, редакторы. *Научные школы БГУ в воспоминаниях и размышлениях профессоров*. Минск: БГУ; 2023. с. 229–250.
16. Резник ЮМ. Профессиональное кредо (материалы интервью с академиком Е. М. Бабосовым). В: Данилов АН, Ахремчик РВ, Водопоьянов ПА, Груша АИ, Лазаревич АА, Русецкая ВИ, составители. *Евгений Михайлович Бабосов: к 85-летию со дня рождения*. Минск: Беларуская навука; 2016. с. 22–34. (Биобиблиография ученых Беларуси).
17. Павельева ТЮ. К вопросу об идентификации научных школ. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2011;4:83–90. EDN: OQOWSZ.
18. Куперштох НА. Научные школы России и Сибири: проблемы изучения. *Философия науки*. 2005;2:93–106. EDN: HVPMSL.
19. Щербин ВК. Особенности институционализации Минской школы науковедения. В: Мысливец НЛ, редактор. *Наука и общество в условиях новых вызовов. Материалы Международной научно-практической конференции; 26–27 сентября 2024 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Альфа-книга; 2024. с. 296–302. EDN: ICIOAP.
20. Стёпин ВС. Важно, чтобы работа не прекращалась... Интервью с академиком В. С. Стёпиным ведет И. Т. Касавин. В: Данилов АН, редактор. *Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию В. С. Стёпина*. Минск: БГУ; 2014. с. 379–438.
21. Дежина ИГ, Киселева ВВ. *Тенденции развития научных школ в современной России*. Москва: Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара; 2009. 164 с. EDN: PWOQUR.
22. Егерев ДС, Егерев СВ, Ладный АО, Захарова СА, Поликарпова НВ. Ведущие научные школы: опыт 1996–2008 годов. *Наука. Инновации. Образование*. 2009;4(1):241–264. EDN: RMYGQT.
23. Левин АС. Итоги семилетнего функционирования программы поддержки ведущих научных школ и туманные перспективы ее дальнейшего существования. В: Акуличев ВА, редактор. *Акустика неоднородных сред. Сборник трудов семинара научной школы профессора С. А. Рыбака*. Москва: Российское акустическое общество; 2002. с. 151.

24. Приемышева МН, Мызников СА, Малышева ИА, Калиновская ВН. Петербургская школа академической лексикографии. В: Казанский НН, редактор. *Научные школы Института лингвистических исследований РАН*. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН; 2024. с. 11–76. EDN: GNOVMG.
25. Баев АА. О научных школах. В: Микулинский СР, редактор. *Школы в науке*. Москва: Наука; 1977. с. 503–504.
26. Ракитов АИ. Наука и науковедение XXI века. *Вестник Российской академии наук*. 2003;73(2):128–138. EDN: ONARMN.
27. Клюканов ИЭ. *Сообщение и забытие*. Москва: Центр гуманитарных инициатив; 2018. 288 с.
28. Степанов ЮС. *Протей: очерки хаотической эволюции*. Москва: Языки славянской культуры; 2004. 264 с. (Язык. Семиотика. Культура).
29. Касавин ИТ. Традиции познания и познание традиций (О некоторых социальных механизмах познавательной деятельности). *Вопросы философии*. 1985;11:51–60.
30. Шайкевич АЯ. Выступление во время дискуссии о Машинном фонде русского языка. В: Караулов ЮН, редактор. *Машинный фонд русского языка: идеи и суждения*. Москва: Наука; 1986. с. 227–230.
31. Кожина АА. О научной школе профессора А. Е. Супруна. В: Шевченко ГИ, редактор. *Память и слава. К 75-летию со дня рождения А. Е. Супруна*. Минск: БГУ; 2003. с. 43–46.
32. Лукашанец АА. Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. У: Каваленя АА, рэдактар. *Аддзяленне гуманітарных навук і мастацтваў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (да 75-годдзя з дня заснавання)*. Мінск: Беларуская навука; 2011. с. 147–177.
33. Щербин ВК. Белорусская лексикографическая традиция: история и современность. В: Чернышева МИ, редактор. *Славянская лексикография*. Москва: Азбуковник; 2013. с. 21–61. EDN: QAGMJR.
34. Данилов АН. Белорусская социологическая школа: истоки и проблемы развития. В: Абламейко СВ, Зеленков АИ, редакторы. *Научные школы БГУ в воспоминаниях и размышлениях профессоров*. Минск: БГУ; 2023. с. 205–215.
35. Гусаков ВГ. Поздравление председателя Президиума Национальной академии наук Беларуси академика Владимира Григорьевича Гусакова. В: Безнюк ДК, Кудревич МА, редакторы. *Традиции и перспективы развития белорусской социологии: к 30-летию Института социологии НАН Беларуси. Материалы Международной научно-практической конференции; 5–6 ноября 2020 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Медисонт; 2020. с. 3.
36. Зеленков АИ. Философия в Белорусском государственном университете: от истоков до столетнего юбилея. В: Абламейко СВ, Зеленков АИ, редакторы. *Научные школы БГУ в воспоминаниях и размышлениях профессоров*. Минск: БГУ; 2023. с. 170–184.

Статья поступила в редколлегия 08.09.2025.
Received by editorial board 08.09.2025.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 316.4

КОРПОРАТИВНАЯ ЭТИКА КАК СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ

М. А. ЩЁТКИНА¹⁾, О. А. ЛАБЕЙКО¹⁾, Н. М. ЮРАШЕВИЧ¹⁾

¹⁾Научно-исследовательский институт теории и практики государственного управления
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Раскрывается содержательный аспект, систематизируются общие и частные принципы, описываются функции корпоративной этики (управление поведением работников, создание положительного имиджа и социальной ответственности организации, самоорганизация профессионального сообщества, развитие корпоративной культуры). Корпоративная этика рассматривается не только как кадровая технология организации, но и как эффективный инструмент реализации государственной кадровой политики. Обосновываются новая функция корпоративной этики (развитие кадрового потенциала), необходимость использования принципов гражданственности и патриотизма в качестве ориентиров регулирования корпоративного поведения работников. На основе функционального подхода дается новое определение понятию «корпоративная этика организации».

Ключевые слова: корпоративная этика; моральные принципы и нормы; функциональный подход; кадровая политика; кадровый потенциал; гражданственность; патриотизм.

Образец цитирования:

Щёткина МА, Лабейко ОА, Юрашевич НМ. Корпоративная этика как современный инструмент реализации государственной кадровой политики. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2025;4:62–67. EDN: KKCLAW

For citation:

Shchetkina MA, Labeyko OA, Yurashevich NM. Corporate ethics as a modern instrument for the implementation of state personnel policy. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2025;4:62–67. Russian. EDN: KKCLAW

Авторы:

Марианна Акиндиновна Щёткина – кандидат социологических наук, доцент; директор.

Ольга Анатольевна Лабейко – кандидат экономических наук, доцент; ведущий научный сотрудник Центра исследований государственного управления и общественного развития.

Надежда Михайловна Юрашевич – кандидат юридических наук, доцент; заместитель директора.

Authors:

Marianna A. Shchetkina, PhD (sociology), docent; director. niitpgu@pac.by

Olga A. Labeyko, PhD (economics), docent; leading researcher at the Center for public administration and social development research.

labeyko_oa@pac.by

Nadezhda M. Yurashevich, PhD (law), docent; deputy director.

yurashevich_nm@pac.by

CORPORATE ETHICS AS A MODERN INSTRUMENT FOR THE IMPLEMENTATION OF STATE PERSONNEL POLICY

M. A. SHCHETKINA^a, O. A. LABEYKO^a, N. M. YURASHEVICH^a

^aResearch Institute of Theory and Practice of Public Administration,
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
17 Maskowskaja Street, Minsk 220007, Belarus

Corresponding author: O. A. Labeyko (labeyko_oa@pac.by)

Abstract. The article reveals the substantive aspect, systematises general and specific principles, describes the functions (managing employee behaviour, creating a positive image and social responsibility of the organisation, self-organisation of the professional community, developing corporate culture) of corporate ethics. Corporate ethics is considered not only as a personnel technology of the organisation, but as an effective tool for implementing the state personnel policy. A new function of corporate ethics for the development of human resources, the need to use the principle of citizenship and the principle of patriotism as guidelines for regulating the corporate behaviour of employees are substantiated. Based on the functional approach, a new definition of the concept of «corporate ethics of an organisation» is given.

Keywords: corporate ethics; moral principles and norms; functional approach; personnel policy; personnel potential; citizenship; patriotism.

Сегодня как никогда развитие общественных отношений в Беларуси находится под влиянием глобальных вызовов и угроз. Изменение баланса сил и перегруппировка сфер влияния в мировой экономике обуславливают разрушение прежних и выстраивание новых основ политического, экономического, научно-технического сотрудничества между странами. Обеспечить конкурентоспособность и устойчивое развитие государства будет возможно только с помощью искусственного интеллекта, цифровых платформ, робототехники и других технологий. В долгосрочной перспективе существует необходимость построения интеллектуальной экономики. В то же время глобальные тенденции естественной убыли и старения населения, которые не обошли стороной и Беларусь, сужают возможности эффективного использования трудовых ресурсов. Соответственно, в современных условиях актуальными и важными задачами для государства являются развитие и укрепление кадрового потенциала, обеспечение кадровой безопасности.

В соответствии Концепцией государственной кадровой политики Республики Беларусь развитию кадрового потенциала уделяется много внимания как на республиканском, так и на региональном уровнях. Среди приоритетных направлений государственной кадровой политики выделены формирование и укрепление корпоративной культуры на основе разработки правил корпоративной этики, содержащих в том числе механизмы повышения уровня гражданственности и патриотизма работников. Указанное обстоятельство определяет необходимость научного осмысления современного содержания, принципов и функций корпоративной этики.

Корпоративная этика возникла в 1970-е гг. в качестве одной из форм реализации нового подхода к управлению крупными организациями (корпора-

циями) США, определяемого как культурный менеджмент. Наряду с рациональным построением производственного процесса, организационной структуры, системы финансов появилась острая необходимость использовать новые способы регулирования трудовых отношений. В корпорациях трудовые отношения выстроены вертикально в строгой иерархии и подчинены жесткому внутреннему порядку, в них осуществляется четкое распределение функций и правил поведения. Полномочия, ответственность и отчетность сотрудников регламентируются в нормативных документах [1, с. 425]. Именно в таких организациях начала развиваться корпоративная этика – безличное управление трудовым поведением со своей инфраструктурой, нормами, правилами и кодексами. Данный инструмент обеспечил организацию поведения большого количества работников в едином русле, поспособствовал формированию крепкого коллектива с общими целями и задачами.

В современной научной литературе проблемное поле исследований корпоративной этики достаточно широко. Ученые исследуют роль и место корпоративной этики в системе управления организационными структурами [2; 3], определяют содержание этого понятия [4; 5]. Особое место в научных публикациях занимает функциональное использование корпоративной этики в деятельности организаций [6–9]. Т. И. Пороховская считает, что «корпоративная этика – это не только этика кооперации, дисциплины, но и механизм самоорганизации корпоративного сообщества на основе общих моральных ценностей» [10, с. 34]. Через роль нравственного потенциала в решении моральных проблем трудового коллектива, внедрение общих моральных принципов в систему ценностей организации, принятие на себя моральных и социальных обязательств перед обществом указанный автор обосновывает способы

достижения целостности организации как сложной социальной системы.

По мнению И. В. Долговой, корпоративная этика выступает не только условием объединения людей в трудовой коллектив для достижения цели организации, но и способом достижения этой цели. На основе стремления к общей цели осуществляется объединение участников производственного процесса в один социальный организм. Вышеупомнутый автор определяет корпоративную этику как систему «ценностей, традиций, убеждений, норм поведения сотрудников, регулирующих этические отношения в данной организации» [11, с. 37]. Корпоративная этика в стратегии управления используется для роста производительности труда и повышения конкурентных преимуществ организации во внешней среде.

В научных исследованиях О. С. Евченко указывается на узкое и широкое толкование корпоративной этики. В узком значении это понятие используется для обозначения инструмента формирования организационной культуры и интеграции в нее работников в целях их мотивации к высокопроизводительному труду, что делает организацию более эффективной и конкурентоспособной. В широком смысле корпоративная этика – это «система универсальных и специфических нравственных требований и норм поведения, реализуемых в процессе функционирования корпоративных структур» [1, с. 426].

Содержательно представленные трактовки понятия «корпоративная этика» в целом не противоречат друг другу. В данном случае лексема «корпоративная» значит характерная для корпорации, свойственная данной корпорации, а слово «этика» описывает совокупность норм поведения, мораль какой-либо общественной группы. Методологическая основа исследования рассматриваемого понятия состоит из двух компонентов: 1) выявления принципов и норм, регулирующих корпоративное поведение; 2) определения задач и функций корпоративной этики. Для описания современных сущностных признаков понятия «корпоративная этика» обратимся к этическим принципам и нормам деловых отношений, выделенным в научной литературе [12, с. 183]. В настоящем исследовании под принципами корпоративной этики понимаются выработанные социумом общие моральные требования, задающие направления и определяющие границы поведения в профессиональной среде. В современных научных изысканиях принципы корпоративной этики разделены на общие (базовые) и частные принципы.

Общие (базовые) принципы корпоративной этики выступают основными ориентирами деятельности всего профессионального сообщества. К их числу относят принципы общественного служения, законности, гуманизма, справедливости, добросо-

вестности, беспристрастности и объективности, ответственности, профессионализма и компетентности, социальной ответственности. Соблюдение базовых принципов корпоративной этики помогает работникам получать высокие результаты в профессиональной деятельности, выстраивать отношения в трудовом коллективе для эффективного решения задач и достижения целей организации. К частным принципам корпоративной этики ученые относят целесообразность, лояльность, сохранение профессиональной тайны, клиентоориентированность, сочетание единоначалия и коллегиальности. Таким образом, эти принципы отражают особенности профессиональной среды и ее требования к работникам, а также специфические профессиональные моральные требования.

Сущностные признаки корпоративной этики составляют нормы профессионального поведения, которые представляют собой конкретные поступки человека определенной профессии, которые он должен (или не должен) совершать. К нормам профессионального поведения относятся честное исполнение своего долга, неразглашение коммерческой и иной тайны, поддержание уровня квалификации, неиспользование служебного положения в корыстных целях, а также вежливость, бережливость, инициативность, дисциплинированность, исполнительность, тактичность, чуткость, скромность, лояльность и др.

Приведенные принципы и нормы конкретизируются в функциях корпоративной этики. К настоящему времени в научной литературе выделены функции корпоративной этики по управлению трудовым поведением работников, созданию положительного имиджа и поддержанию социальной ответственности организации, самоорганизации профессионального сообщества, развитию корпоративной культуры.

Управленческая функция корпоративной этики состоит в определении правил поведения и организации коммуникации между работниками всех уровней управления в различных, в том числе сложных и нестандартных, ситуациях. Правила корпоративного поведения включают моральные требования к поведению работников при выполнении трудовых функций, регламентацию взаимодействия работников внутри трудового коллектива, определение порядка коммуникации со средствами массовой информации, а также порядка общения в социальных сетях. Этические нормы помогают работникам осознать свою принадлежность к профессии, почувствовать себя частью единой команды, обеспечивающей реализацию общих целей, что способствует повышению у работников самооценки и уверенности в себе, возникновению чувства гордости за выполненную работу. С развитием технологий, ростом конкуренции, повышением требований потребителей, увеличением рисков в экономической среде корпоративная

этика стала содействовать получению прибыли крупными организациями, поскольку, во-первых, хорошая этическая репутация является достаточно привлекательной для инвесторов и партнеров, во-вторых, ведение социально ответственной деятельности и исполнение общих профессионально-этических норм снижает вероятность финансовых и имиджевых потерь от неопределенности и рисков, в третьих, исполнение этических норм работниками всех уровней минимизирует финансовые потери, связанные с халатностью и мошенничеством, уменьшает затраты на надзор за персоналом, а также устраняет некоторые затруднения для организации скоординированной совместной деятельности по достижению экономических целей [1, с. 429].

Репутационная функция корпоративной этики нацелена на укрепление положительного имиджа и доверия к организации со стороны организационных структур внешней среды. На основе открытого декларирования корпоративных ценностей, норм и правил корпоративного поведения организация определяет основы взаимоотношений внутри трудового коллектива, а также взаимодействия с деловыми партнерами, государственными органами, иными физическими и юридическими лицами, создавая благоприятные условия для коммуникации и сотрудничества. В целях улучшения деловой репутации в системе общественных отношений организация может принимать на себя социальные обязательства, например, осуществление благотворительной деятельности, уменьшение неблагоприятного воздействия на окружающую среду, толерантное отношение к созданию инклюзивного рынка труда. Положения о социальной ответственности организации имплементируются и отражаются в ее корпоративной этике в форме норм, правил поведения работников по отношению к отдельным лицам или группам лиц за пределами организации. Таким образом, корпоративная этика побуждает работников добровольно и активно участвовать в решении социальных проблем [13, с. 144].

Консолидирующая функция корпоративной этики заключается в том, что знание правил этического поведения в организации позволяет сотрудникам ясно интерпретировать происходящие события в трудовом коллективе и правильно к ним относиться. Корпоративная этика способствует появлению в организации характерной идентичности, является фактором социальной защищенности работников. Соблюдение этических стандартов создает атмо-

сферу взаимного уважения и поддержки внутри коллектива, снижает уровень конфликтности и недоверия, способствует созданию благоприятного психологического климата. Работники чувствуют себя защищенными и уверенными в своих действиях, что положительно сказывается на производительности труда и удовлетворенности работой. Корпоративная этика стала способствовать ограничению корпоративного эгоизма, внедрению общих моральных принципов в деятельность организации, поддержанию ее целостности как сложного социального организма. Речь идет о защите работников путем выстраивания социальных отношений в сфере труда под влиянием общих моральных ценностей и разрешения внутрикорпоративных конфликтов. В число задач корпоративной этики входят создание условий для формирования индивидуальной ответственности работника за исполнение возложенной на него трудовой функции, поощрение социально ответственного поведения, что позволяет направить общий потенциал трудового коллектива на решение поставленных задач и достижение целей организации.

Корпоративная этика выполняет функцию по развитию корпоративной культуры организации. Этические правила и нормы неоднократно повторяются работниками, постепенно внедряются в их сознание и становятся частью внутреннего мира, формируя определенную модель поведения. Этические правила и нормы выражают коллективную цель, принципы корпоративного поведения работников, на основе которых достигается согласие, устанавливаются нравственные ограничения при осуществлении работниками трудовых функций. Таким образом желаемые модели поведения работников вводятся в практику и закрепляются, формируя корпоративную культуру организации [13, с. 151].

В практической деятельности организации разрабатывают свою модель корпоративной этики, которая имеет форму правил или кодексов. Анализ используемых правил корпоративной этики работников в ОАО «Институт Гомельоблстройпроект», ОДО «Полидрев», ОАО «Лидский молочно-консервный комбинат» выявил единый подход к их разработке¹. Основная цель указанных правил состоит в формировании положительного имиджа и укреплении деловой репутации, обеспечении самоконтроля, снижении рисков и увеличении финансовых показателей деятельности организации. Среди общих принципов профессиональной деятельности

¹Кодекс корпоративной этики и служебного поведения открытого акционерного общества «Институт Гомельоблстройпроект» // Открытое акционерное общество «Институт Гомельоблстройпроект» : сайт. URL: <https://gosp.by/wp-content/uploads/2024/02/kodeks-korpor-etiki.pdf> (дата обращения: 12.08.2025) ; Кодекс корпоративной этики общества с дополнительной ответственностью «Полидрев» г. Гомель // Общество с дополнительной ответственностью «Полидрев» : сайт. URL: http://www.polydrev.ru/sites/default/files/kodeks_korporativnoy_etiki_polidrev.pdf (дата обращения: 12.08.2025) ; Кодекс корпоративной этики и социальных норм поведения Открытое акционерное общество «Лидский молочно-консервный комбинат» // Открытое акционерное общество «Лидский молочно-консервный комбинат» : сайт. URL: <https://drive.google.com/file/d/1P8d-Wry30rDoMBCMFZU5KRYjYw5NmX6Xr/view> (дата обращения: 12.08.2025).

работников выделены уважение, доверие, лояльность, профессионализм и компетентность, результативность, добросовестность и исполнительность, дисциплинированность, инициативность и активность, сочетание единоначалия и коллегиальности, законность, противодействие коррупции, экстремизму и деструктивным проявлениям, социальная ответственность.

В структуре анализируемых правил корпоративной этики организаций, помимо ценностной составляющей, выделена нормативная часть, которая определяет конкретный порядок профессионального поведения и регламенты деятельности работников. Также в данной части правил (кодексов) установлен порядок использования рабочего времени и предоставляемых в организации ресурсов (материальных ценностей, оборудования, программного обеспечения, информации и др.). Отдельная глава рассмотренных документов посвящена взаимоотношениям работников в трудовом коллективе, разрешению конфликтных ситуаций, связанных с конкретными производственными вопросами. Важным элементом корпоративной этики стал вопрос определения порядка реализации коммуникативной политики, в том числе порядка проведения рабочих совещаний, встреч, переговоров, телефонных переговоров, переписки, взаимодействия со средствами массовой информации, использования мессенджеров и социальных сетей. В правилах корпоративной этики определены правила корпоративной культуры и стиля, культуры производства, безопасности, а также ответственность за исполнение основных положений документа, организационные вопросы его введения².

Корпоративная этика в организациях реального сектора экономики выполняет управленческую и репутационную функции. Существенных различий в содержании и структуре кодексов корпоративного поведения нет. Организации без учета специфики своей производственно-хозяйственной деятельности определяют стандарты профессионального поведения работников, включающие их права и обязанности, недопустимые действия. Однако следует указать, что внедрение в практическую деятельность корпоративной этики как формы выражения определенных установок, системы моральных ценностей, норм поведения работников организации осуществляется в определенных национальных условиях.

В существующих дефинициях корпоративной этики особенности социальных, экономических и политических условий, в которых функционирует организация или осуществляет свою профессиональную деятельность человек, не учтены и не отражены.

В современных условиях корпоративная этика не может рассматриваться исключительно как способ управления трудовым поведением работников внутри организации. Ее необходимо трактовать более широко, как инструмент государственной кадровой политики, который должен обеспечивать развитие трудовых ресурсов, способных решать актуальные и перспективные задачи общественно-экономического развития страны³. С одной стороны, эта функция корпоративной этики будет способствовать достижению целей организации с помощью консолидации усилий работников на основе национальной идентичности, чувства патриотизма и гражданской зрелости. С другой стороны, она обеспечит установление взаимосвязи и согласование кадровой политики организации с целями и задачами развития общества и государства.

Реализация новой функции корпоративной этики по развитию кадрового потенциала должна быть основана на следующих принципах: соблюдение баланса интересов личности, общества и государства, социальной справедливости и социальной ответственности, патриотизме и гражданственности, профессионализме и компетентности, равном вознаграждении, основанном на обеспечении справедливой и равной оплаты за равный труд, преемственности в работе с кадрами, межведомственном взаимодействии⁴. Следовательно, в общие принципы корпоративной этики предлагается включить принципы гражданственности и патриотизма. Гражданственность подразумевает осознанное участие в жизни страны, соблюдение законов и наличие активной жизненной позиции работников организации в защите национальных интересов. Патриотизм как осознанная деятельность гражданина во благо Родины, народа, государства является фактором, объединяющим трудовой коллектив вокруг общих ценностей.

С учетом дополненных принципов и функций корпоративной этики предлагается ввести в научный оборот следующее ее определение: корпоративная этика организации – это система моральных ценностей, принципов и норм регулирования кор-

² Кодекс корпоративной этики и служебного поведения открытого акционерного общества «Институт Гомельоблстройпроект» // Открытое акционерное общество «Институт Гомельоблстройпроект» : сайт. URL: <https://gosp.by/wp-content/uploads/2024/02/kodeks-korpor-etiki.pdf> (дата обращения: 12.08.2025) ; Кодекс корпоративной этики общества с дополнительной ответственностью «Полидрев» г. Гомель // Общество с дополнительной ответственностью «Полидрев» : сайт. URL: http://www.polydrev.ru/sites/default/files/kodeks_korporativnoy_etiki_polidrev.pdf (дата обращения: 12.08.2025) ; Кодекс корпоративной этики и социальных норм поведения Открытое акционерное общество «Лидский молочно-консервный комбинат» // Открытое акционерное общество «Лидский молочно-консервный комбинат» : сайт. URL: <https://drive.google.com/file/d/1P8d-Wry30rDoMBCMZFU5KRYjYw5NmX6Xr/view> (дата обращения: 12.08.2025).

³ О Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 3 янв. 2024 г., № 1 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.

⁴ Там же.

поративного поведения, обеспечивающего консолидацию и развитие трудового коллектива, достижение целей, решение задач и развитие организации, укрепление ее деловой репутации и социальной ответственности, решение актуальных задач развития общества и государства. Видится, что приведенное определение наиболее полно учитывает современные требования к корпоративной этике как к инструменту государственной кадровой политики. Кроме того, введение данного определения будет способствовать дальнейшим научным исследованиям эффективного внедрения корпоративной этики в практическую деятельность.

Таким образом, сущность феномена корпоративной этики исследовалась через призму ее принципов и функций, которые реализуются в организации (управление поведением работников на основе моральных норм и правил, создание положительного имиджа организации и формирование ее со-

циальной ответственности, консолидация трудового коллектива, развитие корпоративной культуры и др.). Однако современное понимание феномена корпоративной этики шире указанных признаков, оно не сводится к решению только внутрикорпоративных задач. Обоснование новой функции и принципов корпоративной этики определяет необходимость их учета в современном содержательном определении данного феномена. Это обстоятельство предопределило применение функционального подхода при выработке определения, в соответствии с которым под корпоративной этикой организации предлагается понимать систему моральных ценностей, принципов и норм регулирования корпоративного поведения, обеспечивающего консолидацию трудового коллектива, достижение целей, развитие организации, укрепление ее деловой репутации и социальной ответственности, решение актуальных задач общества и государства.

Библиографические ссылки

1. Евченко ОС. Понятие корпоративной этики. *Культура и цивилизация*. 2017;7(3А):422–433.
2. Хачатурова ЭВ. Психологические механизмы формирования корпоративной культуры. *Живая психология*. 2014;2(2):73–76.
3. Тянь ВВ. Корпоративная этика и властные отношения в условиях модернизации общества: новые моменты. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2012;1:30–36.
4. Хахалева АЮ, Куликова ОВ. Дискурс корпоративной этики в коммуникативно-прагматической парадигме лингвистических исследований. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6, Языкознание*. 2021;2:122–127.
5. Буюева ИИ, Буюева ВВ. Социальные предпосылки становления феномена корпоративной культуры. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2010;5:12–17.
6. Александрова АД. Политика китайских частных предприятий в области корпоративной культуры. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2025;3:107–129. DOI: 10.24412/2071-6435-2025-3-107–129.
7. Кобылкина ОМ. Причины девиации усвоенного корпоративного поведения государственных гражданских служащих и поиск путей оптимизации. *Научное мнение*. 2014;3:147–153.
8. Сухорукова ДН. Формирование японского саримана. *Менеджмент и бизнес-администрирование*. 2009;3:162–171.
9. Аджемова А. *Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ*. Москва: Языки славянской культуры; 2017. 632 с.
10. Пороховская ТИ. Философско-социологические аспекты корпоративной этики. *Управленческие науки*. 2012;4:32–40.
11. Долгова ИВ. Корпоративная этика как форма общественного сознания в управлении современным предприятием. *Инновации в менеджменте*. 2019;1:36–42.
12. Кузнецов ИН. *Бизнес-этика*. Москва: Дашков и К; 2009. 497 с.
13. Зеленина ТР, Соловьева МВ. Корпоративный кодекс как инструмент формирования корпоративной культуры. *Вестник Московского гуманитарно-экономического института*. 2021;3:144–156. DOI 10.37691/2311-5351-2021-0-3-144-156.

Статья поступила в редколлегия 05.09.2025.
Received by editorial board 05.09.2025.

УДК 316.354:351/354

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ НА ПРИМЕРЕ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О. В. ГИММЕЛЬРЕЙХ¹⁾

¹⁾Министерство внутренних дел Республики Беларусь, ул. Городской Вал, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуется социальный потенциал профессионально-ориентационной работы (на примере организации военно-патриотической деятельности в системе Министерства внутренних дел Республики Беларусь), а также ее влияние на формирование осознанной потребности выбора конкретной профессии. Раскрываются цели, задачи и содержание деятельности клубов по интересам (военно-патриотических клубов) как социальной среды, в которой формируются просоциальные качества детей и молодежи, а также происходит интериоризация патриотических и духовных ценностей, поддерживаемых на уровне государства и общества. Отмечается, что участие в военно-патриотических клубах способствует развитию коммуникативных навыков и реализации социальных ожиданий, а также профессиональному самоопределению. Делается вывод о том, что формирование потребности и мотива (основу которых составляют убеждения) осознанного выбора профессии, предполагающий служение обществу и государству происходит по схеме «ознакомление – усвоение – участие – накопление социального опыта – принятие – готовность» в условиях моделируемой социальной среды.

Ключевые слова: профессионально-ориентационная работа; военно-патриотическая деятельность; социальные ожидания; потребности и интересы; мотивация; убеждения; социальные отношения; интериоризация ценностей.

SOCIAL POTENTIAL OF PROFESSIONAL GUIDANCE WORK WITH MINORS ON THE EXAMPLE OF MILITARY-PATRIOTIC ACTIVITIES OF MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

O. V. HIMMELREICH^a

^aMinistry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 4 Garadski Val Street, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article explores the social potential of vocational guidance (using the example of the organisation of military-patriotic activities in the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus system), as well as its impact on the formation of a conscious need to choose a specific profession. The article reveals the goals, objectives, and content of interest clubs (military-patriotic clubs) as a social environment that fosters the development of prosocial qualities in children and young people, as well as the internalisation of patriotic and spiritual values supported by the state and society. It is noted that the

Образец цитирования:

Гиммельрейх ОВ. Социальный потенциал профессионально-ориентационной работы с несовершеннолетними на примере военно-патриотической деятельности Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2025;4:68–73.
EDN: LNUSTSM

For citation:

Himmelreich OV. Social potential of professional guidance work with minors on the example of military-patriotic activities of Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;4:68–73. Russian.
EDN: LNUSTSM

Автор:

Олег Викторович Гиммельрейх – кандидат юридических наук, доцент; начальник управления правового обеспечения штаба МВД.

Author:

Oleg V. Himmelreich, PhD (law), docent; head of the legal support department of the Ministry of Internal Affairs headquarters.
gimmelreich@mail.ru

potential of the military-industrial complex contributes to the development of communication skills and the realisation of social expectations, and ultimately to professional self-determination. It is concluded that the formation of needs and motives (based on beliefs) for a conscious choice of a profession that serves society and the state occurs according to the scheme «familiarisation – assimilation – participation – accumulation of social experience – principle».

Keywords: professional guidance work; military-patriotic activities; social expectations; needs and interests; motivation; beliefs; social relations; interiorisation of values.

Введение

Проблемы кадрового обеспечения государственных органов, иных организаций (государственной кадровой политики) определены Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь в качестве внутренних источников угроз национальной безопасности (п. 31). В настоящее время в системе управления особое место занимает деятельность, закладывающая основы осознанного выбора будущей профессии, перспективного использования и развития кадров, профессионального долголетия, на этапе привлечения человеческих ресурсов (отбора, набора, найма).

С помощью форм, приемов и средств профессионально-ориентационной работы осуществляется формирование нравственных качеств индивида в подростковом возрасте, так как в это время происходят поиск и принятие нравственных ориентиров, идеалов, развитие социальных интересов, становление собственной системы убеждений и взглядов. Именно в данный период происходит формирование активной гражданской позиции и осознанных чувств. Важно привить новому поколению понимание, что патриот – человек, способный следовать общим национальным интересам, готовый служить Родине и защищать ее, а также прокладывать себе путь к осознанному выбору профессии. В Кодексе Республики Беларусь об образовании обозначены задачи по формированию у подростков гражданской ответственности, патриотизма и национального самосознания на основе государственной идеологии, по подготовке их к самостоятельной жизни и профессиональному самоопределению.

Востребованность в актуализации потенциала профессионально-ориентационной работы, как показывают результаты проведенного коллективом

кафедры социологии БГУ в 2018 г. научного исследования, обуславливается рядом негативных тенденций при формировании идей, убеждений, взглядов и отношения современной студенческой молодежи к традиционным ценностям и национальному менталитету [1]. В этом исследовании отображается трансформация ценностей и мировоззренческих установок, в частности, таких как нивелирование связи поколений, «затухание» исторической памяти, размывание понятий «Родина» и «Отечество», влияние фактора глобализации, возникновение намерения уехать на постоянное место жительства и работы за границу.

Общественно-политические события августа – сентября 2020 г. выявили недостатки в организации работы с детьми и молодежью, которые не в полной мере осознают и ценят достижения Республики Беларусь периода независимости (сохранение предприятий-гигантов и рабочих мест, поддержание исторической правды и памяти, укрепление социального института традиционной семьи и т. д.).

В марте 2022 г. с учетом необходимости усиления социально-педагогической работы с несовершеннолетними была обновлена Концепция развития профессиональной ориентации молодежи в Республике Беларусь. В этом документе совершенствование системы профессиональной ориентации молодежи, включая осуществление целенаправленной деятельности по подготовке к сознательному выбору будущей профессии, основанному в том числе на стремлении принести пользу обществу и государству, определено в качестве одного из механизмов работы с молодежью в рамках реализации государственной кадровой политики, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 3 января 2024 г. № 1 (п. 18).

Военно-патриотическая деятельность как социальная технология и разновидность профессионально-ориентационной работы

Современные тенденции в архитектуре социальных отношений, сопровождающиеся процессами глобализации, повышением социальной мобильности, цифровизации, усилением индивидуальных мотивов молодежи, в противоположность коллективному и общественному началам вынуждают государственные органы искать новые (возрождать положительно зарекомендовавшие себя в советский

период) виды профессионально-ориентационной работы. Одним из них, как отмечается в научной, учебно-методической литературе и подтверждается социальной практикой, является патриотическое и военно-патриотическое воспитание [2]. С учетом вышесказанного в Министерстве внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД) формирование у детей и молодежи потребности в служении

обществу и государству на профессиональной основе осуществляется посредством военно-патриотической деятельности. Она представляет собой разветвленную систему социально-педагогической работы, связанную с целенаправленной мотивацией и подготовкой молодого человека к созидательному труду на благо Отечества, его социализацией, формированием и развитием у него системы ценностей личности (духовно-патриотических, нравственно-патриотических, историко-патриотических, государственно-патриотических), и осуществляемую средствами клубной работы.

Согласимся с точкой зрения И. Ф. Ведына, который отмечает, что «динамика развития потребностей, их формирование осуществляются только на основе интересов и через интересы. Интерес – это своеобразная сублимация потребностей в различных видах практической и духовной деятельности человека, однако это не вид потребности, а ее своеобразный модус» [3, с. 84–85].

Диалектика удовлетворения потребностей и интересов в направлении профессиональной ориентации проявляется в военно-патриотической деятельности посредством функционирования военно-патриотических клубов (ВПК), которые представляют собой разновидность малых групп или объединения по интересам, созданные для формирования у детей и молодежи гражданственности, патриотического сознания, чувства верности своей Родине, готовности к выполнению задач по обеспечению защиты Отечества и овладения необходимыми для достижения этих целей знаниями, умениями и навыками.

Как справедливо отмечает Л. П. Буева, «малая группа является не только “проводником”, корректирующим (усиливающим или ослабляющим) влияние общества на индивида, но и той “ареной”, где осуществляется “отдача” личности обществу, где личность реализует усвоенные ею социальные идеалы. Без исследования групп нельзя раскрыть конкретный механизм “обратной связи” между обществом и личностью» [4, с. 149].

Особое внимание в работе с воспитанниками ВПК уделяется проведению идеологической работы, направления которой включают в себя воспитание гордости за принадлежность к своему народу, поддержание уважения к отечественной истории, военной службе и форме одежды, формирование ориентации на сохранение и приумножение славных воинских традиций предков, а также увековечение памяти воинов, погибших при защите Родины, укрепление физической формы, активное приобщение детей и молодежи к знаниям в области права через творчество. Воспитанники ВПК на постоянной основе активно принимают участие в проведении мероприятий МВД, направленных на формирование у сотрудников преданности Родине и верности служебному долгу, сплочение

служебных коллективов, развитие личных качеств, обеспечивающих безупречное исполнение ими служебных обязанностей и соблюдение служебной дисциплины, а также на формирование положительной мотивации у детей и молодежи к службе.

Основная задача гражданско-патриотического воспитания заключается в содействии профессиональной ориентации воспитанников ВПК, приобретении ими теоретических и практических знаний, умений и навыков, необходимых в последующем для службы в органах внутренних дел, формировании духовно-нравственных ценностей и качеств воспитанников, а также профилактике совершения ими административных правонарушений и преступлений.

Социальный потенциал военно-патриотической деятельности проявляется посредством реализации нижеупомянутых функций.

Познавательная функция заключается в знакомстве несовершеннолетних с историей, целями, задачами, направлениями правоохранительной деятельности МВД, возможностями его подразделений, материально-технической оснащенностью, порядком и условиями обучения в учреждениях образования МВД и прохождения службы, а также приобщении к существующим в МВД традициям и ритуалам. Данная функция направлена на возбуждение интереса к профессии правоохранителя.

Интегративная функция направлена на удовлетворение следующих потребностей:

- социальных (потребности в ощущении принадлежности к профессиональной группе правоохранителей, социальном взаимодействии, привязанности и поддержке (дружбе, любви, взаимопонимании)), реализации которых способствуют ношение форменного обмундирования, проведение марша воспитанников ВПК;
- духовных (потребности в самовыражении, самоактуализации (самоутверждении), реализации своих потенциальных возможностей и личностном росте);
- потребностей в самоуважении, признании личных результатов и компетентности, достижении успеха.

Развитие в молодежной среде чувства сплоченности (ценностно-ориентационного единства), ответственности, принципов коллективизма, товарищества, системы нравственных установок личности на основе традиционной системы ценностей, присущей белорусам, выступает одной из целей функционирования ВПК.

Функция целенаправленной мотивации имеет в качестве основы социальные ожидания. Как отмечает С. А. Шавель, «согласованность ожиданий есть основной закон сохранения системного взаимодействия. На примере диады (“двойки”) можно убедиться, что ожидания каждого из партнеров по взаимодействию – это прогнозируемые вероятностные

реакции другого в ответ на собственные действия. В системе “индивид – коллектив” согласованность ожиданий означает соразмерность прав, обязанностей и ответственности сторон» [5, с. 64].

С точки зрения упомянутого ученого, который занимается изучением социальной мотивации, ее истоков и направленности, логика формирования и развертывания последней состоит в том, что субъект (индивид, группа) ищет в сложившемся стимуляционном поле тот объект (предмет, образ, состояние, норму), который соответствует, с одной стороны, его предпочтениям (интересам), с другой – навыкам, знаниям, опыту (вплоть до демографических характеристик и состояния здоровья) или хотя бы предполагаемым возможностям и делает его целью своих устремлений, мотивов и личностных смыслов. При адекватности усилий, т. е. совпадении всех названных элементов мотивационной сферы, мотив закрепляется [6, с. 122–123].

Функция профессионального самоопределения предполагает принятие индивидом решения о том, какую профессию ему следует выбрать, где работать. Когда молодые люди обладают первичной информацией о профессии сотрудника органов внутренних дел, ее востребованности и престижности, трудностях, происходит осознание личных интересов и возможностей, сравнение своих профессиональных мотивов с требованиями к данной профессии.

Функция социализации (коммуникативная, адаптационная) заключается в знакомстве подростков различных ВПК друг с другом, их самопрезентации, а также адаптации к условиям функционирования ВПК, местам проведения досуга. В данном случае ВПК играет роль агента (института) социализации.

Институализация военно-патриотической деятельности в системе МВД

Востребованность белорусским обществом (как родителями, так и детьми) форм организации досуга несовершеннолетних посредством военно-патриотической деятельности способствовала ее институциональному закреплению.

Правовой фундамент деятельности ведомственных военно-патриотических клубов МВД заложили Указ Президента Республики Беларусь от 4 мая 2022 г. № 160 «О развитии военно-патриотических клубов», приказ Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 5 мая 2025 г. № 156 «О вопросах военно-патриотической деятельности в органах внутренних дел». Последним документом (утратил в силу в связи с дальнейшим развитием военно-патриотического движения и разработкой новых положений, отраженных в приказе Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 27 октября 2025 г. № 329 «О военно-патриотической деятельности в органах внутренних дел») учреждался нарукавный знак ВПК органов внутренних дел и утверждалось типовое положение о ВПК органов внутренних дел. На основании этого положения

Отношения складываются между группами людей, и даже когда в социальное взаимодействие вступают отдельные личности или отношения возникают между личностью и группой, личностью и обществом, мы не можем (вопреки положениям методологического индивидуализма) рассматривать эту личность обособленно, вне группы людей или общества, которые заложили в ней определенные мотивы, социальные интересы и повлияли на формирование ее ценностей [7, с. 39].

Ценностно-ориентирующая функция затрагивает несколько сфер:

- духовно-патриотическую (признание и сохранение духовного наследия, языка и культуры как высших святынь народа, развитие национального самосознания, гордости и достоинства, духовной зрелости);
- нравственно-патриотическую (воспитание любви к Родине, своему народу, семье и близким, следование моральным принципам, добросовестность, честность, умение работать в коллективе, уважение к старшим, соблюдение этикета);
- историко-патриотическую (верность героическому прошлому и лучшим традициям истории Отечества, следование исторической правде и нетерпимость к искажению истории, сохранение исторической памяти и преемственности поколений);
- государственно-патриотическую (уважение к государственным символам, суверенитету, независимости и территориальной целостности, гражданская зрелость, верность гражданскому и воинскому долгу, готовность к защите Отечества, активное участие в решении проблем и преодолении трудностей в обществе и государстве).

были разработаны и утверждены положения о деятельности ВПК, действующих на базе территориальных органов внутренних дел. В целях формирования единой системы ценностей ВПК приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 27 октября 2025 г. № 329 «О военно-патриотической деятельности в органах внутренних дел» учреждены эмблема и флаг военно-патриотических клубов МВД, единый девиз военно-патриотических клубов МВД, текст торжественной клятвы и удостоверение воспитанников ВКП МВД.

Организационно-методическим документом данного вида профессионально-ориентационной работы выступает Программа военно-патриотического клуба Министерства внутренних дел Республики Беларусь «Патриот», которая была разработана в соответствии с типовой программой дополнительного образования детей и молодежи военно-патриотического профиля (образовательная область «Подготовка к военной службе»), утвержденной постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 20 октября 2023 г. № 325

«О типовых программах дополнительного образования детей и молодежи». Этот документ состоит из двух уровней: 1) базового (для детей 12–14 лет, срок обучения – 2 года); 2) повышенного (для детей 15–17 лет, срок обучения – 1 год).

Овладение знаниями, умениями и навыками, полученными при освоении образовательных программ, оценивалось в рамках проведенного республиканского смотра-конкурса среди ВПК (2024 г.) и военно-патриотической игры «Зарница» (2025 г.)¹ по ряду дисциплин:

- дисциплине «Строевая подготовка» (выполнение строевых приемов командой ВПК МВД: передвижение строя, строевой смотр команды, во время которого оцениваются правильность и единообразие ношения головных уборов, формы одежды, поясных ремней, обуви, аккуратность прически, макияжа (для девушек), отсутствие излишних ювелирных украшений, единообразие размещения шевронов, нарукавных и нагрудных знаков, эмблем, знаков различия, а также доклад командира);

- дисциплине «Огневая подготовка» (тренировочные упражнения по неполной разборке и сборке автомата Калашникова (АК-74) и пистолета Макарова (ПМ), снаряжение магазина);

- дисциплине «Милицейская эстафета», которая проводится в семь этапов (включает в себя упражнения на скорость (бег), работу с охлажденным оружием на рубеже (разборка ПМ, затем, на другом этапе, сборка ПМ), стрельбу из пневматической винтовки, перенос боеприпасов в ящике, бросок мяча в условную цель, перенос условного раненого);

- дисциплине «Выживание в экстремальных условиях», которая включает в себя три этапа (ориентирование на местности, разжигание костра, установку походной палатки);

- дисциплине «Боевой листок» (командам необходимо за ограниченное время (20 мин.) нарисовать боевой листок на тематику, определяемую организационным комитетом в день проведения дисциплины);

- дисциплине «Военно-тактическая игра на местности» (лазертаг «Захват контрольных точек»);

- дисциплине «Визитная карточка» (творческое, музыкально-театрализованное презентационное выступление команды в свободном жанре (агитбригада, театральная постановка, плац-концерт, показательные выступления и др.)²;

- дисциплине «Основы белорусской государственности и истории Беларуси» в контексте Великой Отечественной войны;

- дисциплине «Медицинская подготовка» (решение ситуационных задач, а также отработка практической части, в рамках которой необходимо оказать

помощь условным раненым, выполнив при этом определенный алгоритм действий за ограниченное время (до 5 мин.);

- дисциплине «Обустройство палаточного городка» (обустройство и оформление городка в соответствии с заявленной тематикой, обеспечение зрелищности, использования разнообразных форм и жанров творчества в ходе презентации).

Важно отметить, что задания по всем дисциплинам оценивались только в командном зачете, т. е. на общий итог влиял вклад каждого участника.

О правильности применяемых форм и средств военно-патриотической деятельности свидетельствует то, что по состоянию на 1 августа 2025 г. под патронажем МВД функционировали 208 ВПК (6250 детей). Эти объединения по интересам существуют практически во всех органах внутренних дел, подразделениях Департамента охраны МВД, частях и соединениях внутренних войск МВД, Академии МВД и Могилёвском институте МВД³.

В целях выработки единого механизма деятельности по работе с ВПК и подхода к ней, а также в целях совершенствования данной деятельности в соответствии с действующим законодательством в МВД выстроена идеологическая вертикаль, которая состоит из следующих элементов:

- отделений гражданско-патриотического воспитания центра культурно-воспитательной работы МВД, в которые входят начальник и три старших инспектора;

- сотрудников по гражданско-патриотическому воспитанию, курирующих данное направление служебной деятельности в подчиненных подразделениях, должности которых введены в отделах идеологической работы ГУВД, УВД (Департаменте охраны МВД, учреждениях высшего образования МВД данное направление курируют сотрудники подразделений идеологической работы).

За каждым ВПК в РУВД, ГОВД, РОВД, территориальных подразделениях Департамента охраны МВД, подразделениях и организациях, входящих в систему МВД, в которых функционирует ВПК, закреплены наиболее подготовленные, мотивированные сотрудники для руководства деятельностью ВПК и ее организационно-методического обеспечения. В должностных обязанностях этих сотрудников закреплены соответствующие задачи.

Согласно обобщенным данным управления идеологической работы МВД в 2025 г. ВПК МВД окончили 659 воспитанников, из которых 78 подали документы для поступления в Академию МВД, 45 в Могилёвский институт МВД. Для поступления в Военную академию Республики Беларусь подали документы 84 воспитанника.

¹В едином строю! ВПК МВД – только вперед! // На страже. 2 июля 2025 г. (№ 27). С. 8–9.

²Содержание визитной карточки должно раскрывать направления деятельности и общественную жизнь ВПК МВД региона, учреждений образования и подразделений МВД, а также предоставлять информацию об участниках команды.

³Личность. Гражданственность. Патриотизм // На страже. 11 июля 2025 г. (№ 28). С. 12–13.

Заключение

Проведенное исследование военно-патриотической деятельности как разновидности профессионально-ориентационной работы среди детей и молодежи позволяет сделать ряд выводов научно-теоретического, методологического и прикладного порядка.

1. Социально-педагогическая и военно-патриотическая деятельность как разновидности профессионально-ориентационной работы формируют стремление к осознанному выбору профессии по служению обществу и государству, способствуют социализации личности, интериоризации системы ценностей (духовно-патриотических, нравственных, государственно-патриотических историко-патриотических) государства, общества и органов внутренних дел.

Основу военно-патриотической деятельности МВД составляют ВПК, являющиеся разновидностью малых референтных групп (объединений по интересам), в рамках функционирования которых реа-

лизуются социальные отношения (просоциальная активность, сопричастность к общественно полезной деятельности, соревнования, сравнения и т. д.).

2. Формирование потребностей и мотивов, основу которых составляют социальные ожидания и убеждения, осознанного выбора профессии, связанной со служением на благо общества и государства, происходит по схеме «ознакомление – усвоение – участие – накопление социального опыта – принятие – готовность» в условиях моделируемой социальной среды.

3. Дальнейшее повышение социального потенциала военно-патриотической деятельности возможно за счет вовлечения большего числа воспитанников при реализации конкурсов и заданий между ВПК на региональных уровнях, а также за счет проведения соревнований с представителями аналогичных объединений по интересам государственных органов системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Данилов АН, Грищенко ЖМ, Щелкова ТВ. Постсоветское поколение студенческой молодежи Беларуси: социокультурный портрет. В: Данилов АН, Ротман ДГ, редакторы. *Современное белорусское общество: социологическое прочтение*. Минск: БГУ; 2018. с. 63–83.
2. Лутовинов ВИ, редактор. *Патриотическое и военно-патриотическое воспитание как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации*. Москва: Экон-информ; 2017. 330 с.
3. Ведин ИФ. *Бытие человека: деятельность и смысл*. Рига: Зинатне; 1987. 211 с.
4. Буева ЛП. *Социальная среда и сознание личности*. Москва: Издательство Московского университета; 1968. 268 с.
5. Шавель СА. Социальные ожидания как исходная социологическая категория. *Социология*. 2006;3:63–71.
6. Шавель СА. Мотивация просоциальной активности как предмет социологического исследования. В: Данилов АН, редактор. *Социолог С. А. Шавель. Пути к тайнам бытия*. Минск: Беларуская навука; 2025. с. 122–123.
7. Гиммельрейх ОВ, Лойко ЛЕ, Узгорок МЮ, Яскевич АВ. *Управление социальными и экономическими системами*. Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь; 2025. 175 с.

Статья поступила в редколлегия 25.09.2025.
Received by editorial board 25.09.2025.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 130.2+82:1+821.124+821.14+141.78

ПРОЗРАЧНЫЙ ГЕРОЙ, ИЛИ СИНДРОМ БРИСЕИДЫ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾, К. В. СЕВАСТОВ²⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

²⁾Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Моделируется феномен художественной культуры, который может быть назван прозрачным героем. Таковым выступает персонаж, принципиально важный для завязывания фабулы и развития повествования, но практически лишенный статуса активного субъекта (читателю не сообщается ни о его мыслях, ни о его чувствах, ни о его оценке происходящего). Он не выступает актором каких бы то ни было действий, но тем не менее его изъятие из текста привело бы к полному разрушению сюжета. Феномен прозрачного героя рассматривается на материале классической культуры (античная литература и средневековые хроники) и культуры постнеклассической (постмодернистский роман). Отдельное внимание уделяется выявлению альтернативной тенденции, заключающейся в том, что ретроспективная реакция на культурный текст сознательно и целенаправленно наделяет прозрачного героя детальными и эмоционально окрашенными субъектными характеристиками и мировоззренческой позицией.

Ключевые слова: субъект; субъектность; герой повествования; прозрачный герой; безголосый герой; обретение голоса.

Образец цитирования:

Можейко МА, Севастов КВ. Прозрачный герой, или Синдром Бризеиды. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;4:74–82.
EDN: SEMTYA

For citation:

Mojeiko MA, Sevastov KV. Transparent character, or Syndrome of Briseis. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;4:74–82. Russian.
EDN: SEMTYA

Авторы:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии, истории и методологии образования.

Кирилл Валерьевич Севастов – кандидат философских наук; старший научный сотрудник отдела философии литературы и эстетики.

Authors:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy, history and methodology of education.

marina-mojeiko@yandex.by

<https://orcid.org/0000-0003-2715-6200>

Kirill V. Sevastov, PhD (philosophy); senior researcher at the department of philosophy of literature and aesthetics.

kirillsevastov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6093-7274>

TRANSPARENT CHARACTER, OR SYNDROME OF BRISEIS

M. A. MOJEIKO^a, K. V. SEVASTOV^b

^aNational Institute for Higher Education, 15 Maskowskaja Street, Minsk 220007, Belarus

^bInstitute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Corresponding author: M. A. Mojeiko (marina-mojeiko@yandex.by)

Abstract. A phenomenon of artistic culture that can be named a transparent character is modelled. This is a personage who is fundamentally important for the development of the plot and the development of the narrative, but who is practically deprived of the status of an active subject (the reader is not informed about his thoughts, his feelings, his assessment of what is happening). He does not act as an actor in any action, but his removal from the text would lead to the complete destruction of the plot. The phenomenon of a transparent character is considered using classical culture (ancient literature and medieval chronicles) and post-non-classical culture (postmodernist novel). Particular attention is paid to identifying an alternative tendency, which consists in the fact that a retrospective reaction to a cultural text consciously and purposefully endows a transparent character with detailed and emotionally charged subjective characteristics and a worldview position.

Keywords: subject; subjectivity; narrative character; transparent character; voiceless character; voice acquisition.

Введение

Несмотря на многовековую традицию исследования художественной культуры, неисчерпаемость культурного наследия человечества не снимает актуальности попыток обнаружения новых структурно-семантических фигур литературного творчества. К таким фигурам может быть отнесен феномен *прозрачного героя*.

Таким образом, целью статьи является моделирование структурно-семантической фигуры про-

зрачного героя в истории культуры. Обнаружить эту фигуру позволяют такие методы исследования, как методы теоретической и исторической реконструкции, давшие возможность выявить феномен прозрачного героя в классической и современной литературе, а также метод компаративного анализа, на базе которого осуществлено сопоставление фигур прозрачного героя у различных авторов.

Герой, но не субъект

Героя в восприятии древних греков (будь то в мифах, в героическом эпосе, в трагедиях, в поэмах) Х. Арендт определяла как свободного участника Троянской войны, о котором мог бы быть рассказан рассказ: «то, что каждая индивидуальная жизнь между рождением и смертью может в конце концов быть рассказана как история с началом и концом» выступало для античной культуры как «доисторическое условие истории (*history*), великой истории (*story*) без начала и конца» [1, с. 136].

В свете этого можно зафиксировать странный парадокс: существуют персонажи, которые безусловно относятся к героям, так как рассказы о них обрели в истории культуры статус классических. Вместе с тем к ним нельзя отнести понятие субъектности, ибо они бессубъектны дважды: как в том плане, что ни один из них не является агентом действий, но лишь претерпевает события своей жизни, так и в плане своего рода внепсихологичности. Это

в определенном смысле *прозрачные герои*, которые не проявляют себя, не высказывая ни своих чувств, ни какой бы то ни было оценки происходящего. С точки зрения сегодняшнего восприятия очевидно, что они, как и любой человек, эмоциональны, наделены способностью суждения и всеми остальными атрибутами личности, но в контексте повествования упоминание об этом отсутствует напрочь. Это безмолвный герой: никто не знает (а главное, никого и не интересует), что он чувствует, о чем думает, как видит события, как переживает их... Но и без него при этом никак.

Классическим примером такого персонажа является гомеровская Бризеида. Именно со связанного с ней конфликта начинается «Илиада». Сюжет хрестоматиен: Хрис, благородный и почитаемый жрец Аполлона, пытается выкупить свою дочь Хрисеиду, попавшую в плен к ахейцам. Он предлагает в качестве выкупа щедрые дары, но Агамемнон отказывает:

Деве свободы не дам я; она обещает в неволе,
В Аргосе, в нашем доме, от тебя, от отчизны далеке –
Ткальный стан обходя или ложе со мной разделяя [2, с. 20].

Однако ему приходится уступить, так как Хрис заручается помощью Аполлона, готового вступить за своего жреца («Быстро с Олимпа вершин устремился,

пышущий гневом» [2, с. 20]), и, видя это, сподвижники Агамемнона убеждают его не гневить богов. Это практически бунт, и инспирирует его именно

Ахиллес, грозящий Агамемнону не только бедствиями, но и позором. Потому именно Ахиллес и фокусирует на себе ярость проигравшего в этом конфликте Агамемнона:

Сколько ни доблестен ты, Ахиллес, бессмертным подобный,
Хитро не умствуй: меня ни провесть, ни склонить не успеешь.
Хочешь, чтоб сам обладал ты наградой, а я чтоб, лишенный,
Молча сидел? И советуешь мне ты, чтоб деву я выдал?..

Пусть же меня удовольствуют новою мздою ахейцы,
Столько ж приятно сердцу, достоинством равною первой [2, с. 22].

Вот тут-то и завязывается сюжет. Агамемнон заменяет отданную наложницу новой, отнимая ее у Ахиллеса:

Требует бог Аполлон, чтобы я возвратил Хрисеиду;
Я возвращу, – и в моем корабле, и с моею дружиной
Деву пошлю; но к тебе я приду, и из кущи твоей Брисеиду
Сам увлеку... [2, с. 23].

Итак, Брисеида. Что же мы знаем о ней? Несмотря на значимость этой фигуры для сюжета, она даже упоминается не по имени (а звали ее Гипподамия), но как *Брисеида*, то есть дочь Бриса (как, впрочем, и Хрисеида – дочь Хриса, такой же прозрачный персонаж).

Формально Брисеида – в центре сюжета, именно вокруг нее и из-за нее завязывается главная коллизия повествования. Номинально Ахиллес даже прокламирует свое чувство к ней. Гомер заявляет об этом вполне определенно:

Я Брисеиду любил, несмотря, что оружием добыл! [2, с. 147].

Однако на деле спор из-за Брисеиды между Ахиллесом и Агамемноном не имеет никакого отношения не только к любви, но даже к желанию. Она лишь неделимый предмет конфликта, и в стремлении к обладанию ею нет ничего личного. Дело не только (и даже не столько) в том, что один инструмент сексуального удовлетворения заменяется другим, чьи личные качества не играют никакой роли (да и могут ли они быть у инструмента?!). Суть

в другом: отняв наложницу у Ахиллеса, посмеявшегося диктовать Агамемнону, как следует поступить, Агамемнон нарочито предъясняет свое властное превосходство над ним (архаический способ демонстрации власти, уходящий корнями в поведенческие фигуры стадных животных в иерархических сообществах). Последнее слово все же за ним, и Агамемнон говорит об этом совершенно открыто:

Гнев твой вмению в ничто; а напротив, грожу тебе так я...

...Сам увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понял,
Сколько я властью выше тебя, и чтоб каждый страшился
Равным себя мне считать и дерзко верстаться со мною! [2, с. 23].

Ситуация обретает дополнительную артикуляцию благодаря тому, что Брисеида фактически выступает как символ воинской доблести Ахиллеса, поскольку она не просто часть его военной добычи: «...ему как награду ее даровали ахей-

цы» [2, с. 25]. Ценность Брисеиды, таким образом, отнюдь не в ней самой: она – знак признания ахейцами высокого статуса Ахиллеса. Именно так он и описывает ситуацию – не как утрату, а как обиду:

...недавно ко мне приходили послы и из кущи
Брисову дочь увели, драгоценнейший дар мне ахейн! [2, с. 28].

Так что дело совсем не в наложнице, противостояние гораздо глубже:

Робким, ничтожным меня справедливо бы все называли,
Если б во всем, что ни скажешь, тебе угождал я, безмолвный.

Требуй того от других, напыщенный властительством; мне же
Ты не приказывай: слушать тебя не намерен я боле! [2, с. 26].

Что в этих разборках какая-то Брисеида!

Да, Ахиллес страдает, но его страдания – из-за утраты не возлюбленной, а символического трофея,

которого его лишили несправедливо, а потому в нем говорит не боль разлуки, но гнев и негодование. Так, он жалуется матери:

Гордый могуществом царь, Агамемнон, меня обесчестил:
Подвигов бранных награду похитил и властвует ею! [2, с. 27].

Как точно подмечает А. Ипполитов, «после возвращения, когда все амбиции Ахилла оказались удовлетворены, Брисеида стала безразлична и Гомеру, о ее дальнейшей судьбе мы ничего не знаем»¹.

Прозрачного героя не следует путать с феноменом «бестелесного голоса» (о таком персонаже говорил в свое время К. Л. Мак-Кинли [3, р. 19–20]), напротив, прозрачный герой именно голоса-то и не имеет (не то чтобы он был его лишен (для этого надо было бы иметь его изначально), а голос для него – даже не модус). Но интересно, что бессубъект-

ный и в этом смысле *безлично прозрачный* герой физически как раз отнюдь не прозрачен, не бестелесен, напротив, он воспринимается именно (но и только!) как предмет в пространстве: Брисеиду швыряют из шатра в шатер, от одного к другому, посланники Агамемнона ее просто *уводят*. Понятно, что никто не спрашивает о ее намерениях (их просто не может быть) и желаниях (кто будет на них оглядываться?!), но даже и чувства ее по поводу происходящего остаются за кадром. Вот как, по описанию Гомера, отдает Ахиллес Брисеиду послам Агамемнона:

За руку вывел из сени прекрасноланитую деву,
Отдал послам; и они удаляются к сениям ахейским;
С ними отходит печальная дева [2, с. 27].

Ни слезы, ни мольбы, ни жалобы... Молча принимает она новый поворот судьбы: просто «отходит», перемещается в пространстве.

Более того, даже в качестве предмета в пространстве прозрачный герой выпадает из естественных и вроде бы универсальных процессов. Так, коль скоро моральный приоритет на стороне Ахилла, значит, итог конфликта должен быть таким, чтобы он не понес никакого урона, иначе как же с космической справедливостью?! Потому Агамемнон, отправляя к Ахиллесу посланцев с просьбой вновь принять участие в боях, посылает не только дары, но и обещание вернуть Брисеиду девственной. То обстоятельство,

что до этого она была наложницей самого Ахилла, в расчет не берется. Более того, без внимания остается даже тот факт, что до пленения она была женой Мина, царя Лирнесса, побежденного Ахиллом. Всем этим можно пренебречь: важно лишь то, что Ахиллесу (как значимому герою!) ущерб не нанесен.

Важно отметить, что все это вовсе не происходит из того обстоятельства, что речь идет о раннем периоде истории, когда средства литературного описания чувств были еще недостаточно развиты. Ничего подобного! В той же «Илиаде» чувства между Ахиллесом и Патроклом описаны мощно и ярко, вплоть до выраженного желания лежать в одной могиле:

Кости мои, Ахиллес, да не будут розно с твоими;
Вместе пусть лягут, как вместе от юности мы возрастали [2, с. 357].

И это не просто поэтический прием. Именно в таком контексте Аполлодор сообщает о смерти Ахилла: «Похоронили его на Белом острове вместе с Патроклом, смешав их кости» [4, с. 86]. Смерть Патрокла

вызывает у Ахилла безумные страдания, своими скорбными речами «во всех возбудил он желание плакать» [2, с. 358]. Ахилл обращается к призраку Патрокла:

«...Радостно все совершу и исполню, как ты завещаешь.
Но приблизься ко мне, хоть на миг обоймемся с любовью
И взаимно с тобой насладимся рыданием горьким!»
Рек, – и жадные руки любимца обнять распростер он [2, с. 357].

И это при том, что в Древней Греции существовал запрет на прикосновение к мертвому телу, которое считалось оскверняющим... Так что сильное чувство заставляет Ахиллеса нарушить ритуальную

чистоту, и это не вызывает у Гомера ни малейшего осуждения. Да и в целом чувства Ахиллеса – и гнев, и негодование, и скорбь – описаны весьма выразительно:

Бросил друзей Ахиллес, и далеко от всех, одинокий,
Сел у пучины седой, и, взирая на понт темноводный,
Руки в слезах простирает... [2, с. 27].

А уж сила и накал его страстей мыслятся столь неистовыми, что живописать их, как мы знаем, достойна лишь богиня.

Дело даже не в том, что «...в пространстве гомеровской “Илиады”, наполненном грохотом оружия и стонами умирающих, женщине нет места. Хотя война началась из-за Елены, слабому полу теперь

остается только стоять на стенах или сидеть в шатрах и с ужасом ждать смерти мужей и возлюбленных. В случае поражения жен и дев поволокут в плен и будут делить по жребии»². Собственно, судьба Брисеиды именно так и сложилась. Важно другое: прозрачный герой, выступая фактически ключевым для сюжета, собственного статуса в этом сюжете не имеет

¹Ипполитов А. Брисеида и Фетида // Ренессанс : сайт. URL: <https://renesans.ru/anthology/09.shtml> (дата обращения: 11.09.2025).

²Там же.

(подобно нити в гавайском венке, которая, собственно, и создает венок, скрепляя цветы, но которая никогда не должна быть видна).

Прозрачные герои встречаются и позже, например, в одном из средневековых текстов – исторической хронике Саксона Грамматика «Деяния датчан», в частности в саге о Гамлете (источник XII в., к которому восходят многочисленные литературные вариации, включая версию У. Шекспира). Так, враги ютландского принца, желая проверить, действительно ли он безумен, или его мнимое сумасшествие – только тактическая уловка, готовят ему ловушку: «...для разоблачения его хитрости, говорили они, ничего не может быть лучше, как вывести ему навстречу в каком-либо уединенном месте красивую женщину, которая воспламенит его сердце любовным желанием. Ибо естественная склонность к любви столь велика, что скрыть ее искусно невозможно; эта страсть слишком пылка, чтобы быть преодоленной хитростью. Поэтому, если тупость его притворна, он не упустит случая и тотчас уступит порыву страсти» [5, с. 61].

Исходная посылка автора хроники (критерий здравомыслия: если не сексуальный маньяк, то душевнобольной) вполне подтверждается дальнейшими действиями Гамлета: «И вот он повстречался с женщиной, подосланной... и будто случайно оказавшейся на его пути в темном месте, и овладел бы

ею, не подай ему безмолвно его молочный брат знака о ловушке... Встревоженный подозрением о засаде, он обхватил девушку и отнес подальше к непроходимому болоту, где было безопаснее. Насладившись любовью, он стал просить ее весьма настойчиво никому не говорить об этом» [5, с. 62–63]. Отрывок не только демонстрирует средневековую редукцию секса к бесконтрольному животному импульсу (имплицитно предполагается, что если человек не сумасшедший, то в любой момент времени его интерес только на коитус и направлен). Кроме того, здесь явно наблюдается фигура прозрачного героя.

О Гамлете сказано много: анализируются и его здравомыслие, и сексуальные желания, и наслаждения, и хитрость; он живой человек с мыслями и пусть не с чувствами, но хотя бы с эмоциями и страстями. Женщина же в описанной ситуации предстает неодушевленным перетаскиваемым предметом: и ее состояние, и отношение к происходящему начисто отсутствуют в сюжете. А это показательно, поскольку в заключении эпизода раскрывается причина, по которой девушка соглашается хранить молчание: «...в детстве у обоих были одни и те же попечители, и эта общность воспитания соединила тесной дружбой Гамлета и девицу» [5, с. 63]. Однако это, казалось бы, существенное обстоятельство всплывает чисто случайно на периферии сюжета. Синдром Брисеиды...

Не только вдалеке

Может сложиться впечатление, что синдром Брисеиды касается только женских персонажей и является следствием (и проявлением) традиционного антифеминизма (неслучайно один из томов монументального гендерного исследования «История женщин на Западе» носит название «Молчание Средних веков» [6]). Однако это не так: прозрачным персонажем может быть и мужской.

Столь же ошибочным было бы счесть, что прозрачный герой – феномен, встречающийся только в далеких от нас по времени текстах. С тем же успехом мы можем обнаружить его и в современной литературе, например в постмодернистском романе «Черный принц» А. Мёрдок [7]. В этом контексте важно уточнить, что не следует путать описываемого нами *прозрачного героя* со столь популярным феноменом постмодернистской литературы, как *смерть субъекта*, который проходит красной нитью через все повествование А. Мёрдок, но в нашем исследовании имеет вторичное значение.

А. Мёрдок раскрывает всю возможную палитру трансформаций и интерпретаций *прозрачного героя*, используя для этого в качестве трафарета греческую мифологичность. Так, в самом начале романа А. Мёрдок предлагает читателю предисловие от имени главного героя произведения – Брэдли Пирсона, который сам является писателем и от лица которого и ведется

все повествование. Начиная повествование его словами «Хотя прошло уже несколько лет со времени описываемых... событий, рассказывая о них, я воспользуюсь новейшим повествовательным приемом, когда прожектор восприятия переходит от одного настоящего мгновения к другому, памятуя о минувшем, но не ведая предстоящего» [7, с. 7], А. Мёрдок подводит к тому, что читателю предстоит прочитать своего рода псевдомемуары главного героя. Только вот внимательный читатель заметит, что перед предисловием стоит подпись «Издатель, Ф. Локсий». Это и есть тот самый *прозрачный персонаж*.

Ф. Локсий номинально фигурирует (как *издатель*) перед предисловием, написанным от имени главного героя – Брэдли Пирсона, и в послесловиях в заключительной части произведения, которых, к слову, четыре – от каждого из действующих лиц и того самого *издателя*. Так, описав смерть главного персонажа в тюремной камере, А. Мёрдок, помимо послесловия от имени *главного героя (автора)*, также предлагает четыре послесловия от имен четырех героев произведения (*четыре послесловия четырех действующих лиц*), а также послесловие Ф. Локсия – посмертно издавшего его последнее произведение (*послесловие издателя*) [7, с. 553–605], которые в корне отличаются от видения описанной главным героем ситуации в романе.

Здесь А. Мёрдок сыграла с нами злую шутку, не только оставив открытую концовку (и даже не одну!) для читательской интерпретации, но и предложив варианты (в свою очередь, тоже незавершенные), тем самым еще больше завуалировав *прозрачного* героя. Другими словами, увеличив транспарентность финальной части произведения, А. Мёрдок сделала персонажа Ф. Локсия еще более *прозрачным*.

Следует уточнить, что *прозрачность* персонажа Ф. Локсия заключается не только в его *отсутствии* на протяжении всей основной повествовательной части. По задумке автора, именно Ф. Локсий посмертно опубликовал *рассказ о любви*, пытаясь тем самым восстановить честь и репутацию несправедливо обвиненного Брэдли Пирсона.

Ф. Локсий – загадочный и на первый взгляд никак не влияющий на сюжет персонаж. Эта загадочность и сложность для интерпретации скрывают от читателя истинную суть происходящего в романе; даже сами действующие лица не могут в точности сформулировать, кем он на самом деле является: известным писателем, который претендует на издание воспоминаний преступника; близким приятелем главного героя, сочувствующим, но не в состоянии как-либо ему помочь; образом, сформированным фантазиями душевнобольного, который в сознании главного героя является инструментом замещения произошедших событий...

Образ Ф. Локсия, как и многие другие образы А. Мёрдок, амбивалентен (как минимум!): в персонаже изначально заложена мифологическая двой-

ственность аполлонического характера, что подтверждается, с одной стороны, инициалом Ф. (Феб («светлый») – одно из имен Аполлона, означающее покровительство благу и порядку), а с другой – фамилией *Локсий* (Локсий («темный») – одно из имен Аполлона, означающее приверженность предсказаниям и провидящему взору сквозь тьму неизвестности). Это оппозиция темного и светлого, разрушения и созидания, дьявольского и божественного.

Соответственно, рассуждая о роли Ф. Локсия в жизни Брэдли Пирсона и учитывая тот факт, что именно он завуалированно подталкивает главного героя к писательству, к вновь открывшемуся вдохновению, к любви через страдания и в конечном счете к смерти, можно сделать вывод: Ф. Локсий – это элемент души самого Брэдли Пирсона, ее дьявольская часть, искушение, побуждающее его к созиданию, которое непременно ведет к разрушению, к смерти физической, но никак не духовной (мемуары, оставленные после смерти, – тому подтверждение). Танатос, в конце концов... Более того, роль Ф. Локсия – роль серого кардинала всего повествования, которое заключено в его собственную рамочную структуру, внутри которой все герои и события выглядят марионеточно. Ох уж этот кукловод Локсий!..

Таким образом, персонаж Ф. Локсия в произведении «Черный принц» А. Мёрдок, с одной стороны, в полной мере соответствует концепции *прозрачного героя*, а с другой – наглядно демонстрирует, что *синдром Брисеиды* может быть отнесен и к мужскому персонажу.

Взгляд ниоткуда: новый опыт

Наряду со сказанным в ходе развития литературной традиции тексты порождают и удивительный феномен: подобно тому как фильмы, снятые на черно-белую пленку, посредством цифровых технологий делают цветными, так и классические сюжеты получают новые реконструкции, в которых прозрачный герой выходит из тени безличности, проступает из фона, обретая голос, а с ним – выражение чувств и мыслей. Бессубъектный персонаж становится личностью.

Тенденция сложилась не сегодня: первый опыт в этом направлении принадлежит Овидию. Опыт первый и поразительный в своей интенции дать голос прозрачным героям, поскольку подобная (сознательно поставленная!) цель никак не коррелировала с общекультурным контекстом Древнего Рима. (Справедливости ради надо заметить, что веком раньше римский поэт Луций Акций пишет трагедию под названием «Брисеида», но поскольку этот текст не сохранился, то нет оснований предполагать, что роль Брисеиды в нем выходит за рамки формально-функционального завязывания сюжетного конфликта.)

Около 5 г. до н. э. Овидий пишет цикл стихотворений «Героиды», которые представляют собой письма, написанные им от имени женщин, фигурирующих в известных мифах. В их числе полный отчаяния зов Дидоны к уплывающему от нее Энею; упреки Ариадны Тесею, уступившему ее Дионису; печальные слова Пенелопы Одиссею; страстные признания Федры Ипполиту, не ответившему на ее любовь; полные назревающей ярости страдания Медеи, покинутой Ясоном; горечь Деяниры из-за измены Геракла и т. д. Среди них и горестное письмо Брисеиды Ахиллему, который без борьбы отдал ее другому («Пишет тебе Брисеида письмо, уведенная силой» [8, с. 86]). Всего их 15, и они полны чувств, переживаемых женщинами, открыто ими выражаемых и отлитых в форме эпистолярного жанра. Это голос доселе прозрачного и безголосого не-субъекта, впервые зазвучавший из ниоткуда.

Так, Брисеида у Овидия не бессловесный приз – она в полной мере обретает голос. И, видит Зевс, ей есть что сказать: она уже не безличная полонянка, напротив, именно ее чувства и переживания – в фокусе внимания. Брисеида не просто глубоко оскорбленная, но и (это главное) любящая женщина, обращающая

к Ахиллесу целую гамму чувств. Собственно, можно говорить о полной палитре. Здесь и робкие намеки («Видишь, слова расплылись? Сюда мои слезы упали» [8, с. 86]), и прямой укор («В том, что меня увели, едва захотел Агамемнон, / ...в этом виновен и ты» [8, с. 86]), и горькие сетования («Почему же / Медлит твой гнев и меня ты не потребуешь вновь?» [8, с. 87]), и мука разлуки («Сколько ночей мы врозь провели!» [8, с. 87]), и открытая экспрессия горя («Волосы только рвала и слезы лила бесконечно» [8, с. 86]), и нестерпимая боль («Сразу дыхание и кровь остановились в груди» [8, с. 88]), и жестокая ревность («Думают все, ты грустишь – а ты неразлучен с кифарой, /

Ночью подруга тебя нежит на теплой груди» [8, с. 89]), и сладкие воспоминания («...ты клялся божественной силой / И говорил мне, что в плен взяли на счастье меня» [8, с. 87]), и мечта о воссоединении («Я для твоих кораблей груз нетяжелый, поверь!» [8, с. 88]), и готовность к борьбе за свои чувства («Я порывалась не раз обмануть сторожей и вернуться» [8, с. 86]), и всепоглощающая полнота любви («Ты мне всех заменил, ты один возместил все потери, / Ты господином моим, мужем и братом мне был» [8, с. 87]), и невероятная смиренная покорность («Я не сержусь: не мне притязать на имя супруги, / Лишь как хозяин рабу, звал ты на ложе меня» [8, с. 89]).

Овидий прослеживает каждый поворот мысли Брисеиды:

Не как за мужем жена, а как пленница за господином
Я поплыву за тобой: пряхь ведь умею и я.
В спальню вступит твою – ну и пусть! – жена молодая...
Мы же, служанки твои, смиренно будем стараться,
Чтобы из полных корзин шерсть убывала быстрее.
Лишь бы мне не пришлось от нее натерпеться обиды:
Как, я не знаю, но мне будет жена твоя мстить.
Только бы ты не глядел равнодушно, как волосы рвут мне,
Не говорил бы, смеясь: «Нашей и эта была!»
Нет, как хочешь гляди – лишь бы здесь ты меня не покинул!
Этот больше всего мучит несчастную страх [8, с. 88].

А сколь экспрессивна клятва, которой Брисеида убеждает Ахиллеса в своей верности:

Душами братьев клянусь – для меня они стали богами,
Пав за отчизну в бою, вместе с отчизною пав,
И головою твоей, что с моею рядом лежала,
И острием твоих стрел, ведомых близким моим, –
Ложа ни разу со мной не делил властитель микенский! [8, с. 88].

Если у Гомера пафос высокого чувства был prerogative исключительно мужчины, поскольку лишь он является субъектом любви, а женщина в лучшем случае – объект (собственно, еще в XIX в. говорили

о предмете страсти), то у Овидия Брисеида именно любит. Не только в том смысле, что она верна и покорна, – без любимого Брисеида не мыслит и самой жизни:

Если же ты пресытился мной, если больше не любишь,
Не заставляй без тебя жить – прикажи умереть.
Все оставь лишь, как есть, – и умру! Ведь и так я иссохла,
Только надеждой одной держится в теле душа.
Если надежды лишусь, отойду я к мужу и братьям;
Не заставляй умереть женщину, славный герой! [8, с. 90].

Это уже не просто эмоции, это – любовь во всех оттенках чувства.

Но Овидий идет еще дальше: в его тексте Брисеида обретает не только чувства, но и идеи, убеждения, ста-

новьясь – в полисном масштабе – личностью, в полной мере наделенной гражданским сознанием. Она негативно оценивает самоустранение Ахиллеса от участия в битвах и призывает его исполнить свой воинский долг:

Гнев победы в душе у себя, ты, всегда побеждавший,
Гектору долго ль еще силы данайцев громить?
Меч возьми, Эакид, но раньше возьми Брисеиду!
Марсом ведомый, гони в страхе бегущих врагов!
Скорби причина твоей, пусть я же ей буду пределом,
Из-за меня начался – мною и кончится гнев [8, с. 88].

И, как мы знаем, так и получилось: Ахиллес перенаправил свой гнев с Агамемнона на троянцев, чем и обеспечил победу. По сообщению Аполлодора,

«Ахиллес оставил свой гнев и получил Брисеиду» [4, с. 86]. Как пишет Р. Р. Грейвс, «...Ахилл надел доспехи, помирился с Агамемноном, который вернул

ему девственную Брисеиду, поклявшись, что взял ее из-за гнева своего, а не похоти ради. Теперь Ахилл был готов мстить за Патрокла. Никто не мог устоять против его *гнева* (курсив наш. – М. М., К. С.). Троянцы дрогнули и бежали...» [9, с. 723–724].

Иногда «Героиды» рассматриваются как своего рода оттачивание Овидием поэтического мастерства. Несомненно, здесь есть определенный игровой момент, поскольку наблюдается основной из формальных признаков игры – бесконечная вариативность ситуаций в рамках жестко заданных правил, повторяющегося канона (а все письма на одну-единственную тему – жалоба отвергнутой влюбленной женщины). Как восхищенно отмечает М. Л. Гаспаров, «нарочно обрежь себя на самоповторение и все-таки ни разу не повториться – в этом весь Овидий» [10, с. 181–182]. Но по степени новизны и культур-

ной значимости это совсем не игрушка-безделица! И фраза *немой заговорил* была бы куда уместнее в отношении «Героид», чем в отношении появления звука в кинематографе! Это принципиально новый поворот: впервые показана даже не женщина в водовороте Троянской войны, но Троянская война глазами женщины (и отчего феминистки не празднуют день рождения Овидия?!). Но и еще шире: он был первым, кто вообще сумел увидеть события глазами прозрачного героя. Овидий первым сделал этот ход и тем самым открыл дорогу другим, заложив традицию восстановления (моделирования) голосов доселе молчавших героев.

Это целая традиция – от Древнего Рима до современности. И если говорить именно о Брисеиде, то уже Секст Проперций, современник Овидия, пишет о ней в этом, новом ключе:

И Брисеида, обняв бездыханное тело Ахилла,
Горестно белую грудь била безумной рукой...
Волосы пеплом себе покрыла она и Ахилла
Мощные кости своей слабой рукой подняла [11, с. 304].

Это не так глубоко, не так тонко и экспрессивно, как у Овидия. Скорее, речь идет не о самих чувствах, а об их внешних проявлениях: посыпала голову пеплом, находилась в таком пограничном эмоциональном состоянии, что смогла проявить несвой-

ственную женщине физическую силу. Но появляется и другое: уже зафиксированные литературно чувства героинь мифологических сюжетов становятся своего рода мерилем, позволяющим в сравнении оценить силу чувств других. Так, у того же Секста Проперция:

Что же ты плачешь сильнее Брисеиды отобранной? Что ты,
Робкая духом, грустишь, как Андромаха в плену? [12, с. 327].

С определенной долей условности можно сказать, что эти попытки античных авторов увидеть события глазами литературных (уже не только мифологических) героев – своего рода протоинтертекстуальность, фактически уже зачаточно постмодернистская (хоть и возникшая за 20 веков до постмодерна) реакция текстов на тексты. В качестве примера современного моделирования внутреннего мира прозрачных героев можно привести цикл стихотворений «Пена Эгейского моря» А. Беcko. Все они посвящены античным героям: Данае, Леандру, Адмету, Пигмалиону и многим другим; среди прочих – и Брисеиде. Жанр некоторых стихотворений (например, стихотворения, написанного от имени

Эвридики) автор обозначает как «внутренний монолог» [13, с. 59]. Именно сознание некогда прозрачного персонажа становится содержательным и эмоциональным эпицентром повествования.

Например, в античном восприятии судьба Эвридики выступала лишь обрамлением (в литературоведческом значении – завязка и конец сюжета) судьбы Орфея. В противоположность этому у А. Беcko Эвридика предстает субъектом в исчерпывающем смысле этого слова: она уже не жертва нетерпения оглянувшегося Орфея, напротив, именно Эвридика оказывается главным действующим лицом, автором происходящего, свершающим подвиг спасения. Это именно она:

Бестелесность... бессловесность...
беспросветность... век бы шла
в неизбывность, в неизвестность...
оглянулся... довела... [13, с. 60].

Аналогично стихотворение «Брисеида. Плач по Ахиллу» – экспрессивный гимн всепоглощающей любви:

Я с тобой до ржавых глин...
помни жаркие ладони,
ночи, синева бездонней...
я – одна и ты – один...
Мне не знать иных имен –
лишь твое, что ветер носит,
рот мой немо произносит...
это имя – вне времен... [13, с. 101].

Чувства выведены на передний план, подробно описаны, и их детализированность, подчеркнутая назывными гештальтами, не скрывает ни одного оттенка разлуки, тоски и одиночества:

Жалоба бездомных губ,
одичалых и голодных,
пьяных от тебя, свободных...
как губам ты этим люб!..
В крик изодрана гортань...
по тебе и очи слепнут... [13, с. 101].

Персональная цельность персонажа достигает уровня осознающей себя индивидуальной уникальности:

Будешь ты стрелой сражен...
будет город в прах сожжен...
но не будет, боги, равной
мне, счастливейшей меж жен... [13, с. 101].

Для современной литературы описанная тенденция – видеть в каждом персонаже человека, полноценную личность – выступает как естественная. Сейчас это разумеется само собой.

Что касается конкретно Брисеиды, то ее персоналиту дань отдана сполна: ее именем даже назван астероид³. Но это уже в XX в. А вот Овидий, Овидий!..

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что фигура прозрачного героя обнаруживается как в классической, так и в современной литературе, причем подобный персонаж может быть разным, будучи не заданным жестко ни в гендерно-антропологическом, ни в социокультурном измерении. Вместе с тем в истории культуры имеет место и такая альтернативная тенденция, как возвратное обретение прозрачным

героем собственного голоса. Это происходит за счет реакции более поздних авторов на предшествующие (ставшие классическими) произведения: герой эксплицирован из контекста (выведен из тени) и наделен остро персонифицированными характеристиками. Это может быть оценено как своего рода предтеча интертекстуальной парадигмы (реакция текста на текст), которая формируется задолго до постмодерна.

Библиографические ссылки

1. Арендт Х. Ситуация человека. Разделы 24–26 главы V. *Вопросы философии*. 1998;11:131–141.
2. Гомер. *Илиада*. Москва: Государственное издательство художественной литературы; 1960. 436 с.
3. McKinley KL. *Reading the Ovidian heroine: «Metamorphoses» commentaries 1100–1618*. Leiden: Brill Publishers; 2001. 187 p. (Mnemosyne. Supplementum).
4. Аполлодор. *Мифологическая библиотека*. Боровский ЯМ, редактор. Ленинград: Наука; 1972. 216 с. (Литературные памятники).
5. Саксон Грамматик. Деяния датчан. В: Пуришев БИ, составитель. *Зарубежная литература средних веков*. Москва: Просвещение; 1974. с. 60–68.
6. Клапеш-Зубер К, редактор. *История женщин на Западе. Том 2, Молчание Средних веков*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2009. 512 с. (Гендерные исследования).
7. Мёрдок А. *Черный принц*. Москва: Эксмо; 2012. 672 с.
8. Овидий. *Элегии и малые поэмы*. Москва: Художественная литература; 1973. Героиды; с. 79–147.
9. Грейвс РР. *Мифы Древней Греции*. Москва: Иностранка; 2014. 832 с. Совместно с издательством «Азбука-аттикус».
10. Гаспаров МЛ. *Избранные труды. Том 1, О поэтах*. Москва: Языки русской культуры; 1997. Овидий, или Наука доброты; с. 165–191.
11. Секст Проперций. «Тем, кем он стал...». В: Валерий Катулл, Альбий Тибулл, Секст Проперций. *Валерий Катулл. Альбий Тибулл. Секст Проперций*. Апт С, Грабарь-Пассек М, Петровский Ф, Тахо-Годи А, Шервинский С, редакторы. Москва: Художественная литература; 1963. с. 304–305 (Библиотека античной литературы. Рим).
12. Секст Проперций. «Что же ты плачешь сильнее...». В: Валерий Катулл, Альбий Тибулл, Секст Проперций. *Валерий Катулл. Альбий Тибулл. Секст Проперций*. Апт С, Грабарь-Пассек М, Петровский Ф, Тахо-Годи А, Шервинский С, редакторы. Москва: Художественная литература; 1963. с. 327–328 (Библиотека античной литературы. Рим).
13. Бецко АМ, Черкашин ПР. *Пена Эгейского моря: корабль стихотворений*. Роли: Лулу; 2015. 184 с.

Статья поступила в редколлегия 20.10.2025.
Received by editorial board 20.10.2025.

³Schmadel L. D. Dictionary of minor planet names. 5th ed. N. Y. : Springer, 2003. 992 p.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.477-053.6(476-25)(512.317)

ТРАЕКТОРИИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ БЕЛОРУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ МИНСКА И ГОНКОНГА

ЧЖАО ЮАНЬЛУН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. На основе данных международного социологического опроса, проведенного по методологии исследовательской программы «Поколения и гендер», проанализирован календарь основных биографических событий в жизни условных поколений молодежи Минска и Гонконга в возрасте от 20 до 39 лет включительно. Определены возрастная динамика и распространенность следующих событий: сепарации от родителей, начала трудовой деятельности, вступления в отношения с постоянным партнером, начала совместного проживания с партнером, вступления в брак, рождения ребенка. Выявлен высокий уровень сходства траекторий жизненного пути белорусской и китайской городской молодежи по таким характеристикам, как ранняя сепарация от родителей и начало трудовой деятельности. В то же время отмечены значительные различия с точки зрения вступления в брак и рождения ребенка: эти события были характерны для большинства представителей белорусской городской молодежи и в среднем наступали в возрасте до 30 лет, тогда как среди китайской городской молодежи они оказались распространены в гораздо меньшей степени и если происходили, то ближе к 40 годам.

Ключевые слова: жизненный путь; жизненная траектория; городская молодежь; сепарация от родителей; трудовая деятельность; матримониальное поведение; репродуктивное поведение.

Образец цитирования:

Чжао Юаньлун. Траектории жизненного пути белорусской и китайской городской молодежи на примере жителей Минска и Гонконга. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2025;4:83–93. EDN: PNKLCU

For citation:

Zhao Yuanlong. Life trajectories of Belarusian and Chinese urban youth on the example of residents of Minsk and Hong Kong. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2025;4:83–93. Russian. EDN: PNKLCU

Автор:

Чжао Юаньлун – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Л. В. Филінская.

Author:

Zhao Yuanlong, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. z.bestdragon5@gmail.com

LIFE TRAJECTORIES OF BELARUSIAN AND CHINESE URBAN YOUTH ON THE EXAMPLE OF RESIDENTS OF MINSK AND HONG KONG

ZHAO YUANLONG^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article analyses the calendar of key biographical events in the lives of hypothetical generations of young people aged 20 to 39 in Minsk and Hong Kong based on the data of the international sociological survey using the methodology of the Generations and Gender Programme. The age dynamics and prevalence of the following events were determined: separation from parents, start of work, entering into a relationship with a regular partner, start of cohabitation with a partner, marriage, birth of a child. A high level of similarity was revealed in the life trajectories of Belarusian and Chinese urban youth in such characteristics as early separation from parents and start of work. At the same time, significant differences were observed in terms of marriage and the birth of a child: these events were typical for the majority of representatives of Belarusian urban youth and, on average, occurred before the age of 30, whereas among Chinese urban youth they were much less common and, if they occurred, then closer to the age of 40.

Keywords: life course; life trajectory; urban youth; separation from parents; labour activity; matrimonial behaviour; reproductive behaviour.

Введение

В современной социологической теории понятие «жизненный путь» рассматривается в качестве самостоятельного социального института, который задает общественно одобряемые стандарты приобретения человеком социальных ролей и статусов в тесной привязке к его биологическому возрасту. В каждом обществе существует своя модель возрастных ожиданий, являющаяся неотъемлемой частью культуры устройства взрослой жизни. На практике такие ожидания оказываются скорее предписаниями наиболее важных биографических событий, которые довольно сильно влияют на поведение людей [1, с. 90]. Таким образом, для социологии понятие «жизненный путь» это не пространство возможностей для самореализации личности, а, по определению Д. П. Хогана, «социально заданная, соотношенная с возрастом последовательность стадий жизни индивида от рождения до смерти, связанная с возрастными изменениями (взрослением), организацией социальных ролей и воспроизводством» (цит. по [2, с. 73]).

Рассматривая жизненный путь как социальный институт, необходимо отметить его тесную связь со структурой ценностей конкретного общества. «Нормативное расписание» событий жизненного пути включает только значимые в определенном обществе события. Так, если в конкретном обществе вступление в брак считается важным условием для оценки человека как взрослого, успешного и (или) серьезного члена общества, то «нормативное расписание» событий жизненного пути четко регламентирует наиболее подходящий возраст для приобретения социального статуса мужа либо жены. В результате на молодых людей оказывает-

ся существенное социальное давление (со стороны друзей, родственников, средств массовой информации и т. д.) в случае отставания от «нормального графика» вступления в брак, а тем более отсутствия в жизни такого события.

Институциональные рамки жизненного пути определяются не только иерархией ценностей, но и степенью жесткости социальной структуры, которая задает границы возможного выбора модели жизненного пути. Так, если в более традиционных обществах многие сферы частной жизни находятся под значительным коллективным контролем, то по мере движения к индустриальному и постиндустриальному обществу все больше аспектов частной жизни перемещаются в область индивидуального выбора отдельного человека [3, с. 14]. Исходя из этого, ряд авторов акцентируют внимание на ускоряющейся тенденции к снижению нормативной связанности жизненного пути как социального института [4, с. 64].

Стоит отметить, что в настоящее время, помимо развития теоретических концепций жизненного пути, наблюдается устойчивое увеличение количества эмпирических исследований и, соответственно, публикаций, основанных на анализе большого массива данных. Если ранее такие исследования носили скорее локальный характер (по крайней мере, в Китае и странах СНГ), то сегодня реализуются крупные международные проекты, позволяющие проводить межстрановые сравнения, реконструируя историю жизни целых поколений. Примером такого проекта является исследование «Поколения и гендер», в котором участвовала 31 страна, включая Беларусь и специальный административный район Гонконг

(Китай)¹ [5]. Особенность указанного проекта состоит в открытости информации для исследователей всего мира, что предоставляет большие возможности для практической реализации подходов к изучению данных, основанных на методологии анализа жизненного пути.

Целью настоящей работы стал сравнительный анализ календаря основных событий в траекториях жизненного пути молодежи Беларуси и Китая. Поскольку в Китае исследование «Поколения и гендер» проходило только в Гонконге, численность населения которого превышает 7 млн человек, то

сравнительный анализ был проведен лишь с белорусской молодежью, проживающей в Минске, так как он наиболее сопоставим с Гонконгом по уровню развития городской среды. Методология исследования «Поколения и гендер» позволила провести сравнительный анализ наиболее значимых биографических событий в жизни молодежи, а именно сепарации от родителей, начала трудовой деятельности, вступления в отношения с постоянным партнером, начала совместного проживания с партнером, вступления в брак, рождения ребенка.

Методические комментарии

Как отмечалось выше, предметом настоящей работы выступают возрастные различия в наступлении основных биографических событий, с которыми ассоциируется переход индивида к состоянию взрослости. В качестве таких событий чаще всего рассматриваются завершение обучения и начало трудовой деятельности, уход из родительской семьи (сепарация), приобретение своего жилья, создание собственной семьи и рождение ребенка [3, с. 16].

Эмпирической базой для анализа соответствующих событий выступают результаты социологических опросов в рамках исследовательской программы «Поколения и гендер» (*Generations and Gender Programme*, GGP). В Беларуси проведены две волны исследований – в 2017 и 2023 гг. В рамках первой волны опрошено около 10 тыс. респондентов в возрасте от 18 до 79 лет, в рамках второй волны – 2700 респондентов, в том числе 2129 респондентов из выборки исследования первой волны. В Китае опрос был проведен только один раз, в 2023 г., и охватил лишь специальный административный район

Гонконг, в нем приняли участие 4550 респондентов в возрасте от 19 лет до 61 года.

Как отмечалось выше, Гонконг является одним из крупнейших городов мира, в связи с чем прямое сопоставление социологических данных по этому населенному пункту с социологическими данными по всей Беларуси представляется не вполне корректным. Социально-экономические условия крупного города формируют особую среду взросления, указанный фактор нельзя игнорировать при проведении сравнительного анализа. В Беларуси только Минск может считаться наиболее сопоставимым с Гонконгом и, соответственно, подходящим для проведения таких сравнений. Однако подобное обстоятельство значительно ограничивает возможности использования результатов второй волны исследования в Беларуси. В частности, в 2023 г. в Минске было опрошено всего 258 респондентов в возрасте от 18 до 39 лет включительно. Для сравнения: в 2017 г. в Минске опрошено 1011 респондентов этого возраста, а в 2023 г. в Гонконге – 1843 респондента (табл. 1).

Таблица 1

Распределение респондентов по основным возрастным группам
в опросах, проведенных по методологии программы «Поколения и гендер», чел.

Table 1

Distribution of respondents by main age groups
in surveys conducted using the Generations and Gender Programme methodology, peoples

Город	Год опроса	Возрастная группа					Всего
		От 18 до 19 лет	От 20 до 24 лет	От 25 до 29 лет	От 30 до 34 лет	От 35 до 39 лет	
Минск	2017	71	207	262	257	214	1011
	2023	19	42	57	73	67	258
Гонконг	2023	36	244	389	528	646	1843

Объем выборки жителей Минска в возрасте от 18 до 39 лет в опросе 2023 г. не позволит обеспечить высокий уровень репрезентативности данных как по всей рассматриваемой совокупности, так и по отдельным возрастным группам в особенности. Для обес-

печения большей репрезентативности данных можно использовать результаты исследования 2017 г. Вместе с тем при таком подходе допускается 6-летний интервал между опросами в Минске и Гонконге. Однако, как отмечалось выше, институциональные

¹Generations and Gender Programme : website. URL: <https://www.ggp-i.org/> (date of access: 20.09.2023).

изменения жизненного пути обусловлены изменениями структуры ценностей, которые лежат в основе соответствующего института. В свою очередь, многочисленные эмпирические исследования ценностных ориентаций показывают их высокую устойчивость и инерционность. Заметные изменения в структуре ценностей формируются десятилетиями [6, с. 13]. Таким образом, выбирая между недостаточной репрезентативностью данных и смещением во времени на 6 лет, с учетом специфики исследуемого предмета целесообразно отдать предпочтение второму варианту и использовать результаты опроса 2017 г.

Кроме того, с точки зрения репрезентативности и сопоставимости социологических данных по Минску и Гонконгу необходимо рассмотреть возрастную группу респондентов от 18 до 19 лет. В первую очередь следует отметить, что в Гонконге опрос проводился с 19-летнего возраста. По этому основанию данные не вполне сопоставимы. Кроме того, как следует из табл. 1, и в Минске, и особенно в Гонконге для данной возрастной группы характерно крайне малое количество респондентов, что не позволяет рассчитывать на высокую точность и репрезентативность оценок количественных параметров. Во избежание возможных смещений целесообразно исключить эту возрастную группу из анализа данных.

Таким образом, сравнительный анализ жителей Минска и Гонконга будет проводиться по четырем возрастным группам, которые охватывают интервал от 20 до 39 лет включительно. Соответствующие возрастные группы будут рассматриваться как представители одного гипотетического (условного) поколения. Подобный подход позволит рассчитать для изучаемых совокупностей средние возрасты наступления анализируемых биографических событий. Расчет будет выполняться по методике, которая используется в демографической статистике для оценки среднего возраста рождения ребенка и среднего возраста вступления в брак. В соответствии с данной методикой формула для вычисления среднего возраста наступления определенного биографического события принимает следующий вид:

$$\bar{X} = \frac{\sum_{i=1}^k \bar{x}_i \cdot \Delta p_i}{P}, \quad (1)$$

где $\bar{X}$ – средний возраст наступления биографического события для условного поколения; $\bar{x}_i$ – середина i -го возрастного интервала; Δp_i – прирост доли положительных значений признака (доли респондентов, для которых событие наступило) в i -м возрастном интервале; P – доля респондентов, для которых событие наступило в самой старшей возрастной группе; k – количество возрастных групп.

Результаты исследования

Современные индустриальные и постиндустриальные общества характеризуются преобладанием нуклеарных домохозяйств. Расширенные семьи, предполагающие совместное проживание нескольких поколений взрослых родственников, по-прежнему распространены в отдельных регионах мира, для которых характерны аграрная экономика и проживание населения в сельской местности. Экономический уклад и особенности жилищных условий в современных крупных городах способствуют достаточно раннему уходу молодежи из родительской семьи и началу жизни в отдельном домохозяйстве. Результаты социологического опроса

демонстрируют, что молодежь Минска и Гонконга не является исключением из этого правила: в обоих городах наблюдается довольно ранняя сепарация молодых людей от родителей. Так, уже в самой молодой из анализируемых возрастных групп (от 20 до 24 лет) более половины респондентов (54 % в Минске и 61 % в Гонконге) проживают отдельно от родителей. К 40 годам доля молодых людей, проживающих отдельно от родителей, достигает примерно 80 % (табл. 2). Средний возраст сепарации от родителей, рассчитанный по формуле (1), в Минске составил 25,2 года, в Гонконге – 25,6 года.

Таблица 2

Структура основных возрастных групп молодежи Минска и Гонконга в зависимости от жилищных условий, %

Table 2

Structure of the main age groups of youth in Minsk and Hong Kong depending on housing conditions, %

Жилищные условия	Возрастная группа			
	От 20 до 24 лет	От 25 до 29 лет	От 30 до 34 лет	От 35 до 39 лет
<i>Минск</i>				
Проживание с родителями	46	32	30	22
Аренда жилья	33	28	21	17

Окончание табл. 2
Ending of the table 2

Жилищные условия	Возрастная группа			
	От 20 до 24 лет	От 25 до 29 лет	От 30 до 34 лет	От 35 до 39 лет
Владение жильем	21	40	49	61
В том числе:				
одна комната	3	10	12	7
две комнаты	8	16	19	23
три и более комнаты	10	14	18	31
<i>Гонконг</i>				
Проживание с родителями	39	37	27	17
Аренда жилья	37	37	34	34
Владение жильем	24	26	39	49
В том числе:				
одна комната	4	5	8	10
две комнаты	10	10	21	21
три и более комнаты	10	11	10	18

Объективным фактором сепарации от родителей является доступность отдельного жилья. Значимость данного фактора, как правило, возрастает с увеличением численности и плотности населения конкретного города. С учетом этих параметров вполне закономерно, что ситуация с доступностью жилья в Гонконге значительно более напряженная, чем в Минске. Так, в возрасте от 20 до 24 лет почти каждый третий опрошенный житель Минска и Гонконга вынужден арендовать жилье. Но если в Минске к 40 годам доля респондентов, проживающих в арендном жилье, снижается до 17 %, то в Гонконге она сохраняется на уровне 34 %. Соответственно, большая часть опрошенных жителей Минска (61 %) к 40 годам приобретают собственное жилье, тогда как в Гонконге это удается менее чем половине жителей (49 %). Вместе с тем для тех, кто все же приобрел собственное жилье, характерен примерно одинаковый средний возраст наступления этого события: 28,4 года в Минске и 28,5 года в Гонконге.

Кроме того, следует отметить значительные различия между респондентами из Минска и Гонконга с точки зрения характеристик приобретаемого в собственность жилья. Так, если в Минске к 40 годам наиболее типично владение жилым помещением с тремя и более комнатами (чуть более половины всех собственников жилья), то в Гонконге наиболее типичным является приобретение двухкомнатного жилья. Таким образом, к 40 годам собственным жильем с тремя и более комнатами владеют 31 % опрошенных жителей Минска и лишь 18 % опрошенных жителей Гонконга.

При всей значимости территориальной сепарации от родителей гораздо большую значимость с точки зрения взросления имеет переход от образовательной к полноценной самостоятельной трудовой деятельности. По этому признаку у респондентов из

Минска и Гонконга можно выделить как сходства, так и различия. Прежде всего необходимо отметить, что для опрошенных жителей Гонконга в среднем характерен более продолжительный период жизни, когда образование выступает основным видом деятельности. Так, 67 % респондентов из Гонконга в возрасте от 20 до 24 лет еще продолжают обучение. Среди минчан в этом возрасте продолжают учиться лишь 40 % опрошенных молодых людей. Однако и в Минске, и в Гонконге к 25-летнему возрасту более 90 % респондентов завершают основное обучение и переходят в сферу занятости (табл. 3).

Среди различных форм занятости как в Минске, так и в Гонконге доминирует работа по найму. Уже в возрасте от 25 до 29 лет такая форма занятости характерна для 69 % опрошенных жителей Минска и 81 % опрошенных жителей Гонконга. Меньший процент занятых по найму в Минске обусловлен прежде всего высокой долей молодежи (преимущественно из числа женщин), находящейся в отпуске по уходу за ребенком. В Минске в таком отпуске находятся 18 % респондентов в возрасте от 25 до 29 лет и 11 % респондентов в возрасте от 30 до 39 лет, тогда как в Гонконге подобная форма занятости в принципе отсутствует (см. табл. 3).

Среди других существенных различий в структуре занятости можно отметить более высокий уровень предпринимательской активности молодежи Гонконга. Так, если в Минске к 40 годам только 5 % респондентов осуществляют предпринимательскую деятельность, то в Гонконге к этому возрасту в число предпринимателей входят 12 % респондентов (см. табл. 3).

Рассчитанный по формуле (1) средний возраст начала трудовой деятельности в Минске составил 24,6 года, в Гонконге – 26,2 года.

Таблица 3

Структура основных возрастных групп молодежи Минска и Гонконга
в зависимости от экономической активности, %

Table 3

Structure of the main age groups of youth in Minsk and Hong Kong
depending on economic activity, %

Вид экономической активности	Возрастная группа			
	От 20 до 24 лет	От 25 до 29 лет	От 30 до 34 лет	От 35 до 39 лет
<i>Минск</i>				
Учеба	40	2	2	0
Работа по найму	49	69	77	75
Предпринимательская деятельность	4	7	6	5
Занятость в домохозяйстве	0	0	1	2
Отпуск по уходу за ребенком	4	18	11	11
Другое (безработные, инвалиды и т. п.)	3	4	3	7
<i>Гонконг</i>				
Учеба	67	7	1	0
Работа по найму	28	81	81	76
Предпринимательская деятельность	3	8	10	12
Занятость в домохозяйстве	1	2	6	10
Отпуск по уходу за ребенком	0	0	0	0
Другое (безработные, инвалиды и т. п.)	1	2	2	2

Наиболее значительные различия в траекториях жизненного пути молодежи Минска и Гонконга наблюдаются в сфере брачно-семейных отношений. Весомая разница жизненных стратегий и приоритетов выявлена уже при рассмотрении такого признака, как наличие постоянного партнера, т. е. человека, отношения с которым продолжаются по крайней мере 3 месяца. Так, в Гонконге более 70 % респондентов в возрасте от 20 до 24 лет не имеют постоянного партнера, и только после 30 лет наличие постоянного партнера стано-

вится характерным для большинства представителей молодежи этого города. В Минске отмечено более раннее начало отношений с постоянным партнером: в возрастной группе от 20 до 24 лет лишь 55 % респондентов не имеют партнера, а уже в следующей возрастной группе (от 25 до 29 лет) наличие партнера является типичным признаком для более чем 70 % респондентов (табл. 4). В результате средний возраст вступления в отношения с постоянным партнером в Минске составил 25,8 года, в Гонконге – 28,6 года.

Таблица 4

Структура основных возрастных групп молодежи Минска и Гонконга
в зависимости от брачного статуса, %

Table 4

Structure of the main age groups of youth in Minsk and Hong Kong
depending on marital status, %

Брачный статус	Возрастная группа			
	От 20 до 24 лет	От 25 до 29 лет	От 30 до 34 лет	От 35 до 39 лет
<i>Минск</i>				
Нет партнера	55	29	19	15
Есть партнер, но без сожительства	17	8	7	5
Сожительство без регистрации брака	13	7	7	10
Сожительство в зарегистрированном браке	15	56	67	70

Окончание табл. 4
Ending of the table 4

Брачный статус	Возрастная группа			
	От 20 до 24 лет	От 25 до 29 лет	От 30 до 34 лет	От 35 до 39 лет
<i>Гонконг</i>				
Нет партнера	73	59	39	28
Есть партнер, но без сожительства	23	23	18	10
Сожительство без регистрации брака	2	9	11	7
Сожительство в зарегистрированном браке	2	9	32	55

Аналогичная ситуация характерна и для событий, означающих переход к более тесным отношениям с партнером. Так, среди опрошенных жителей Минска в возрасте от 20 до 24 лет уже 28 % молодых людей проживают с партнером, среди опрошенных жителей Гонконга этого возраста – лишь 4 %. В возрастной группе от 25 до 29 лет сожительство с партнером характерно для 63 % респондентов из Минска и только для 18 % респондентов из Гонконга. Средний возраст начала совместного проживания с партнером в Минске составил 27,2 года, в Гонконге – 32,3 года.

Традиционная модель развития отношений с постоянным партнером, как правило, предусматривает вступление в официально зарегистрированный брак. Результаты исследования показывают, что для представителей минской молодежи такая модель является приоритетной, а регистрация брака относится к типичным событиям жизненного пути. В частности, в Минске более половины (56 %) респондентов в возрасте от 25 до 29 лет состоят в зарегистрированном браке, тогда как в Гонконге в брак вступают лишь 9 % опрошенных молодых людей этого возраста. Только в самой старшей из анализируемых возрастных групп (от 35 до 39 лет) более половины респондентов из Гонконга состоят в зарегистрированном браке, в то время как среди минчан этого возраста в браке находятся уже 70 % респондентов. Средний возраст вступления в брак в Минске составил 27,6 года, в Гонконге – 33,5 года.

Пожалуй, наиболее значимым по последствиям для образа жизни молодежи событием является рождение ребенка. Оно означает принятие на себя большой ответственности в связи с необходимостью обеспечить уход за несовершеннолетним и его воспитание. Забота о ребенке требует от родителей значительных временных и финансовых ресурсов. По этой причине в индивидуальных стратегиях жизненного пути рождение ребенка в большинстве случаев планируется уже после наступления всех остальных биографических событий, которые рассматривались в данной работе. С учетом указанного обстоятельства вполне закономерно, что для рождения ребенка характерен самый поздний средний возраст наступления этого события: 29,7 года в Минске и 34,6 года в Гонконге. Однако интерес представляет не только средний возраст рождения ребенка, но и распространенность данного события среди молодежи. Согласно результатам опроса рождение ребенка является типичным событием для большинства представителей минской молодежи: в возрасте от 25 до 29 лет хотя бы одного ребенка имеют 47 % респондентов, а к 40 годам – уже более 80 % респондентов. В Гонконге наблюдается принципиально иная ситуация: в возрасте от 25 до 29 лет только у 5 % опрошенных молодых людей есть ребенок, к 40 годам доля респондентов с детьми увеличивается лишь до 40 % (табл. 5).

Таблица 5

Структура основных возрастных групп молодежи Минска и Гонконга
в зависимости от количества детей, %

Table 5

Structure of the main age groups of youth in Minsk and Hong Kong
depending on number of children, %

Количество детей	Возрастная группа			
	От 20 до 24 лет	От 25 до 29 лет	От 30 до 34 лет	От 35 до 39 лет
<i>Минск</i>				
0	88	53	33	19
1	10	37	37	39
2	2	8	26	35
3 и более	0	2	4	7

Окончание табл. 5
Ending of the table 5

Количество детей	Возрастная группа			
	От 20 до 24 лет	От 25 до 29 лет	От 30 до 34 лет	От 35 до 39 лет
Гонконг				
0	99	95	83	60
1	1	3	12	22
2	0	2	4	15
3 и более	0	0	1	3

Таким образом, большинство жителей Гонконга отказываются от рождения детей. Среди тех, кто все же решился на такой шаг, более половины предпочитают остановиться на одном ребенке. В результате к 40 годам лишь 18 % респондентов из Гонконга имеют двух и более детей, тогда как в Минске доля таких респондентов превышает 40 %.

Анализ средних возрастов наступления ключевых биографических событий позволяет визуализировать календарь жизненного пути усредненного представителя молодежи Минска и Гонконга. Как видно из рис. 1, соответствующий календарь

значительно различается у жителей двух городов. Прежде всего следует отметить, что для минчан характерна большая плотность событий: весь период «транзита» во взрослую жизнь охватывает интервал от 24 до 30 лет. В свою очередь, у жителей Гонконга типичный возрастной интервал такого «транзита» продлевается практически до 35 лет. Основной вклад в увеличение возраста перехода во взрослую жизнь вносят три события, связанных с созданием собственной семьи, – начало совместного проживания с партнером, вступление в брак, рождение ребенка.

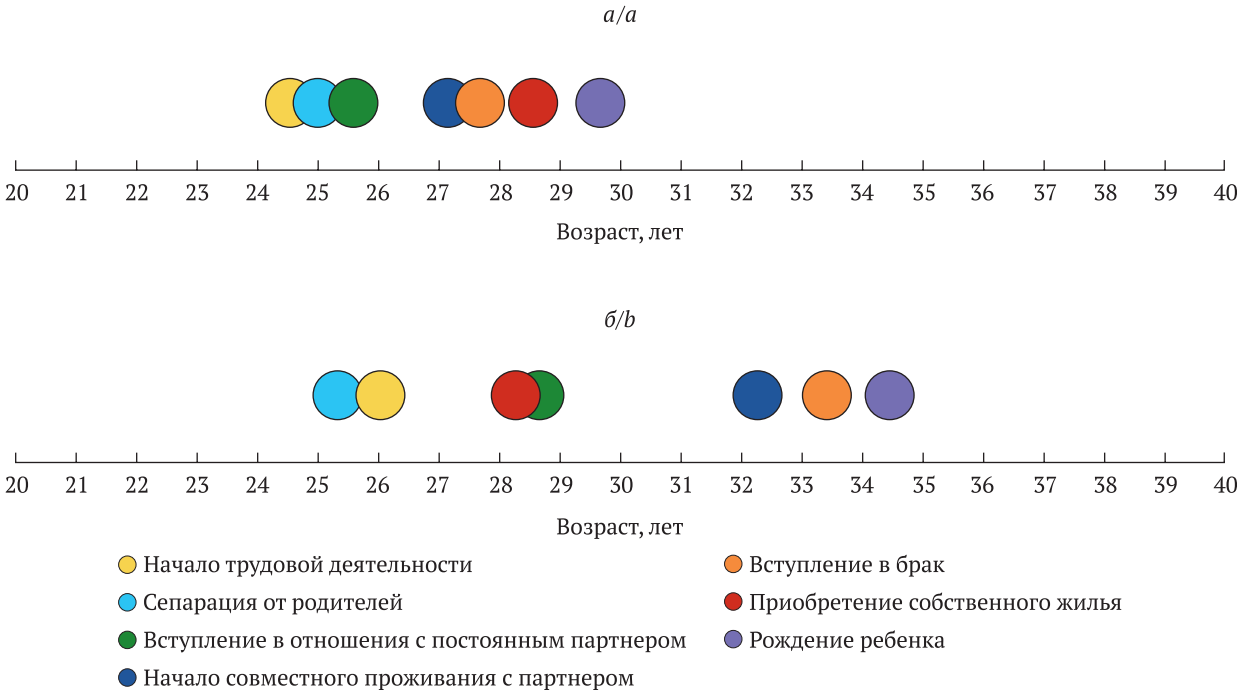

Рис. 1. Средние возрасты наступления основных биографических событий в жизни условных поколений молодежи Минска (a) и Гонконга (б)

Fig. 1. Average ages of key biographical events in the lives of hypothetical generations of youth in Minsk (a) and Hong Kong (b)

Обсуждение результатов

Как показал анализ основных биографических событий, наибольшие различия усредненных траекторий жизненного пути молодежи Минска и Гонконга

наблюдаются в области создания собственной семьи и рождения детей. Во-первых, в жизни молодежи Гонконга эти события распространены в гораздо

меньшей степени, а во-вторых, они наступают значительно позже. Согласно концепции жизненного пути подобные различия могут быть обусловлены двумя группами факторов. С одной стороны, объективные социально-экономические условия жизни в Гонконге, вероятно, являются менее подходящими для семейного образа жизни, с другой стороны, для молодежи Гонконга брак и семья, по-видимому, имеют меньшую ценность. Данные факторы не исключают друг друга и могут действовать одновременно.

Оценка влияния объективных причин на траектории жизненного пути молодежи представляется комплексной и сложной задачей, которая требует самостоятельного исследования. В ходе проведенного выше анализа сепарации от родителей и приобретения собственного жилья было установлено, что в Гонконге сложилась более напряженная ситуация с доступностью жилья, вследствие чего значительная доля молодых людей чаще проживают в арендном жилье или приобретают в собственность жилые помещения с малым количеством комнат. Данное обстоятельство может оказывать значительное негативное влияние на возможности молодежи создавать собственные семьи. Однако строгая и методологически корректная оценка влияния данного

фактора на брачное и репродуктивное поведение с учетом объема и сложности такой задачи может быть проведена только в рамках отдельной статьи.

В то же время данные социологических опросов, проведенных в Минске и Гонконге в 2023 г. по единой методологии программы «Поколения и гендер», позволяют сопоставить ценностные ориентации молодежи двух городов в брачно-семейной сфере. В этом случае молодежь от 20 до 40 лет рассматривается как единая группа (без деления на возрастные подгруппы), что позволяет использовать для Минска результаты опроса 2023 г.

Социологические данные демонстрируют существенные различия в значимости брака и детей для представителей молодежи Минска и Гонконга. Прежде всего необходимо отметить различия в восприятии брака как социального института. Абсолютное большинство молодежи Минска (70,0 %) не согласилось с суждением о том, что брак – это устаревшее явление. Таким образом, подтверждается ранее сформулированный тезис, согласно которому вступление в зарегистрированный брак является социальной нормой для минчан. В свою очередь, лишь 43,0 % респондентов из Гонконга не согласились с суждением об устаревшем характере института брака (рис. 2).

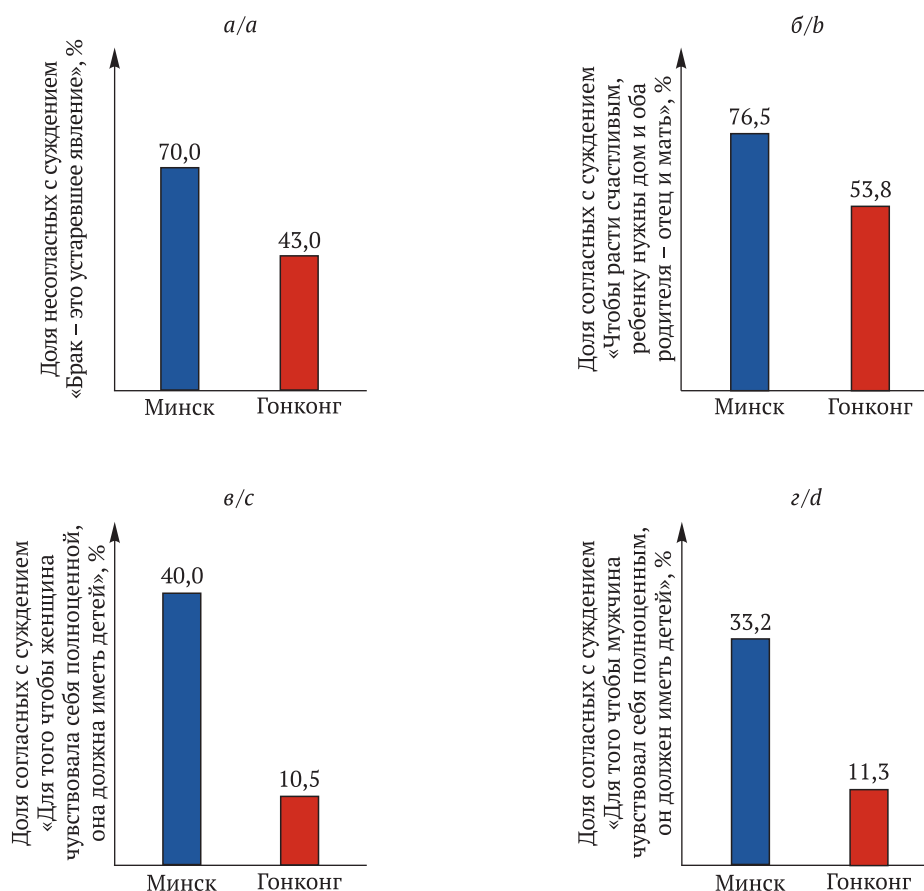

Рис. 2. Отношение молодежи Минска и Гонконга к суждениям о значимости брака и детей (по данным опроса 2023 г.)

Fig. 2. Attitudes of young people in Minsk and Hong Kong toward judgments about the importance of marriage and children (according to 2023 surveys)

Традиционно одной из основных функций брака считается рождение и воспитание детей. В связи с этим модель семьи, состоящая из двух супругов и детей, рассматривается большинством населения как некоторый стандарт или социальная норма. Однако и по этому вопросу наблюдаются значительные различия между представителями молодежи Минска и Гонконга. Так, более 75 % опрошенных молодых людей из Минска считают, что для счастливого детства ребенку необходимо расти в семье с двумя родителями. В Гонконге такого мнения придерживаются лишь около 54 % респондентов, т. е. почти половина опрошенных молодых людей не рассматривают брак как необходимое условие для успешного и полноценного воспитания детей (см. рис. 2).

В контексте обсуждения роли брака в воспитании детей целесообразно отдельно рассмотреть значимость для молодежи рождения собственных детей. Для этого проанализируем согласие с суждениями о том, что рождение детей является необходимым условием для самореализации человека как полноценного мужчины или полноценной женщины. Переходя к оценке результатов, стоит отметить, что как в Минске, так и в Гонконге большинство опро-

шенных молодых людей не согласились с данными суждениями. Вместе с тем в Минске доля сторонников подобной точки зрения значительно выше: 40 % респондентов считают, что рождение ребенка необходимо для полноценной самореализации женщины, и около 33 % респондентов придерживаются аналогичного мнения относительно значимости рождения детей для мужчин. В Гонконге подобные представления как в отношении женщин, так и в отношении мужчин разделяют немногим более 10 % опрошенных молодых людей.

Таким образом, по всем рассмотренным вопросам молодежь Гонконга демонстрирует гораздо меньшую ориентацию на ценность брака и рождения детей, что вполне сочетается с местом соответствующих событий в их жизненном пути. Однако подобную корреляцию между ценностными ориентациями и фактическим поведением нельзя автоматически рассматривать как причинно-следственную связь. Вполне вероятно, что отсутствие приемлемых условий для создания семьи и рождения детей приводит к массовому отказу молодежи от семейного образа жизни, а на уровне осознания этой ситуации действует механизм пострационализации.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, необходимо отметить следующие аспекты. Траектории жизненного пути молодежи Минска и Гонконга в целом соответствуют представлениям о взрослении в условиях сверхурбанизированной среды. Возрастной интервал от 20 до 24 лет в жизни большинства представителей городской молодежи – это период завершения обучения и выхода на рынок труда. Данный процесс сопровождается территориальной сепарацией от родителей, причем в крупных городах для значительной доли молодых людей единственным доступным вариантом ранней сепарации является переезд в арендное жилье. В результате уже в возрастной группе от 25 до 29 лет типичный представитель молодежи Минска и Гонконга – это завершивший обучение и работающий по найму человек, проживающий отдельно от родителей. Однако на этом сходства траекторий жизненного пути молодежи Минска и Гонконга заканчиваются. Особенность траектории жизненного пути минчан заключается в том, что одновременно с сепарацией от родителей и началом трудовой деятельности большинство молодых людей начинают отношения с постоянным партнером, ориентированные на довольно быстрый переход к сожительству, регистрации брака и рождению ребенка. Все указанные события в жизни минчан в среднем происходят до 30 лет. Ситуация в Гонконге принципиально отличается: лишь после 35 лет сожительство с постоянным партнером и (или) вступление в зарегистрированный брак ха-

рактерны для более чем половины респондентов, при этом рождение детей (даже одного ребенка) – это выбор меньшинства молодых людей указанного мегаполиса.

В соответствии с концепцией жизненного пути настолько существенные различия в наступлении отдельных биографических событий могут быть вызваны объективными социально-экономическими условиями и разными ценностными ориентациями молодых людей. Основные различия траекторий жизненного пути молодежи Минска и Гонконга наблюдаются в сфере создания собственной семьи, в том числе рождения детей. Представленные в статье данные показывают, что среди объективных условий, препятствующих реализации matrimониальных и репродуктивных установок, можно назвать гораздо более напряженную ситуацию с доступностью жилья в Гонконге по сравнению с таковой в Минске.

С точки зрения ценностей для молодежи Гонконга характерна значительно меньшая ориентация на традиционные представления о значении брака и детей в жизни общества и отдельного человека. Так, большинство опрошенных жителей Гонконга не отвергают суждение о браке как об устаревшем социальном институте. Почти половина респондентов не считают наличие полной семьи принципиальным условием для счастливого детства ребенка. Мнение о том, что рождение детей является важным условием для самореализации человека как полноценного мужчины или полноценной женщины,

поддерживает лишь один из десяти представителей молодежи Гонконга.

Влияние на траектории жизненного пути молодежи таких факторов, как жилищные условия и цен-

ностные ориентации, приводится в статье скорее в качестве обоснованной гипотезы. Конкретный характер, механизмы и сила такого влияния требуют отдельного исследования.

Библиографические ссылки

1. Ежов ОН. Проблема жизненного пути в западной социологии. *Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология*. 2005;4:82–95. EDN: JWAQBB.
2. Бессчетнова ОВ. Генезис концепции жизненного пути в отечественной и зарубежной науке. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии*. 2016;4:71–80. DOI: 10.15688/jvolsu7.2016.4.8.
3. Лапето А, Терещенко О, Шавердо Т. Переход в самостоятельную жизнь (возрастные модели жизненных путей). В: Акулова МЮ, Антипова ЕА, Артеменко ЕК, Белов АА, Бородачева ЕМ, Бурлуцкая МГ и др. *Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Том 2, Анализ результатов исследования «Поколения и гендер»*. Терещенко О, Кучера Т, редакторы. Минск: Белсэнс; 2018. с. 14–22.
4. Mescherkina EY. Life course and biography: succession of sociological categories (analysis of Western conceptions). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2002;7:61–67. EDN: MPKWPP.
5. Ротман ДГ, Эмери Т, Кабако С, Филинская ЛВ, Соглаева ЛА, Иванюто ОВ и др. *Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Том 1, Методология и опыт проведения исследования «Поколения и гендер»*. Ротман ДГ, Эмери Т, редакторы. Минск: Белсэнс; 2018. 162 с.
6. Ротман ДГ, Данилов АН, Булышко ДМ, Белов АА, Бельский АМ, Воднева АК и др. *Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна-2018*. Булышко ДМ, Ротман ДГ, редакторы. Минск: БГУ; 2019. 191 с.

Статья поступила в редколлегия 24.12.2025.
Received by editorial board 24.12.2025.

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

**Евгения Аркадьевна
КЕЧИНА**

**Evgeniya Arkad'evna
KECHINA**

Известный белорусский социолог, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета Евгения Аркадьевна Кечина 5 января 2026 г. отмечает юбилей. Вся ее профессиональная деятельность неразрывно связана с развитием методологии, методики и статистического анализа данных социологических исследований, а также социально-экономической статистики и демографии.

Евгения Аркадьевна родилась в Минске. В 1987 г. окончила механико-математический факультет БГУ, с 1991 г. работает на кафедре социологии, где прошла путь от преподавателя до профессора. В 1996 г. Е. А. Кечина защитила кандидатскую диссертацию на тему «Статистические данные как источник социологической информации при изучении проблем личности». В 1998 г. ей было присвоено ученое звание доцента. Следующей важной вехой в жизни исследователя стала успешная защита в 2009 г. докторской диссертации на тему «Взаимодействие социологии и статистики: теоретико-методологи-

ческий аспект». В 2013 г. Евгении Аркадьевне было присвоено ученое звание профессора.

Научно-исследовательская деятельность Е. А. Кечиной сфокусирована на проблематике ВИЧ-инфекции в Республике Беларусь, поведенческих рисках уязвимых групп населения и специфике самосохранительного поведения. Ее высокий экспертный статус подтверждается членством в Республиканской группе по мониторингу и оценке ситуации по ВИЧ/СПИДу, а также в Республиканском консультативном совете по мониторингу и оценке.

Профессор Е. А. Кечина обладает глубокими теоретическими и практическими знаниями, постоянным стремлением к повышению квалификации и ответственным отношением к преподавательской деятельности. Одной из первых в университете она внедрила в практику современные электронные курсы с использованием ресурсов образовательного портала БГУ, в том числе авторские видеолекции. При организации занятий Евгения Аркадьевна успешно использует методы развития аналитиче-

ского мышления и практико-ориентированный подход, что в полном объеме отражено в ее авторских учебных программах. Большое внимание профессор уделяет руководству дипломными и магистерскими исследованиями: многие из этих работ получают высшие баллы по итогам защиты и занимают призовые места на республиканских конкурсах студенческих научных трудов. Кроме того, она успешно консультирует аспирантов, соискателей и докторантов: под ее руководством защищены четыре кандидатские диссертации.

Евгения Аркадьевна является председателем совета по защите докторских диссертаций по социологическим наукам Д 02.01.03 при БГУ. Она также входит в состав редакционных коллегий и советов ряда авторитетных научных изданий, среди которых журнал «Социология и право» Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, а также «Вестник Майкопского государственного технологического университета».

Е. А. Кечина активно задействована в реализации национальных и международных исследовательских проектов, в выполнении кафедральной

научно-исследовательской работы. Она вносит значительный вклад в научную и общественную жизнь факультета и кафедры, регулярно выступая на конференциях, семинарах и круглых столах различного уровня. Профессор является автором более 150 публикаций, среди которых монографии, статьи, учебные пособия, а также учебно-методические и справочно-энциклопедические издания.

Евгения Аркадьевна награждена нагрудным знаком Министерства образования Республики Беларусь «Отличник образования», в 2025 г. удостоена высокого звания «Заслуженный работник БГУ».

Профессор Е. А. Кечина – ответственный человек, ее отличают увлеченное отношение к делу, открытость к восприятию нового, а также умение эффективно организовать как собственный труд, так и деятельность научного коллектива.

Сердечно поздравляем вас, Евгения Аркадьевна, с прекрасным юбилеем! Искренне желаем крепкого здоровья, счастья, благополучия и успехов в науке и образовании.

А. Н. Данилов¹

¹Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.vitebsk55@gmail.com

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

**Михаил Яковлевич
ТИШКЕВИЧ**
**Mikhail Yakovlevich
TISHKEVICH**

Печальное известие пришло из Гомеля в те дни, когда четвертый номер журнала уже находился на этапе верстки. На 64-м году жизни 6 декабря 2025 г. скончался наш коллега и друг – заведующий кафедрой политологии и социологии юридического факультета Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, кандидат социологических наук, доцент Михаил Яковлевич Тишкевич.

Михаил Яковлевич родился 7 ноября 1962 г. в Хойниках. В 1989 г. окончил Гомельский государственный университет (получил диплом по специальности «история»), в 1996 г. – аспирантуру Белорусского государственного университета. Свой профессиональный путь ученый начал в том же 1989 г., работая на кафедре политической социологии альма-матер, которую возглавлял с 2006 по 2015 г. С 2019 г. по декабрь 2021 г. был заместителем декана юридического факультета, с декабря 2021 г. и до своей преждевременной кончины руководил кафедрой политологии и социологии.

Мы не часто встречались с Михаилом Яковлевичем, больше созванивались, но всегда наш разговор был искренним и теплым. Приезд ученого в Минск

чаще всего был связан со служебными делами, конференциями, другими научными и общественными мероприятиями. М. Я. Тишкевичу были свойственны скрупулезность в делах, конкретность в работе и внимательное отношение к друзьям. Эти качества характера сочетались с его исключительно ответственным подходом к науке, преподавательской деятельности и университетским делам. Исследования, в которых участвовал ученый, всегда отличались точностью замеров и неукоснительным соблюдением выборки, доказательностью выводов, аргументированностью и реалистичностью рекомендаций.

М. Я. Тишкевич гармонично совмещал административные функции с научной и учебно-методической деятельностью. В 2017 г. под руководством профессора Д. Г. Ротмана он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук, в 2020 г. ему было присвоено звание доцента. Михаил Яковлевич активно занимался исследовательской деятельностью, часто публиковался. По преподаваемым дисциплинам он издал курсы лекций и учебные пособия.

Ученый был высокозурдированным, талантливым и трудолюбивым человеком, инициативным

и доброжелательным преподавателем, а также справедливым руководителем. Он легко находил общий язык с коллегами и студентами, занимал активную гражданскую позицию, часто выступал экспертом на различных дискуссионных площадках и телевидении. Среди научной общественности социолог пользовался большим и заслуженным авторитетом.

Михаил Яковлевич прожил недолгую, но яркую и достойную жизнь, которую глубоко и искренне

любил. Его уход – большая и невосполнимая утрата для всех.

М. Я. Тишкевич навсегда запомнится нам, его коллегам по социологическому цеху, с которыми дружил, работал и общался, как безупречный профессионал, глубоко интеллигентный, открытый, порядочный и честный человек, всегда готовый прийти на помощь. Скорбим и помним...

А. Н. Данилов¹

¹Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.vitebsk55@gmail.com

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 316.77(091)(075.8)

История социальных коммуникаций : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0321-03 «Социальные коммуникации» / БГУ ; сост. О. Е. Дмитриева. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 115 с. Библиогр. : с. 112–115. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/335640>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 08.10.2025, № 010908102025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «История социальных коммуникаций» подготовлен в соответствии с требованиями образовательного стандарта специальности «социальные коммуникации», учебной программой по учебной дисциплине «История социальных коммуникаций» и предназначен для студентов специальности 6-05-0321-03 «Социальные коммуникации» очной формы получения высшего образования. Содержание ЭУМК включает в себя тексты лекций, темы и задания семинарских занятий, список вопросов для подготовки к контрольным мероприятиям и промежуточной аттестации по учебной дисциплине, рекомендуемый список литературы.

УДК 316.2(4-15)(075.8)

История современной западной социологии : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0314-01 «Социология» / Л. Г. Титаренко ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 77 с. Библиогр. : с. 52–53. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/338422>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 05.12.2025, № 015205122025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «История современной западной социологии» предназначен для студентов специальности 6-05-0314-01 «Социология» очной и заочной форм обучения. В ЭУМК входят перечень и содержание лекций, примерные задания для семинарских занятий и управляемых самостоятельных работ, перечень контрольных мероприятий, примерная тематика рефератов, примерные вопросы к экзамену, методические рекомендации по организации самостоятельной работы обучающихся, список рекомендуемой литературы.

УДК 316.334:378.016(06) + 316.42(06)

Человек в фокусе новых вызовов : сб. науч. ст. IV Междунар. науч.-методол. междисциплинар. семинара «Новые вызовы и перспективы развития современного социума» (Минск, 13 нояб. 2025 г.) / БГУ ; редкол.: А. Н. Данилов (гл. ред.) [и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 468 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/338807>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 15.12.2025, № 015615122025. Текст : электронный.

Сборник научных статей составлен по материалам IV Международного научно-методологического междисциплинарного семинара «Новые вызовы и перспективы развития современного социума» на тему «Человек в фокусе новых вызовов», состоявшегося 13 ноября 2025 г. и организованного кафедрой социологии факультета философии и социальных наук БГУ. Представлены материалы отечественных и зарубежных ученых по исследованию новых вызовов и угроз, направленные на раскрытие созидательного потенциала человека в целях разработки стратегии безопасного будущего на планете Земля. Сборник адресован широкому кругу читателей.

УДК 316.334.56(06)

Современная урбанистика: устойчивое развитие городов в условиях цифровой трансформации : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. фак. философии и соц. наук Белорус. гос. ун-та (21 ноября 2025 г.) / БГУ ; [редкол.: В. С. Сайганова (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 564 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/339460>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 29.12.2025, № 018129122025. Текст : электронный.

Сборник содержит статьи участников Международной научно-практической конференции «Современная урбанистика: устойчивое развитие городов в условиях цифровой трансформации» и представляет собой результаты теоретической и эмпирической работы отечественных и зарубежных ученых и практиков. Сборник адресуется широкому кругу читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Данилов А. Н.</i> Памяти академика Михаила Константиновича Горшкова.....	4
---	---

КРУГЛЫЙ СТОЛ

<i>Данилов А. Н., Бурак П. М., Бондарь Ю. П., Водопьянов П. А., Вологовский И. Д., Зеленков А. И., Курбацкий А. Н., Можейко М. А., Мясникович М. В., Рахманов С. К., Щёткина М. А.</i> Человек в фокусе новых вызовов.....	6
--	---

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Титаренко Л. Г.</i> Возможна ли новая парадигма в современной социологии?.....	27
<i>Воробьева С. В., Легчилин А. А.</i> Философия государства: основные модели цивилизационного развития.....	32
<i>Щербин В. К.</i> Проблема идентификации белорусских научных школ в области гуманитарных и социальных наук.....	47

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

<i>Щёткина М. А., Лабейко О. А., Юрашевич Н. М.</i> Корпоративная этика как современный инструмент реализации государственной кадровой политики.....	62
<i>Гиммельрейх О. В.</i> Социальный потенциал профессионально-ориентационной работы с несовершеннолетними на примере военно-патриотической деятельности Министерства внутренних дел Республики Беларусь.....	68

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Можейко М. А., Севастов К. В.</i> Прозрачный герой, или Синдром Брисейды.....	74
--	----

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Чжао Юаньлун.</i> Траектории жизненного пути белорусской и китайской городской молодежи на примере жителей Минска и Гонконга.....	83
--	----

ЮБИЛЕИ

<i>Евгения Аркадьевна Кечина</i>	94
--	----

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

<i>Михаил Яковлевич Тишкевич</i>	96
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	98

CONTENTS

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

<i>Danilov A. N.</i> To the memory of academician Mikhail Konstantinovich Gorshkov.....	4
---	---

ROUND TABLE

<i>Danilov A. N., Burak P. M., Bondar Yu. P., Vodopianov P. A., Volotovskii I. D., Zelenkov A. I., Kurbatski A. N., Mojeiko M. A., Myasnikov M. V., Rakhmanov S. K., Shchetkina M. A.</i> Humans in the focus of new challenges.....	6
--	---

ARTICLES AND REPORTS

<i>Titarenko L. G.</i> Is a new paradigm possible in modern sociology?.....	27
<i>Vorobyova S. V., Liahchilin A. A.</i> Philosophy of the state: main models of civilisational development.....	32
<i>Shcherbin V. K.</i> The problem of identification of Belarusian scientific schools in the field of humanities and social sciences.....	47

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

<i>Shchetkina M. A., Labeyko O. A., Yurashevich N. M.</i> Corporate ethics as a modern instrument for the implementation of state personnel policy.....	62
<i>Himmelreich O. V.</i> Social potential of professional guidance work with minors on the example of military-patriotic activities of Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus.....	68

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Mojeiko M. A., Sevastov K. V.</i> Transparent character, or Syndrome of Briseis.....	74
---	----

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Zhao Yuanlong.</i> Life trajectories of Belarusian and Chinese urban youth on the example of residents of Minsk and Hong Kong.....	83
---	----

JUBILEES

<i>Evgeniya Arkad'evna Kechina</i>	94
--	----

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

<i>Mikhail Yakovlevich Tishkevich</i>	96
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	98

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), China National Knowledge Infrastructure.

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 4. 2025**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-72-34, (017) 259-72-38.
E-mail: jsociol@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы *Н. Н. Герасимович, А. С. Люкевич,
С. Р. Пинчук, М. Д. Баранова, О. А. Семенец*
Технические редакторы *А. Р. Голик, М. А. Панкратова*
Корректор *В. И. Авчинникова*

Подписано в печать 30.12.2025.
Тираж 25 экз. Заказ 0000.

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 4. 2025**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-72-34, (017) 259-72-38.
E-mail: jsociol@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September, 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors *N. N. Herasimovich, A. S. Lyukevich,
S. R. Pinchuk, M. D. Baranova, O. A. Semenets*
Technical editors *A. R. Golik, M. A. Pankratova*
Proofreader *V. I. Avchinnikova*

Signed print 30.12.2025.
Edition 25 copies. Order number 0000.